

АЛЛА ЛИХАЧЕВА

РУССКАЯ
КОММУНИКАТИВНАЯ
КУЛЬТУРА
И ЕЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ
ПРОЯВЛЕНИЯ

В СОПОСТАВЛЕНИИ
С ЛИТОВСКОЙ
И ДРУГИМИ КОММУНИКАТИВНЫМИ
КУЛЬТУРАМИ

АЛЛА ЛИХАЧЕВА

РУССКАЯ
КОММУНИКАТИВНАЯ
КУЛЬТУРА
И ЕЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ
ПРОЯВЛЕНИЯ

В СОПОСТАВЛЕНИИ
С ЛИТОВСКОЙ
И ДРУГИМИ КОММУНИКАТИВНЫМИ
КУЛЬТУРАМИ

Монография

VILNIUS
UNIVERSITETO
LEIDYKLA

ВИЛЬНИУС 2017

Обсуждено и рекомендовано к печати
Советом филологического факультета
Вильнюсского университета
(2016-12-2, протокол № 3)

Рецензенты:

Доктор педагогических наук, доктор филологических наук,
профессор Ю.Е. Прохоров
Санкт-Петербургский государственный университет

Хабилитированный доктор гуманитарных наук,
профессор А. Гудавичюс
Шяуляйский университет

Книга издана в авторской редакции

Библиографическая информация об издании представлена
в Национальном банке библиографических данных (NBDB)
Литовской национальной библиотеки имени Мартинаса Мажвидаса

ISBN 978-609-459-867-8 (электронная версия)

ISBN 978-609-459-868-5 (версия для печати)

© Алла Лихачева, 2017

© Вильнюсский университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ / 7

Глава 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА / 17

- §1. О понятии «национальная коммуникативная культура» / 17
- §2. Коммуникативное поведение и коммуникативное сознание народа. Способы описания национальных коммуникативных культур / 19
- §3. Вербальное и невербальное в коммуникативной культуре / 25
- §4. Невербальные элементы русской коммуникативной культуры / 38
- §5. Типы коммуникативных культур / 43
- §6. Национальный коммуникативный стиль как отражение особенностей национальной коммуникативной культуры / 55

Глава 2. РУССКАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ВЕРБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ / 61

- §1. Основные характеристики русского общения / 61
- §2. Русский вербальный коммуникативный стиль в сопоставительном плане / 81

- §3. Интенсификация высказывания как проявление русского коммуникативного стиля / 95
- §4. Идея родства в русской коммуникативной культуре / 113
- §5. *Говорение* в русском коммуникативном сознании и сленгизация речи / 133
- §6. Вербальные особенности русской коммуникативной культуры в зеркале городских номинаций / 155

Глава 3. ОЧЕРК ЛИТОВСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ / 171

- §1. Коммуникативный портрет литовцев в связи с понятием *национальный характер* / 171
- §2. Вербальные показатели дистанции общения в литовском коммуникативном стиле / 202
- §3. Русская составляющая литовской вербальной коммуникации / 214

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / 237

ЛИТЕРАТУРА / 241

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ / 267

SANTRAUKA / 279

SUMMARY / 287

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга полемизирует с теми, кто считает, что национальных коммуникативных особенностей не существует либо они настолько незначительны, что не требуют специального изучения, выявления и объяснения. Во время ее написания я обратила внимание на то, что подобный стимул руководил и авторами некоторых других исследований, посвященных коммуникативным культурам разных народов, а также проблемам межкультурной коммуникации. Так, Т. Ларина, автор нескольких крупных работ об английской и русской лингвокультурных традициях, одну из своих книг начинает с упоминания об оптимистичном заявлении молодой участницы международной конференции о том, что проблемы в межкультурной коммуникации – это выдумка исследователей, и что любые различия несущественны, если есть желание общаться. Т. Ларина пишет, что для успеха коммуникации одного стремления к общению недостаточно, а «ошибки, касающиеся нарушения культурных норм, воспринимаются крайне болезненно и могут иметь серьезные последствия» [Ларина 2013: 13].

Отторжение чужих коммуникативных проявлений, непонимание природы национальных различий в общении может сопровождаться коммуникативным шоком. По аналогии с термином «культурный шок», автором которого является американский антрополог Калерво Оберг [Oberg K. 1960] *коммуникативным шоком* предлага-

ется называть «резкое осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляющееся в условиях непосредственной межкультурной коммуникации, не понимаемое, неадекватно интерпретируемое или прямо отторгаемое представителем гостевой (или принимающей, как показано в примере в сноске¹ – А.Л.) лингвокультурной общности с позиций собственной коммуникативной культуры» [Стернин 2002с: 10]. Результатом культурного шока может стать чувство национального превосходства и высокомерия в отношении носителей другой коммуникативной культуры, поэтому, по мнению исследователей межкультурных контактов, необходимо системное описание национальных особенностей общения одного народа для представителей другого народа [там же: 13].

Культурный или коммуникативный шок являются крайними проявлениями неприятия чужого, а точнее – на определенном этапе – *чуждого* культурного окружения. Являясь носителями разных коммуникативных стандартов, соответствующих разным культурам, их представители не только по-разному ведут себя в обычных ситуациях общения, но и не сразу понимают и принимают иное поведение. Так, оказавшимся в Будапеште канадцам и американцам, по свидетельству канадского лингвиста Жака Чамберса (J. K. Chambers), требуется время для усвоения того факта, что продавец в магазине выдаст им товары, не вступая в разгово-

---

¹ В качестве яркого примера коммуникативного шока можно привести фрагмент книги российского журналиста, работавшего в Японии, очевидца «грубейшей коммуникативной ошибки американца в Японии, который попросил японского коллегу-журналиста, который нес свой материал в типографию, занести по пути и его статью – японца постиг коммуникативный шок: он остолбенел, как будто ему предложили броситься головой вниз в лестничный пролет, с трудом превозмог себя и пошел вниз, даже забыв воспользоваться лифтом. «Как можно было обратиться к нему с такой просьбой – в его возрасте, положении, к отцу двоих детей? – укоряли американца японские коллеги. – Вы обратились к нему как к простому курьеру!» [об этом: Стернин 2002с: 11].

ры, тогда как для туристов из Восточной Европы весьма странной покажется манера владельцев магазинов в Торонто или Чикаго заводить с покупателем легкую беседу (*small talk*), поддерживая при этом визуальный контакт [Chambers 2009: 8].

Безусловно, коммуникативные различия не обязательно приводят к конфликтам или недоразумениям, напротив – они могут удивлять и даже восхищать людей, оказавшихся в инокультурном окружении. Собственным опытом «удивления или восхищения» во время поездок или проживания в другой стране, вероятно, могут поделиться многие. Таковы, например, впечатления литовского студента, приехавшего учиться в английский университет: «Официантки, работницы почты, продавщицы всех называют всякими ласковыми словами, кассирша в магазине может спросить: *Do you need a bag, sweetheart?* (букв. Тебе нужен пакет, мой дорогой/любимый?). Это странно, но приятно». Гостей чужого города может интриговать или озадачивать его вербальное оформление (язык вывесок, непривычные, непонятные названия кафе и магазинов), и, наоборот, представленные в городских объектах общеизвестные международные бренды вызовут ощущение похожести нашего языкового существования. Те, кто бывает за границей, замечают, что в музеях, в транспорте, в ресторанах у них часто с дружелюбным интересом спрашивают: «Откуда вы, из какой страны?». «Как они узнали, что мы иностранцы, ведь мы еще ни слова не произнесли в их присутствии?», – удивляются путешественники. Ответ на этот вопрос мы также можем найти в работах, связанных с темой особенностей национальных коммуникативных культур: «Находясь в чужой культурно-языковой среде, человек выделяется из толпы не только одеждой, как думают некоторые, а еще «чем-то», что бывает трудно выразить словами. Это «что-то» – мимика, артикуляция, жесты, движения тела, специфическая походка. Из-за артикуляционных особенностей разных языков лицевые мышцы их носителей

развиты в разной степени. Выражение лица может также зависеть от того, какая степень эксплицитного выражения эмоций считается допустимой в данной культуре» [Леонтович 2005: 281].

Аргументируя необходимость описания национальных культурных канонов и включения информации о них в процесс языкового обучения, С. Тер-Минасова в книге «Язык и межкультурная коммуникация» предупреждает: многолетняя практика преподавания живых языков как мертвых приучила нас к недооценке того обстоятельства, что в ситуации контакта представителей различных культур языковой барьер – не единственное препятствие на пути к взаимопониманию, при этом культурные ошибки воспринимаются гораздо болезненнее языковых [Тер-Минасова 2000: 28–29, 34]². Серьезным следствием игнорирования самой возможности различий в коммуникативных культурах может стать этническая интолерантность и конфликты, о чем пишут и литовские исследователи: «[Р]еалии современного мира показывают, что замалчивание проблематики психологических различий народов или сознательная ее элиминация из пространства научных дискуссий не помогает избегать социально-политических конфронтаций, возникающих на этнической почве» (*[N]ūdienio pasaulio realijos liudija, kad tautų psichologinių skirtumų problematikos nutylėjimas ar sąmoningas*

---

² В названной книге приводятся многочисленные иллюстрации подобных препятствий; вот один из примеров, актуальный в университетской среде: «Культурный конфликт произошел у российских студентов, учившихся по американской программе, с преподавателями из США. Заметив, что несколько студентов списывают, американские преподаватели поставили неудовлетворительные оценки всему потоку, что обозначало и моральный удар, и большие финансовые потери для российских студентов. Американцы возмущались теми, кто давал списать, и теми, кто списывал. Идеи «не пойман – не вор» и «доносчику первый кнут» не имели никакого успеха. Все сдавшие этот письменный экзамен были вынуждены снова его сдавать и снова платить деньги. Часть российских студентов, возмущенная этой ситуацией, отказалась продолжать программу» [Тер-Минасова 2000: 22].

jos pašalinimas iš mokslinių diskusijų erdvės nepadedą išvengti etniniu pagrindu kylančių socialinių-politinių konfrontacijų [Žakaitis 2011: 30].

Начиная с 50-х годов минувшего века, в связи с возросшей после Второй мировой войны необходимостью в международном взаимопонимании и сотрудничестве, в американской коммуникативистике начинает складываться теория межкультурной коммуникации (G.L. Trager, E.T. Hall³, D. Berlo, H.C. Triandis, R.W. Brislin и др.), вызвавшая интерес у исследователей во всем мире. В наше время проблемы описания национально-культурной специфики общения приобрели особую актуальность. Глобальные миграционно-иммиграционные процессы, потребность в эффективном партнерстве политиков и бизнесменов разных стран, массовый международный туризм, интенсивный академический обмен – эти и другие факторы стимулировали внимание к так называемому диалогу культур, к межкультурной (в части работ называемой кросс-культурной) коммуникации и обусловили выделение межкультурной коммуникации в самостоятельную область общегуманитарных исследований⁴. Только в России за последние годы появился целый ряд изданий, посвященных различным аспектам вза-

³ Впервые термин *межкультурная коммуникация* – *intercultural communication* – использован в 1954 г. в статье Trager G.L., Hall E.T. Culture and communication: A model and analysis [Trager, Hall 1954].

⁴ Красноречивые свидетельства необходимости самых серьезных межкультурных исследований приводятся А. Бердичевским и А. Голубевой: «По данным организации Intercultural Network, занимающейся межкультурным тренингом менеджеров, от 27 до 35% всех командировок за границу заканчиваются преждевременным возвращением командированного, 35% не достигают поставленных целей, 50% совместных международных коллективов распадаются, не достигнув результатов <...>. Кроме того, руководитель зарубежного представительства, не имеющий представления о культуре страны, с которой он работает, может сильно испортить деловые отношения с иностранными партнерами <...> (www.icunet.ag). Такие же проблемы возникают и при общении на бытовом уровне» [Бердичевский, Голубева 2015: 45–46].

имодействия представителей разных культур: в 2003 г. – «Теория и практика межкультурной коммуникации» Д. Гудкова и «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» В. Красных; в 2005 г. – «Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения» О. Леонтович; в 2000 г. – «Язык и межкультурная коммуникация», в 2008 г. – «Война и мир языков и культур» С. Тер-Минасовой и др.

Но фиксация возможных сложностей межкультурных контактов, рекомендации по осуществлению гармоничной коммуникации между представителями разных культур должны начинаться с объективации сущностных черт *каждой* из контактирующих культур, и в первую очередь – с выявления и анализа тех элементов культур, которые важны непосредственно в общении, т.е. с выделения *коммуникативно релевантных* признаков конкретных национальных культур. Иными словами, следует сосредоточить внимание на том, что, все более разделяя глобально-культурные, унифицированные пристрастия в области современного искусства, музыки, кино, дизайна, жители разных стран все-таки – в основном – следуют собственным внутрикультурным правилам общения, так как этого требует от них само существование различающихся *национальных коммуникативных культур*⁵.

В настоящей книге предлагается модель анализа национальной коммуникативной культуры на примере русской коммуникативной культуры и на русском языковом материале в сопоставлении с некоторыми чертами литовской коммуникативной культуры, а также с привлечением сведений о коммуникативных культурах

---

⁵ Например, всем известен видеосюжет: девушка устраивается в кресле самолета и с радостным волнением разворачивает подарок, который получила перед полетом от своего молодого человека: у нее в руках перевязанная красивой лентой коробочка, внутри которой... упаковка жевательной резинки «Орбит». Эта транснациональная реклама в течение долгого времени воспроизводилась телеканалами разных стран. Однако вряд ли жители всех этих стран стали воспринимать жевательную резинку как хороший подарок для дорогих им людей.

других народов. Таким образом, предлагаемая модель строится на совмещении описательно-аналитического и сопоставительного методов представления коммуникативных культур и их вербальных аспектов.

В книге представлено авторское исследование (вторая и третья главы написаны на основании моих статей, опубликованных в 2005–2016 гг. – см. Литература), впервые комплексно рассматривающее наиболее показательные для русского общения языковые средства и сопоставляющее русскую коммуникативную культуру с литовской и другими коммуникативными культурами с учетом их языковых воплощений. Эта книга сможет, таким образом, стать теоретико-прикладным ориентиром для контрастного описания коммуникативных культур, в большей или меньшей степени близких или далеких, имеющих очевидные или латентные различия. Сопоставляемый материал обладает лингводидактической ценностью, и книга может служить введением в описание коммуникативных культур в целом и в русскую или литовскую коммуникативную культуру – в частности. Представляется также, что книга может быть востребована в процессе подготовки культурологов, специалистов по теории и практике перевода, политологов, журналистов, учителей-гуманитариев.

Первая глава является вводной: в ней представлен обзор и обобщение исследований, посвященных различным аспектам анализа этнокультурной обусловленности коммуникации. Здесь изложены основные принципы описания национальных коммуникативных культур, охарактеризовано соотношение вербальных и невербальных средств общения, приведены классификации культур – с выделением тех параметров, которые имеют непосредственное выражение в коммуникации.

Вторая глава посвящена характеристике русской коммуникативной культуры и русского коммуникативного стиля в сопо-

ставлении с инокультурными стилями. При этом специальное внимание уделяется вербальным манифестациям русского коммуникативного стиля, в частности, устойчивому использованию в русскоязычном обыденном общении интенсифицирующих языковых средств, элементов родственного кода, разнообразных обозначений говорения, рассматривается также специфика языкового дизайна русского городского пространства как части коммуникативной культуры. В этом отношении книга отличается от работ лингвокультурологической направленности, описывающих взаимоотношения языка и культуры безотносительно к собственно коммуникативным импликациям.

В третьей главе выделяются некоторые черты литовской коммуникативной культуры, заметные в сопоставлении с русской, что представляется актуальным в условиях их соседства и сосуществования. Коммуникативные особенности литовцев описываются с опорой на отдельные черты национального характера, выделяемые и обсуждаемые не только в работах академического характера, но главным образом – в медийных публикациях, интервью, дискуссиях и форумах, представляющих живой литовский *vox populi*. Стабильные вербальные проявления литовского коммуникативного стиля описываются в основном на этикетном материале, а для характеристики более подвижных явлений (как еще сохраняющихся, так и уходящих из коммуникативной практики) использованы современные записи и некоторые записи устных высказываний прошлых лет (начиная с 2004 г.), собранные мной при подготовке статей, связанных с культурно-языковой ситуацией в Литве. Предпринятое сопоставление не претендует на статус окончательного описания двух близких мне коммуникативных культур, скорее, это эскиз, проект анализа, который может быть продолжен и углублен.

В книге практически не затрагиваются возможные глубинные, исторические причины формирования тех или иных элементов

русской и литовской (впрочем, как и других) коммуникативных культур. Во-первых, это, по-видимому, потребовало бы специального обзора множества разнообразных и противоречивых точек зрения на этот счет. Во-вторых, – и это главное – каков бы ни был полученный «анамнез», мы имеем дело с сегодняшней данностью, при которой носители разных национальных языков и культур обладают уже сформировавшимися чертами, выражающимися в различии их национальных характеров, эмоциональных складов и в особенностях поведения.

В формулировке этнопсихолингвистов, в процессе «присвоения» своей культуры у ее носителей формируются определенные этнические роли [Марковина, Сорокин 2008: 12]: «роль русского», «роль литовца» и пр.

Описанию этих ролей, выявлению их специфических и важных в национальной коммуникативной культуре черт и их языковых манифестаций и посвящена эта книга.

Помимо благодарности моим уважаемым рецензентам профессору Санкт-Петербургского государственного университета Ю.Е. Прохорову и профессору Шяуляйского университета А. Гудавичюсу, хочу выразить искреннюю признательность доценту Вильнюсского университета Е.М. Коницкой, рецензировавшей первоначальный вариант этой книги, а также руководителю международного Центра коммуникативных исследований профессору Воронежского университета И.А. Стернину, знакомство с которым в буквальном смысле открыло для меня направление исследований, с которыми связана и предлагаемая работа.

Глава 1 Национальная коммуникативная культура и национальный стиль коммуникации: общая характеристика

Культура осуществляет коммуникацию.

Э. ЛИЧ

§1. О понятии «национальная коммуникативная культура»

В русском языке сосуществуют слова *коммуникация* (от лат. *communico* – «связываю», «делаю общим», «соединяю», «общаюсь») и *общение* (восходящее к корню «общий»). По определению авторов работ, использующих оба понятия, термин *коммуникация* может толковаться как обмен мыслями, знаниями, чувствами, действиями, т.е. как синоним слова *общение* (*со-общение*) [Кашкин 2013: 13]; *коммуникация* – это научное обозначение общения, т.е. это общение как предмет теоретического описания [Чарыкова, Попова, Стернин 2012: 206]. У слова *культура* в русском языке имеются два основных значения: «1. Совокупность достижений людей во всех сферах жизни, рассматриваемых не порознь, а совместно, – в производственной, социальной и духовной; 2. Высокий, соответствующий современным требованиям уровень этих достижений, то же, что *культурность*» [Степанов 2001: 12]. Этимологически же слово *культура* абсолютно объективно, о чем говорит буквальное значение этого латинского по происхождению абстрактного существительного – «обработка». Но как в русском, так и в других европейских языках, по словам Ю. Степанова, в слове «культура» присутствует оценочность, хотя там она менее заметна [там же: 13–14].

Оценочный компонент в понимании культуры отмечается и западными учеными: в обыденном сознании понятие *культура* чаще всего ассоциируется с человеческими достижениями и, соответственно, воспринимается как синоним «высокой» культуры, в то же время в социологическо-антропологическом смысле культура общества – это образ жизни, комплекс идей и привычек членов этого общества, передаваемых из поколения в поколение; это некоторый «дизайн жизни», определяющий типы поведения, приемлемые для конкретных обществ [об этом: Mestrie, Swann, Deumert, Leap 2011: 28]. Ср. также формулировку основоположника кросс-культурных исследований американского антрополога Д.П. Мёрдока (D.P. Murdock): «Привычки, общие для членов социальной группы, образуют культуру этой группы» [Мёрдок 1997: 50]. Подобную безоценочную дефиницию культуры предлагает и американский психолог, известный исследователь невербального поведения и культурной обусловленности эмоций Д. Мацумото (D. Matsumoto), определяющий человеческую культуру «как уникальную коллективную содержательную и информационную систему, передаваемую из поколения в поколение и позволяющую этому коллективу решать важнейшие проблемы выживания, координировать свои действия для достижения устойчивой жизнеспособности, передавать по наследству социальное поведение, добиваться счастья и благополучия и осмысливать жизнь» [Matsumoto 2007: 1293].

В таком понимании культура и типы поведения ее носителей связаны теснее, чем это обычно представляется. Действительно, будучи членами определенного общества, мы живем в условиях определенной культуры, более того – в условиях определенной коммуникативной культуры: «[П]оскольку культура мира ежедневной жизни сформирована коммуникативными актами, она,

следовательно, по самому своему существу есть коммуникативная культура» [Knoblauch 2001: 25]⁶. И далее: «Коммуникативная культура располагается не в уме и не в объективированных системах или дискурсах: она производится, осознается и трансформируется в коммуникативных действиях» [там же].

Во многих исследованиях отмечается, что коммуникативные особенности могут быть обусловлены различными факторами: гендерной, социальной, возрастной, профессиональной принадлежностью людей [Chambers 2011; Swann 2011; Gender and Communication 2005; Смирнова 2005; Крейдлин 2005; Карасик 2002 и др.]. Но наиболее последовательно различия в типах поведения проявляются при сопоставлении этнических культур, и в этом случае можно говорить о культурной детерминированности поведения, ее национальной обусловленности [De Mooij 2014; Триандис 2007; Карасик 2007; Леонтович 2007, 2005; Miyamoto, Schwarz 2005; Лич 2001; Тер-Минасова 2000 и др.].

§2. Коммуникативное поведение и коммуникативное сознание народа. Способы описания национальных коммуникативных культур

В российских исследованиях по проблемам коммуникации термин *коммуникативная культура* имеет вполне определенное значение: им обозначается часть общей культуры народа, непосредственно проявляющаяся в общении, «компонент национальной культуры, “отвечающий” за коммуникативное поведение

---

⁶ Здесь и далее фрагменты из работ на английском языке приводятся в моем переводе.

нации» [Прохоров, Стернин 2006: 43] (см. также работы В. Дементьева, В. Карасика, Т. Лариной, К. Шилихиной и др.). Иными словами, говоря о той или иной *национальной коммуникативной культуре*, мы говорим о *национальном коммуникативном поведении народа*.⁷ В нашей работе мы имеем в виду именно такое понимание *коммуникативной культуры*.

Коммуникативной деятельностью руководит *коммуникативное сознание* народа, которое определяется как устойчивая совокупность ментальных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации. Так, русское коммуникативное сознание – это комплекс знаний о том, как принято общаться в русской среде, и это общение может иметь как отличия от норм общения в других национальных сообществах, так и сходства с ними. Коммуникативное сознание частично отражено в поговорках и других речевых клише того или иного народа, но в основном носит неявный, латентный характер, требующий специальных исследовательских приемов для его выявления и описания [об этом: Прохоров, Стернин 2006: 51–52; Стернин 2005: 160–161; Стернин 2003а: 5–9; Стернин 2002а]. Коммуникативное сознание включает языковое сознание как свою составную часть, но, в отличие от национального языкового сознания, содержащего информацию об имеющихся в распоряжении говорящих на том или ином языке языковых единицах для обозначения элементов мыслительного содержания (знаний о мире), коммуникативное сознание содержит информацию о том, как в общении используются эти языковые единицы, но не только они. Так, частью языкового созна-

---

⁷ В данном смысле термин «коммуникативное поведение» впервые был использован И.А. Стерниным в работе «О понятии коммуникативного поведения», опубликованной в Германии в сборнике «Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung» (Halle, 1989, S. 279–282) [об этом: Прохоров, Стернин 2006: 5].

ния является информация о национальном ассортименте формул приветствия и их дифференцированных значениях (формулах приветствия утром, днем, вечером, о вежливых или разговорных формулах и др.), в то время как в коммуникативном сознании закреплены сведения о том, как в той или иной культуре осуществляется акт приветствия: кого надо приветствовать вежливо, официально, кого неофициально, на какой дистанции, когда и кого можно не приветствовать, следует ли повторно приветствовать в течение дня и т.д. [Прохоров, Стернин 2006: 51–52]. Таким образом, подобно тому, как язык представляет собой способ экстернизации когнитивного сознания, способом «овнешнения» коммуникативного сознания является коммуникативное поведение народа [Стернин 2005: 164–165].

Описание коммуникативных культур может осуществляться с опорой на комплекс *коммуникативных категорий* – формирующихся в сознании человека представлений, знаний об общении и нормах его осуществления. В каждой коммуникативной культуре могут быть выделены наиболее значимые, наиболее важные для носителей этой культуры коммуникативные категории (напр., категория *разговор по душам* для русских, категория *privacy* для англоязычного западного мира и т.п.). Содержание коммуникативной категории представляет собой совокупность установок и правил общения: что и как надо или не надо делать в общении. Описание коммуникативных категорий может быть осуществлено на духовном, рефлексивном и бытийном уровнях. Духовный уровень говорит о степени важности категории для духовной культуры народа, о принадлежности этой категории к национальным ценностям (для русских это, например, категории *общение, искренность*, для англичан – *вежливость, коммуникативная неприкосновенность*). Рефлексивный уровень отражает представление о

коммуникативной норме, о том, как правильно себя вести в условиях конкретной культуры. Бытийный уровень связан с коммуникативной практикой: не «как надо», а «как на самом деле делают» (напр.: обманывать нельзя, но в жизни без этого не обойтись) (о коммуникативных категориях подробнее см. [Прохоров, Стернин 2006: 96–99; Стернин 2002b: 5–13]).

Типичные причины несоответствия норм и реального поведения хорошо разъяснены Дж. Мёрдоком: «Групповые привычки, составляющие культуру, в значительной степени концептуализированы (или вербализированы) как идеальные нормы, или паттерны поведения. <...> большинство людей демонстрируют значительную степень осознания своих культурных норм, способны отделить их от чисто индивидуальных привычек, способны их концептуализировать и рассказать о них в мельчайших подробностях, в том числе и о тех обстоятельствах, в которых уместна каждая из рассматриваемых культурных норм и в которых следует ожидать санкций за их несоблюдение. <...> Эти идеальные нормы не следует путать с действительным поведением. В каждом отдельном случае поведение индивида является реакцией на текущее состояние его организма (внутренние побуждения) и восприятие той целостной ситуации, в которой он находится. При этом он естественным образом склонен следовать своим устоявшимся привычкам, в том числе и культурным, однако и его побуждения, и природа текущих обстоятельств могут подталкивать его к большим или меньшим отклонениям. Таким образом, поведение не следует автоматически за культурой и последняя является лишь одним из определяющих его факторов» [Мёрдок 1997: 51].

Категория становится «наблюдаемой» и вычленяется как таковая в коммуникативном сознании народа по ее проявлениям в общении, т.е. благодаря анализу практики общения. Сбор эмпи-

рического материала может осуществляться разными способами, основными являются следующие: непосредственное наблюдение за коммуникативным поведением людей; использование материалов путешественников (такие материалы в последние годы получили название «тревел-райтинг», а их авторы – «тревел-райтеры» от англ. *travel writing* и *travel writer*) или специалистов, работавших в других странах и наблюдавших поведение исследуемого народа в процессе коммуникации; опросы, интервьюирование, беседы с представителями интересующих исследователя групп носителей коммуникативной культуры. Использование комплекса методов помогает получить наиболее надежные результаты [Прохоров, Стернин 2006].

При описании национальных коммуникативных культур важно понятие стереотипа, и в том числе стереотипа общения. *Коммуникативные стереотипы* описываются в контексте социального взаимодействия как некие национально детерминированные «модели» действия, поведения в некоторой ситуации. Выработка и трансляция стереотипов общения связана с социализацией личности и определяет ее место как представителя данной культуры. Выход за рамки установленных моделей – например, в межкультурное пространство или в иной репертуар социально обусловленных ролей данной культуры (например, если взрослый человек вдруг оказывается в компании подростков, говорящих исключительно на сленге, или интеллигент – в криминальной среде), т. е. в иную коммуникативную сферу, – приводит к нарушению исполнения (своих) или восприятия (чужих) стереотипов общения [там же]. (О феномене стереотипизации см. также [Леонтович 2005: 236–245]).

В соответствии с концепцией И. Стернина, коммуникативная культура в идеале должна быть описана, во-первых, как целостный комплекс характеристик коммуникативного поведения ее носителей (*принцип системности*), во-вторых, на основании сравнения с

другими коммуникативными культурами (*принцип контрастивности*). Наиболее эффективным считается бикультурное описание, при котором в сопоставляемых коммуникативных культурах могут быть выделены их совпадающие и различающиеся элементы – т.е. те элементы, которые обладают или не обладают национальной спецификой в коммуникативном поведении изучаемых народов. Описание коммуникативного поведения народа подразумевает вычленение некоторой усредненной модели, или *национального коммуникативного стандарта*, отражающего основные нормы и традиции общения отдельных народов или культурно и цивилизационно близких народов и этнических групп. Например, можно говорить об английском, немецком, итальянском, американском, или о более широком – западном стандарте (американско-западноевропейском), также в исследовательских целях может быть выделен обобщенный по ряду признаков восточный стандарт (японско-китайско-корейский) и т.п. [Стернин 2000].

При описании национального коммуникативного поведения комплексно используются три типа моделей: ситуативная, аспектная и параметрическая. Первая модель ориентирована на представление коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций приветствия, извинения, просьбы, общения в гостях и т.д. Вторая описывает национальное коммуникативное поведение в рамках выделяемых исследователями аспектов: вербального, невербального, продуктивного (связанного с монологической или диалогической речью), рецептивного (связанного с восприятием своей и чужой коммуникативной практики), нормативного (обусловленного отношением к правильности и этикетности речи и поведения). Параметрическая модель, включающая эмпирический материал двух первых моделей, предполагает системное теоретическое описание специфики общения народа, выявление и харак-

теристику релевантных черт его коммуникативного поведения по сравнению с коммуникативным поведением другого народа или народов [Стернин 2000: 14–43].

По Стернину, с учетом названных моделей может быть описано коммуникативное поведение любого народа, а также осуществлено сопоставление коммуникативных культур разных народов. В сопоставительных целях особенно важно рассмотрение тематических сфер и коммуникативных ситуаций, в которых наблюдаются не просто предполагаемые, но реально возникающие регулярные расхождения при межкультурном общении.

Следует также подчеркнуть, что в отличие от современного общения в официальных сферах, во многом подчиняющегося международным, а не исконным культурным нормам, национальные коммуникативные особенности манифестируются в первую очередь в повседневном общении и поведении людей и представляют собой часть обыденной национальной культуры. При этом специфика национального коммуникативного поведения имеет свое отражение не только в непосредственном межличностном взаимодействии, но и в общении с условным коллективным адресатом, например, в коммуникации между городскими объектами и горожанами, поэтому анализ вербальных проявлений русской коммуникативной культуры в настоящей книге включает также языковое оформление городского пространства.

§3. Вербальное и невербальное в коммуникативной культуре

«Каждый народ и каждая культура имеют свое «немое кино». Ч. Чаплин как-то сказал: “Дайте мне посмотреть, как вы двигаетесь и жестикулируете, и я сразу скажу, где вы родились”»

[Крейдлин 2001: 209]. Действительно, общение представителей разных национальных культур может иметь различия не только вербального, но и невербального характера, что, как правило, становится очевидно лишь при столкновении с чужими коммуникативными проявлениями. По словам английского антрополога Эдмунда Лича (E. Leach), находясь среди близких друзей или соседей мы не задумываемся о коммуникации как о комплексном непрерывном процессе, включающем множество как вербальных, так и невербальных компонентов. «И лишь встречаясь с чужаками, мы вдруг осознаем, что информация передается всем обыденным поведением (а не только речевыми актами), и поэтому мы не можем понять, что происходит, пока нам не известен определенный код» [Лич 2001: 15].

Эта же мысль афористично сформулирована российским психолингвистом И. Гореловым: «“Текст” всегда имеет смысл только в связи с “нетекстом”» [Горелов 2006: 5].

При описании национального коммуникативного поведения к *вербальному* его типу относят совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных условиях, а к *невербальному* – совокупность норм и традиций, регламентирующих требования к организации ситуации общения, физическим действиям, сопровождающим общение, контактам и расположению собеседников, невербальным средствам демонстрации отношения к собеседнику [см. Прохоров, Стернин 2006: 43 и далее].

По данным исследователей процессов коммуникации, на долю собственно словесной информации в общении приходится лишь около 25% всей получаемой информации [Поваляева, Рутер 2004: 6] (по другим сведениям, в зависимости от культуры – от 35 до 7% [Леотович 2005: 279]). Причем в устном общении приоритет не-

вербальных элементов несомненен: «Текстуальная сторона общения является лишь одним из аспектов общения, при этом в устной речи вербальное общение в информативном плане выступает как дополнительное (выделено мной – А.Л.) по отношению к невербальному» [Карасик 2007: 333].

К сфере невербальной коммуникации относят все посылаемые человеком и имеющие коммуникативную ценность внеязыковые сигналы [Леонтович 2007: 312], к таким сигналам принято относить мимику, позы и жесты (как будет показано ниже, эти элементы невербального поведения часто обобщенно называются жестами), а также дистанцию между коммуникантами.

1. Наиболее очевидную роль в поведении людей во время общения играют *жесты*, которые изучает и описывает наука о языке тела кинесика (от др.-греч. κίνησις – движение). Авторы ставшего классическим учебника «Невербальное общение» (“Nonverbal Communication in Human Interaction”, 2002) американские социальные психологи Марк Нэпп и Джудит Холл (M. Napp, D. Hall), жестами называют «движения тела (или некоторой его части), используемые для передачи мысли, намерения или чувства. Такие действия часто совершаются руками, однако в жестикуляции задействованы лицо и голова. <...> Действия, которые мы воспринимаем как незапланированный результат переживаемого чувства, не входят в планируемое послание и, соответственно, исключаются из категории жестикуляций. Иначе говоря, действия, не являющиеся частью «актуального» поведения человека, обычно не считаются жестами» [Нэпп, Холл 2004: 135]. Согласно определению российского специалиста в области невербальной семиотики Г. Крейдлина, «объектом кинесики являются мимические жесты, позы и знаковые телодвижения», и все эти элементы невербального общения можно называть просто *жестами* [Крейдлин 2001: 166].

В общении комбинации вербального и невербального сводятся к следующим типам:

- а) повторение, дублирование речевой информации с помощью кинетического поведения. Например, жесты *показывать пальцем, глазами, головой* часто сопровождают во время коммуникации дейктические слова *это, вот, туда* и пр., ср. также: – *А где сейчас хозяйка?* – *Старик неохотно кивнул в сторону задней комнаты:* – *Там, где же ещё;*
- б) контрадикция, или противоречие: кинетическое поведение противоречит вербальному. Например, *улыбка* может сопровождать недружелюбное высказывание, ср. также: *Не переставая хмуриться, мальчик, наконец, произнёс:* – *Ладно, согласен;*
- в) субституция, или замена: невербальные средства передачи информации выступают вместо вербальных. Например, *кивок* во многих культурах используется как эквивалент речевого акта согласия или положительного ответа на вопрос, ср. также: – *А что хозяйка делает?* – *Старик положил щеку на ладонь и прикрыл глаза.* – *А-а, спит?;*
- г) дополнение: невербальное поведение модифицирует или развивает вербальное сообщение. Например, слова угрозы часто сопровождаются жестами *погрозить пальцем* или *погрозить кулаком*, выражающими разную степень угрозы, ср. также: – *Мне очень нравится твоя идея!* – *сказала Таня и захлопала в ладоши;*
- д) акцентирование, или подчеркивание: невербальное поведение может акцентировать отдельные части вербального сообщения так же, как изменение шрифта или подчеркивание слов на письме служат их выделению. Например, устный счет может сопровождать акцентированный счет на пальцах,

ср. также: – *Тише, тише!* – почти шёпотом проговорил отец и поднял указательный палец вверх: – *Слышите?*;

- е) регулирование: невербальное поведение используется для регулирования коммуникативного потока между взаимодействующими индивидами. Например, жесты, называемые в англоязычной традиции *turn-takers*, сигнализируют о том, что роль говорящего перешла к другому участнику общения, ср. также: – *У меня всё*, – *Николай закрыл папку с документами и снял очки*. – *Шеф кивнул и посмотрел на меня*. – *А у меня пока нет новостей*, – *промямлил я* [см.: Нэпп, Холл 2004: 18–22; Крейдлин 2001: 173–174; Потапова 1998: 4].

Известный американский психолог Майкл Томаселло (M. Tomasello) в книге «Истоки человеческого общения» (“Origins of Human Communication”, 2008) обращает особое внимание на жесты, которые используются не в качестве замены или поддержки звучащей речи, но представляют собой самостоятельные и целостные коммуникативные акты [Томаселло 2011: 69–77]. По утверждению М. Томаселло, можно выделить два типа таких жестов: первый тип – указательные, или дейктические жесты, направляющие внимание реципиента на что-то в непосредственно воспринимаемом окружении; второй тип – изобразительные, или пантомимические жесты, призванные с помощью имитации вызвать в воображении реципиента образ чего-то, находящегося вне непосредственно воспринимаемого окружения. Это может быть действие, которое коммуникант хотел бы попросить реципиента выполнить, или предмет, который он хотел бы получить из рук реципиента. Автор книги приводит несколько ситуаций использования самодостаточных указательных и изобразительных жестов [Томаселло 2011: 72–74].

Вот примеры описания указательных (дейктических) жестов:

- Мужчина в баре хочет ещё порцию виски; он ждет, пока бармен посмотрит на него, а затем указывает на свою пустую рюмку. *Интерпретация:* Обрати внимание на мою пустую рюмку; пожалуйста, наполни ее спиртным;
- Люди стоят в очереди. Очередь продвинулась вперед, чего один из стоящих не заметил, поскольку оборачивался поговорить с кем-то, кто стоит за ним. Кто-то из стоящих ещё дальше указывает ему, что впереди освободилось место. *Интерпретация:* Обратите внимание, что впереди свободно; пожалуйста, продвиньтесь вперед.

Примеры описания изобразительных (пантомимических) жестов:

- Я в Италии, в магазине сыров, прошу «пармиджано». Хозяин задаёт мне какой-то вопрос, которого я не понимаю, однако, действуя наугад и не зная правильного слова, делаю движения пальцами, как будто посыпаю макароны тёртым сыром. *Интерпретация:* Представьте, зачем я это делаю; и дайте мне то, что я прошу;
- Охранник в аэропорту делает рукой круговое движение, предлагая мне повернуться, чтобы он мог просканировать мою спину. *Интерпретация:* Представь себе, что твоё тело выполняет такое движение; выполни его.

Томаселло отмечает малую изученность невербального канала социального взаимодействия и говорит о необходимости исследования того, какие аспекты ситуации в отсутствие речи подчеркиваются различного рода жестами, в каких случаях предпочитают указующие жесты и в каких – пантомимические. «Скорее всего, – полагает ученый, – исходно человек предпочитает указать на один

из непосредственно воспринимаемых предметов, если это возможно и если этого достаточно для коммуникации; и только когда по какой-либо причине указание невозможно (например, когда содержащаяся в намерении референциальная ситуация в данный момент не воспринимается), люди пользуются изобразительными жестами». Важным, по мнению Томаселло, представляется существование отношения взаимной дополнительности между актами человеческой коммуникации и совместными знаниями коммуникантов. Необходимость передачи информации с помощью развернутого выражения мыслей обратно пропорциональна объему совместных знаний у коммуниканта и реципиента [Томаселло 2011: 76, 83].

Очевидно, что в одних случаях понимание невербальных действий обеспечивается опытом социального взаимодействия, не обусловленного какой-либо конкретной национальной культурой, в других – включенностью в эту культуру. Например, жесты работников аэропортов одинаково понятны всем, имеющим опыт полетов, но множество индивидуальных жестов культурноспецифичны, и их неправильная интерпретация представителями одной из взаимодействующих сторон может привести к нежелательным конфликтам и опасным последствиям: «Не случайно, – пишет Г. Крейдлин, – британская авиакомпания “British Airways” часто предупреждает пассажиров: “Be careful. Your gesticulation may bring you into unpleasant and ambiguous situations” [‘Будьте осторожны. Ваша жестикуляция может поставить вас в неприятное и двусмысленное положение’]» [Крейдлин 2001: 209].

В целом ряде случаев невербальные знаки в разных культурах могут иметь прямо противоположную или, по крайней мере, не вполне совпадающую семантику. Так, изобразительный жест, когда большой и указательный палец складываются в кольцо, в разных культурах обозначает разные понятия – вплоть до непристойных:

в США это имитация слова *о'кей* (или *отлично*), во французской культуре им демонстрируется *ноль* (или *плохо*), в Португалии и Бразилии это жест-приглашение к сексуальным действиям, для японцев это просьба «Дай мне немного денег», евреи Туниса так обозначают угрозу [Микаберидзе 2008; Триандис 2007: 254; Поваляева, Рутер 2004: 83; Нэпп, Холл 2001: 136]. Обычный для многих культур способ приветствия, заключающийся в помахивании поднятой рукой с открытой ладонью, для греков и представителей некоторых других культур является жестом-оскорблением [Триандис 2007: 350–351]. Жест «большой палец вверх» у русских, литовцев, жителей Англии, Австралии, США означает *отлично, хорошо, все в порядке*, в Германии – *один*, в Греции – грубый призыв *заткнись*; по отношению к этому жесту американским антонимом, имеющим значение *плохо*, является демонстрация мизинца, что в японской культуре означает *любовница* [Чарыкова, Попова, Стернин 2012: 230], а в армянской – *кукиш*⁸. У русских и литовцев поднятый указательный палец может иметь значение *один*, особенно при покупке чего-либо штучного, но для француза этот жест в ситуации рынка имеет иное значение:

[Р]усский покупатель, не владеющий французским языком, желает купить один зонтик и показывает продавцу вытянутый указательный палец; продавец-француз, понимая его неправильно (но в контексте коммуникативных стереотипов своей страны – правильно!), настойчиво пытается упаковать два зонтика, так как для француза указательный палец традиционно считается вторым после большого и, следовательно, должен обозначать число два [Шевченко 2002: 53].

В гораздо большей степени, чем мы привыкли думать, различаются у разных народов и обыденные жестовые способы выражения согласия и отрицания:

⁸ Об этом – в книге Н. Абгарян «Зулали» (2016).

[В] большинстве европейских стран, как известно, согласие и отрицание кинесически выражается, соответственно, наклоном головы вперед и покачиванием ее из стороны в сторону. Напротив, у ряда народностей Балканского полуострова (болгар, албанцев) и Ближнего Востока способ высказывания утверждения и отрицания очень отличается от европейского (отрицая что-то, они откидывают голову назад, возвращая ее затем в вертикальное положение, а утверждая – поворачивают голову вправо). Следующая разновидность кинетического утверждения и отрицания, распространенная в основном среди греков, заключается в наклоне головы вперед для выражения согласия и откидывания ее назад для выражения несогласия. Арабы, в свою очередь, чтобы сказать «нет», поднимают голову; турки при этом щелкают языком, а выражая абсолютное отрицание, кусают ноготь на большом пальце правой руки и затем быстро выбрасывают руку вперед. Представители же народности овимбунду (Юго-Западная Африка) выражают отрицание, потрясая перед лицом рукой с вытянутым указательным пальцем. Семанги (негритосы Малакского полуострова), отрицая, опускают глаза, а утверждая, резко вытягивают голову вперед. Наконец, в Индии существуют даже региональные «диалекты» утверждения: выражая согласие в Пенджабе и Синде, отбрасывают голову назад к левому плечу, в Бенгалии – покачивают головой от плеча к плечу четыре раза <...> на Маркизских островах язык высовывают в знак отрицания [Залюбовская 2003: 245–246];

Японцы при отрицании двигают запястьем вверх и вниз или перед лицом двигают одной рукой слева направо, иногда при этом покачивая головой; при согласии хлопают в ладони один или много раз, а кивок может означать как согласие, так и то, что человек слышит то, что говорит собеседник. Существуют и отдельные жесты отрицания и согласия, адресуемые тем, кто находится далеко [Рогозная, Мацура 2001: 69–70].

Кроме того, разные культуры ценят разные виды информации и разную комбинаторику вербальных и невербальных сигналов.

Так, евреи, живущие в разных странах мира, тяготеют к акцентирующим жестам [Меграбян 2001: 18], итальянцы во время разговора активно используют изобразительные жесты, т.е. дублируют словесную информацию визуальной⁹, а в ситуациях приветствия и прощания вербальные средства нередко полностью замещают невербальными [Баева 2012; Нэпп, Холл 2004: 144]. Не только у итальянцев, но и у испанцев, греков, египтян, чилийцев и представителей некоторых других южных культур изобразительные жесты служат обязательными иллюстраторами произносимого текста, а в большинстве азиатских культур активная жестикуляция воспринимается как помеха разговору [Ting-Toomey 1999: 124–125].

Японские и корейские поклоны при приветствии, демонстрирующие уважение к собеседнику путем собственного принижения, повторяются в стратегии «умаления» и на вербальном уровне [Ларина 2009: 34]. По наблюдениям исследователей французского невербального поведения, у французов имеются жесты неодобрения, недоверия, превосходства, извинений, сожалений, легкого недоумения и чрезвычайного удивления, растерянности и тоски. По мнению французов, вести беседу, сунув руки в карманы, крайне невежливо. «Во время беседы руки французов никогда не бывают спокойны. Именно руки придают их мыслям форму» [Шевченко 2002: 56].

Коммуникативные культуры, имеющие и использующие богатый и разнообразный жестовый репертуар, в невербальной семиотике называются *высококинетичными* (напр., итальянская, испанская, арабская), им противопоставляются *низкокинетичные* культуры (британская, норвежская, эстонская) [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 197].

---

⁹ Необходимость понимать жестикуляцию итальянцев для адекватного общения с ними замечательно продемонстрирована в американском кинофильме «Ешь, молись, люби» (“Eat, Pray, Love”, 2010).

2. Еще один важный элемент невербального поведения – оптимальная, комфортная для общения *физическая и психологическая дистанция* между коммуникантами. В середине XX века в результате многочисленных исследований и с учетом разработанных в этологии и орнитологии положений было выдвинуто понятие *проксемика* (от лат. *proximus* – ближайший), давшее название области социальной психологии, изучающей сознательное и бессознательное структурирование человеком своего микропространства: организацию пространства в домах и зданиях, расположение самих городов, наконец, определение расстояния между собой и другими в условиях ежедневного общения [Абрамова 1995: 131–132].

Автор теории проксемики – американский антрополог и специалист в области кросс-культурной коммуникации Эдвард Т. Холл (E.T. Hall); в 1959 г. вышла его книга «Безмолвный язык» (“The Silent Language”), в 1966 г. – «Скрытое измерение» (“The Hidden Dimension”). Изучая пространственные потребности человека, Холл выделил четыре типа дистанций, соответствующих четырем типам человеческой интеракции: интимный, персональный, социальный, публичный. При каждом из этих типов взаимоотношений партнеры по коммуникации (имеется в виду североамериканская культура) обычно находятся на разных дистанциях друг от друга: *интимная* дистанция, удобная для общения близких людей, лежит в пределах от 15 до 45 см (первая называется близкой фазой, вторая – дальней); *персональная*, или *собственно личная* дистанция, комфортная при общении с друзьями, – от 45 см до 1,2 м; *социальная*, или *социально-консультативная* (для делового общения) – 1,2–3,6 м; *публичная* дистанция покрывает зону от 3,6 м до пределов видимости или слышимости – 7,5 м и более [об этом: Нэпп, Холл 2001: 96–97].

Как показывают кросс-культурные исследования, размеры комфортного для общения личного пространства различаются у представителей различных этнокультурных общностей [Куликова 2006; Ларина 2009; Леонтович 2005 и др.]. В книге «Невербальные средства общения» М. Поваляева и О. Рутер приводят описание видеозаписи конференции, объясняющей, почему азиатские и американские бизнес-партнеры нередко воспринимают друг друга с подозрением: «Американцы считают, что азиаты «фамильярны» и чрезмерно «давят», азиаты же считают, что американцы «холодны и слишком официальны»:

На конференции американцы стояли и беседовали на расстоянии 90 см друг от друга и сохраняли эту дистанцию в течение всего разговора. Когда же разговаривали японец и американец, то они медленно начинали передвигаться по комнате. Американец постоянно отодвигался от японца, а японец постепенно наступал, приближаясь к нему. Тем самым каждый из них пытался приспособиться к привычному, удобному для него пространству общения. <...> Видеозапись этого эпизода, воспроизведенная с ускорением, создает впечатление, что оба они танцуют по конференц-залу и японец ведет своего партнера [Поваляева, Рутер 2004: 142].

Дело в том, что персональные (удобные для официального и дружеского, но не чрезмерно близкого общения) дистанции различны у представителей этих культур, и то, что для японца – все еще персональная территория, для американца – проникновение в его интимную зону.

Учет предпочтительной дистанции общения позволяет говорить о «контактных» и «неконтактных» этнокультурных группах, но при этом важна не фрагментарная, а комплексная оценка параметров общения. На основании ее применения «контактными» называют собеседников, которые располагаются по отношению друг к другу фронтально, общаются с более близкого расстояния,

чаще прикасаются друг к другу и встречаются взглядами, а говорят громче» [Нэпп, Холл 2011: 99]. К первым могут быть отнесены арабы, латиноамериканцы, жители Южной Европы, ко вторым – индийцы, пакистанцы, жители Северной Европы и США [там же].

Авторы работ, сопоставляющих коммуникативные культуры, обращают внимание на то, как проксемическая организация коммуникации регламентирует и особенности принятых в общении прикосновений (такесических средств):

В дистантных культурах, например, таких, как американская, такесемы редки и обладают предельной степенью символизации. Для контактных культур характерен более обширный и разнообразный арсенал такесических средств. <...> фонд русских невербальных компонентов коммуникации многочисленнее и вариативнее, чем американских. Так, русское рукопожатие может быть различного вида – доминирующим, равноправным, зависимым, гендерным, тогда как американское, пожалуй, только одним – равноправным. В такесическом сегменте языковых картин мира это отражено в сочетаемых особенностях лексем «рукопожатие» и «handshaking». В комбинаторном словаре английского языка представлены всего две закрепленных дефиниции «handshake» – *warm, firm* [Привалова 2007].

Признак *контактности–неконтактности* существен при выделении и характеристике типов коммуникативных культур.

К системе невербальных параметров культуры относят также социальный символизм – значения, приписываемые в определенной культуре действиям, событиям, элементам предметного мира (напр., выбор и вручение соответствующих по поводу подарков, цветочная, траурная символика и т.п.), архитектуру, музыку, оформление жилых и общественных помещений, мебель, стиль одежды, гастрономические обычаи [см. Прохоров, Стернин 2006: 44; Леонтович 2005: 285–286; Лич 2001: 17].

§4. Невербальные элементы русской коммуникативной культуры

Авторы «Словаря русских жестов» выделяют в составе русской невербальной лексики два основных типа жестов: коммуникативные и симптоматические. Первый тип – коммуникативные жесты – связан с намеренной передачей информации в процессе коммуникативного акта, сюда входят указательные, или дейктические жесты (*показать/подзывать рукой; показать/поманить пальцем; показать руками размер, объем, рост* и т.п.); этикетные жесты (*рукопожатие; вставание в знак приветствия или прощания; поклон* и т.п.); общекommunikативные, или ситуативно нейтральные (*приложить палец к губам; отвернуться; подмигнуть* и т.п.). Симптоматические жесты занимают промежуточное положение между физиологическими движениями и коммуникативными жестами: они не только говорят об эмоциональном состоянии говорящего (*барабанить пальцами по столу; жжать/кусать губы* и т.п.), но могут в процессе общения намеренно воспроизводиться для обозначения или имитации соответствующей эмоции. Поэтому, например, *закрывать лицо руками (от стыда)* – квалифицируется как симптоматический жест, а покраснение щек как проявление стыда жестом не является [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 18–20].

Исследователи называют ряд русских жестов, не встречающихся в западных коммуникативных культурах: *указательный палец вверх* ('начальство, власть'); *чесать рукой ухо* ('сложная проблема'); *скрещенные в форме решетки пальцы двух рук* ('тюрьма, решетка'); *тянуть за уши именинника* ('поздравление с именинами'); *имитация держания себя за горло* ('вот так меня держат'); *изображение щепотки* ('чуть-чуть'); *колебательное движение ладони около виска*

*с указательным пальцем, упертым в висок ('ненормальный'); кукиш ('категорический отказ' – вульг., детск.); двукратное движение двумя пальцами с якобы зажатой в них сигаретой к себе и от себя у рта ('дай закурить'); встряхивание сжатыми кулаками на уровне груди ('давай-давай'); резкое движение в стороны ребрами двух ладоней (всё!); изображение двумя руками движения весов ('всё было на грани'); немотивированные аплодисменты в середине выступления ('кончай выступать'); мужские жесты средний указательный пальцы раздвинуты, образуя ножницы; остальные пальцы согнуты ('ищу третьего, выпить на троих') и пощелкать по шее согнутыми указательным и средним пальцами; движение пальца и извлекаемый с его помощью звук имитируют движение и звук пробки, вылетающей из откупориваемой бутылки ('желание выпить и/или приглашение адресата выпить вместе') [Прохоров, Стернин 2006: 163–164; Крейдлин 2001: 58; 117]. Приводятся также примеры некоторых поз, свойственных русской культуре: это, например, так называемые социальные позы – *начальственные* или *холуйские*; мужская поза *сидя, отклонить корпус назад и сомкнуть руки за головой*, говорящая о желании взглянуть на ситуацию всю целиком, увидеть ее в новой, более широкой перспективе; ритуальная поза *присесть на дорогу*, изначально предполагавшая чтение молитвы перед отъездом, переездом, важной деловой поездкой и т.п. [Крейдлин 2001: 345; 2000: 125].*

Национальное невербальное поведение не остается неизменным, оно меняется – так же, как и вербальное, под воздействием меняющихся социокультурных условий, жесты могут выходить из употребления, и об их прежнем участии в живой коммуникации можно узнать только по так называемым жестовым фраземам, например: *бросить перчатку* – в современном употреблении означает 'вызвать на борьбу, вступать в острую борьбу, спор'; *пасть на колени* – 'согнуться, смириться'; *хлопнуть дверью* – 'демонстративно, с возму-

щением удалиться откуда-либо»; *бить челом* – ‘просить о чем-либо, усиленно благодарить кого-либо’ [об этом: Крейдлин 2001: 172].

В целом русское общение отличается высокой «невербальной искренностью»: у русских много симптоматических жестов, выражающих положительные и отрицательные эмоции. Разнообразны также коммуникативные (этикетные, побудительные и изобразительные) жесты, что говорит о контактной функции русской жестикуляции, ее значимости для конкретизации и дополнения вербальных средств [Прохоров, Стернин 2006: 161–164]. К контактными русским жестам относятся рукопожатия, поцелуи, объятия, разнообразные прикосновения, являющиеся для русских символом любви, верности, дружбы [Леонтович 2005: 282].

В книге «Основы психолингвистики» И. Горелов и К. Седов описывают реальный случай из практики преподавания, в центре которого – анализ фрагмента классического русского текста:

Лектор задал студентам вопрос: «На что обиделся Максим Максимович, когда после длительной разлуки вновь встретился с Печориным?» Ответ был таким: «Максим Максимович обиделся не «на что», а «на кого» (на Печорина), потому что «герой нашего времени» был с ним груб». Тогда лектор раздал студентам карточки с текстом из романа М.Ю. Лермонтова. В отрывке студенты прочитали:

– Как я рад, дорогой Максим Максимыч! Ну, как вы поживаете? ... Еду в Персию – и дальше... Мне пора, Максим Максимыч... Скучал! ... Да, помню! ... Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч ... Однако прощайте, мне пора ... я спешу ... Благодарю, что не забыли ... Ну, полно, полно! ... Неужели я не тот же? ... Что делать? ... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться – Бог знает... Что хотите! Прощайте!

«Дорогой», «как я рад», «благодарю, что не забыли»... разве это обидные слова? Напротив! Но лермонтовский текст продолжается: «Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего?» Действитель-

но: «И отчего?» Цитируем дальше: «Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему (Максиму Максимычу) руку, когда тот хотел кинуться ему на шею!». Не совсем так. Точнее – совсем не так. В тексте романа Максим Максимыч говорит с кучером Печорина (от кучера и стало известно, что приехал его барин) очень эмоционально, даже хлопает его по плечу от радостного известия (не забудем, что Максим Максимыч – штабс-капитан, тоже «барин» для кучера!), уверен, что Печорин «сейчас прибежит», узнав, что он, Максим Максимыч, здесь. Но в напрасном ожидании старик проводит бессонную ночь, а утром едва успевает подбежать к заложеной уже коляске, где сидит Печорин. «Старик едва мог дышать. Пот градом катился с лица его, мокрые клочья седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его ... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот *довольно холодно*, хотя и с приветливой улыбкой, *протянул ему руку*. Штабс-капитан на минуту *остолбенел*, но потом *жадно схватил его руку обеими руками*; он еще *не мог говорить*» [Горелов, Седов 2001: 51–52].

В тексте выделены неречевые действия – невербальные компоненты коммуникации, ставшие причиной коммуникативного конфликта героев М.Ю. Лермонтова. Продолжая анализ описанной в повести ситуации, Горелов и Седов предлагают задаться вопросом:

Что, разве Печорин не понял состояние Максима Максимыча? Разве в ответ на горячие слова прежнего друга можно было *«сидеть в коляске»*, *«позволить кучеру подбирать вожжи»* и отвечать, *«произвольно зевнув»*? Да и зачем *«произвольно зевать»*!? Ясно, что Печорину стало в тягость общение с *«упрямым и сварливым»* Максимом Максимовичем, потому-то *«приветливая улыбка»* (явно показная, машинальная, «из светской вежливости») так не согласуется с *«холодно протянутой рукой»* и со всеми перечисленными выше НВКК (невербальных компонентов коммуникации – А.Л.) Печорина, ***противопоставленными*** в тексте столь значительным проявлениям эмоций Максима Максимовича. Собственный коммуникативный опыт и гениальная наблюдательность Лермонтова позволили ему

так достоверно и точно изобразить конфликт характеров, а заодно, помимо воли автора – значение НВКК в процессе общения [там же].

Приведенный анализ служит замечательной иллюстрацией последствий рассогласования семантики вербальных и невербальных компонентов коммуникации, что, в принципе, не характерно для русского общения.

В сопоставительном плане – по разнообразию жестового арсенала и его значимости в общении – русская коммуникативная культура занимает промежуточное положение между высококинетическими и низкокинетическими культурами и может быть охарактеризована как *среднекинетическая*. В то же время при жестикуляции русские часто не соблюдают пределы персонального пространства, широко распространены прикосновения к руке или плечу собеседника, близкая дистанция и соприкосновение с незнакомыми людьми в общественном транспорте или очереди не пугают русских, они при этом не извиняются и не ожидают извинений; русские слишком близко, в восприятии представителей западных культур, подходят к незнакомому человеку, спрашивая дорогу, и т. п. Русская педагогическая традиция не запрещает прикосновения к школьникам: учителя могут похлопать ученика по плечу, дотронуться до руки, погладить по голове, что в западных культурах не приветствуется или вообще недопустимо. Поэтому, с точки зрения протсемической организации общения, русская коммуникативная культура оценивается как *контактная*, а характерная дистанция общения на фоне западных норм – как *сверхкороткая* [Прохоров, Стернин 2006: 161–165], см. также [Леонтович 2005: 279–286].

К контактными можно отнести сербскую и, возможно, другие славянские коммуникативные культуры. Однако словаки, по мнению специалистов, в своих коммуникативных проявлениях больше

похожи на западноевропейцев. Так, физический контакт при общении у словаков не принят, они извиняются, когда причиняют какое-либо неудобство находящимся рядом людям или даже только могут нарушить личное пространство другого человека, например, если им случается нечаянно пересечь кому-либо дорогу «перед носом» [см. Правда 2004].

Изучение параметров пространственной организации русского общения показывает, что у русских интимная дистанция – 10–18 см, до 25 см в общественном месте; персональная – 15–25 см; социальная – 30 см–2 м (допустимо ее нарушение, например, можно без особых извинений вмешиваться в чужой разговор); публичная – с 2,5 м.

По утверждению исследователей, американское личное пространство очерчивается полуметровым радиусом [Леонтович 2005: 284], для англичан комфортно самоощущение, как минимум на 10 см превышающее границы тела, в то же время русские осознают себя в границах, совпадающих с границами собственного тела [см. Прохоров, Стернин 2006: 143–165].

§5. Типы коммуникативных культур

Всякая коммуникативная культура может быть отнесена к тому или иному идеальному типу коммуникативных культур, выделяемых исследователи на основе анализа способов коммуникации, предпочитаемых конкретными социумами. Так, например, по мнению автора многочисленных работ по кросс-культурной коммуникации из Нидерландов Мариёке де Моой (M. De Mooij), можно говорить о *монологических* и *диалогических* моделях коммуникации и соответствующих им типах коммуникативных культур [De Mooij 2014: 197–198]. Центральной фигурой первого типа коммуникации

является отправитель информации, и отклик собеседника необходим отправителю информации в основном для того, чтобы убедиться в эффективности своего воздействия. Это так называемый западный тип коммуникации, характерный для Северной Америки и Северной Европы. Во втором типе коммуникации необходима способность отправителя информации к эмпатии с ее получателем и существен фактор антиципации – предвосхищения реакции собеседника, его точки зрения, поскольку коммуникация воспринимается как диалог. Диалогическая модель коммуникации характерна для Южной и Восточной Европы и – с учетом некоторых особенностей – для Азии. И если в западной культуре за эффективность общения ответствен в первую очередь отправитель информации, то в восточной ответственность разделяют оба участника общения, а способы обмена информацией зависят от степени близости и статусных показателей коммуникантов, их восприятия друг друга как «своих» или «чужих», при этом одно и то же сообщение может пониматься по-разному в зависимости от ситуации общения.

Такое деление культур по существу соответствует их обозначению как *низкоконтекстных* (*low context culture*) и *высококонтекстных* (*high context culture*), в терминологии Э. Холла [1976], по степени и источникам информированности участников коммуникации (в монографии Л. Куликовой «Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме» приводится подробный обзор работ Э. Холла и отмечается, что американский термин *контекст* (несловесная информация) определяется в немецкой теории межкультурной коммуникации как «плотность информационных сетей» (*Dichte der Informationsnetze*) [Куликова 2006: 114]:

В высококонтекстных культурах людям необходимо лишь незначительное количество дополнительной информации, для того чтобы хорошо понимать происходящее и ориентироваться в событиях, так

как плотность существующих здесь неформальных информационных сетей позволяет им практически всегда быть информированными. Под высокой плотностью информационных сетей подразумевается постоянное тесное общение между членами семьи, родственниками, друзьями, коллегами и т. д., что дает возможность людям в этих культурах «аккумулировать» большое количество информации. Высокая зависимость коммуникации от контекста характерна для многих восточных культур, а также для Франции, Испании, Италии. <...> в культурах с низким контекстом роль неформальных сетей информации невелика, поскольку представители таких культур достаточно жестко отделяют сферу своего личного мира от служебного и от других аспектов повседневной жизни [там же: 114–115].

Автор работ по теории коммуникации В. Кашкин распределяет коммуникативные культуры от меньшей к большей значимости в них контекста и от большей к меньшей значимости слов (при большей опоре на ситуативные и социальные компоненты общения) так: швейцарские немцы – немцы – скандинавы – американцы – французы – англичане – итальянцы – испанцы – греки – арабы – Южная Европа – Япония, Китай [Кашкин 2013: 53]. Некоторые исследователи выделяют японскую коммуникативную культуру как супервысококонтекстную. Поэтому в целом низкокинетичную японскую культуру отличают особенности, которые делают очень важным изучение невербальной составляющей как внутрикультурной, так и межкультурной коммуникации японцев. По определению самих японцев, они являются «людьми зрения» в отличие от европейцев – «людей голоса» [Резникова 2003: 179–180].

По мнению В. Кашкина, «различия в коммуникативном поведении представителей высококонтекстных и низкоконтекстных культур весьма глубоки и составляют один из наиболее трудно преодолимых коммуникативных барьеров в межкультурной коммуникации» [Кашкин 2013: 52], им же приводится схема восприятия окружающего мира представителями этих типов культур [там же: 53]:

ТАБЛИЦА 1. Восприятие мира в зависимости от степени контекстности культуры [по: Кашкин 2013].

ПАРАМЕТР	ВЫСОКОКОНТЕКСТНАЯ КУЛЬТУРА	НИЗКОКОНТЕКСТНАЯ КУЛЬТУРА
Личная ответственность	Слово – обязательство, слов на ветер не бросают.	Документальная культура, слово должно быть зафиксировано в документе.
Взаимоотношения	Сеть дружеских и родственных взаимоотношений поддерживает авторитет коммуниканта.	Выгода и т.п. перевешивает взятое лишь на словах обязательно.
Взаимодействие	Личное знакомство, взаимное доверие.	Правила работы, делопроизводства и т.п.
Пространство	Близкое расположение коммуникантов.	Дистантное расположение коммуникантов.
Время	Полихронное время (одновременно возможны несколько действий).	Линейное, монокронное время (что-то одно в единицу времени).

Понятия *полихронное* и *монокронное время* соотносятся с еще одной классификацией национальных культур, также восходящей к Э. Холлу (ему принадлежат и сами термины – см. [Samovar, Porter 1997: 277–284]) и дополненной британским лингвистом Ричардом Льюисом (R. D. Lewis). Согласно этим ученым, различное отношение ко времени в разных культурах обуславливает и различные модели его структурирования. По этому признаку культуры делятся на три группы: *моноактивные* (*linear-active*), *полиактивные* (*multi-active*) и *реактивные* (*re-active*) [Льюис 2001].

К носителям моноактивного типа культур относят англоязычный мир (жителей США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии), шведов, швейцарцев, норвежцев, датчан, немцев. Полиактивны латиноамериканцы (бразильцы, аргентинцы и пр.), ара-

бы и другие жители Среднего Востока, представители средиземноморских культур (греки, итальянцы и др.), индийцы, пакистанцы, большинство славян¹⁰. В этих двух типах культур в коммуникации предпочитается избегать затянувшихся пауз и молчания.

Представители реактивных культур – японцы, китайцы, турки, корейцы, вьетнамцы, тайваньцы, финны, к «эпизодически реактивным» причисляют шведов и британцев. В этих культурах паузы и молчание воспринимаются как необходимый элемент вдумчивого общения, и их носителям не кажется необходимым вербализировать недосказанное:

Если вы спрашиваете финнов, что они думают, они начинают **думать**. Финны, так же, как и жители Востока, думают молча. Иной американец, задав какой-нибудь вопрос, может тут же вскочить и воскликнуть: «Я тебе скажу, что я думаю!», не давая времени собеседнику для ответа. <...> В реактивных культурах предполагается, что слушатель хорошо осведомлен, японцы, китайцы или финны часто довольствуются тем, что выражают свои мысли с **недомолвками**, давая понять, что слушатель способен дополнить остальное сам. Это своеобразный комплимент, который один собеседник делает другому. <...> Финны, японцы и китайцы равно знамениты своими вздохами, еле слышимыми стонами и выражающим согласие ворчанием. Резкий вдох в Финляндии означает согласие, а не возмущение, как это было бы в случае с представителем романской культуры. «Ох», «ха» и «э» японцев гораздо более верные индикаторы совпадения мнений, чем застывшая улыбка на их лицах [Льюис 2001: 73–76].

Как отмечает Мариеке де Моой [De Mooij 2014: 198], «если в Соединенных Штатах среднее ежедневное время, уходящее на разговоры, равно 6 часам 43 минутам, в Японии оно равно 3 ча-

---

¹⁰ Литовцы также должны быть отнесены к представителям полиактивных культур (*daugiaplaniai*) [Grigas 2002: 11].

сам 31 минуте». В связи с этим интересно замечание О. Леонтович, описывающей особенности американской коммуникативной культуры: «Американцы не выносят длительных пауз и изо всех сил пытаются заполнить их говорением. Поэтому, когда иностранные журналисты или бизнесмены едут в США, чтобы выведать там нужную информацию, их инструктируют: делайте затяжные паузы – и американцы вам сами все расскажут» [Леонтович 2005: 280].

Характерные черты носителей разных культур, проявляющиеся в их общении, приводятся в следующей таблице [по: Льюис 2001: 70–71]:

ТАБЛИЦА 2. Коммуникативно релевантные особенности представителей моноактивных, полиактивных и реактивных культур [по: Льюис 2001].

МОНОАКТИВНЫЕ	ПОЛИАКТИВНЫЕ	РЕАКТИВНЫЕ
Интроверт	Экстраверт	Интроверт
Терпеливый	Нетерпеливый	Терпеливый
Ровный	Словоохотливый	Молчаливый
Занят своими делами	Любопытный	Почтительный
Любит уединение	Общительный	Хороший слушатель
Пунктуальный	Непунктуальный	Пунктуальный
Строго придерживается фактов	Подгоняет факты	Утверждения носят характер обещаний
Подчиняется графикам и расписаниям	График непредсказуем	Подстраивается под график партнера
Ориентирован на работу	Ориентирован на людей	Ориентирован на людей
Бесстрастен	Эмоционален	Ненавязчиво заботлив
Следует установленной процедуре	Использует связи	Непроницаемый, невозмутимый

МОНОАКТИВНЫЕ	ПОЛИАКТИВНЫЕ	РЕАКТИВНЫЕ
Неохотно принимает покровительство	Ищет протекцию	Бережет репутацию другого
Поручает дела компетентным коллегам	Поручает дела родственникам	Поручает дела надежным людям
Разграничивает социальное и профессиональное	Смешивает социальное и профессиональное	Соединяет социальное и профессиональное
Говорит по телефону коротко	Разговаривает по телефону часами	Умело обобщает передаваемую информацию
Не любит терять лицо	Всегда готов извиниться	Не может потерять лицо
В споре опирается на логику	В споре эмоционален	Избегает конфронтации
Сдержанная жестикация и мимика	Несдерживаемая жестикация и мимика	Едва уловимая жестикация и мимика

Важный критерий классификации культур предложен нидерландским социологом Гертом Хофстеде (G. Hofstede): он связан с преимущественной ориентацией общения на личностные или групповые интересы. Соответственно, выделяются *индивидуалистические* и *коллективистские* культуры. Индивидуалистические культуры, как правило, низкоконтекстны, коллективистские – высококонтекстны [De Mooij, Hofstede 2010: 89]. В коллективистских культурах, в отличие от индивидуалистических, общение воспринимается как взаимобмен и взаимодействие, а не просто как канал, по которому информация передается от одного к другому [De Mooij 2014: 199]

В. Кашкин обращает внимание на то, что представители индивидуалистических культур составляют, по разным оценкам, треть мирового населения, для них характерен «я»-дискурс – дискурс

личной ответственности за свои слова (*Я полагаю, что..., Я считаю, что..., Я боюсь, что...*). Для коллективистских культур характерна жесткая социальная структура, а также «мы»-дискурс (*Мы считаем, что..., Это хорошо/плохо для нас...*) [Кашкин 2013: 54].

Идентификация параметров вариативности национальных культур, попытки измерения этой вариативности в значительной степени обусловили прогресс в понимании разных культур [Smith 2011: 216]. Все же среди всех критериев различий между культурами, по мнению ученых, наиболее значимым, соотносимым с глубинными особенностями этих культур, является противопоставление коллективизма / индивидуализма [см. Triandis, Suh 2002: 140], а в научных работах понятия индивидуализма и коллективизма оказываются наиболее популярными как теоретически, так и эмпирически [Green, Deschamps, Pérez 2005: 321]. Несмотря на то, что на личностном уровне это деление не абсолютно, и отдельные черты, свойственные индивидуалистам или коллективистам, могут сосуществовать в характере одной и той же личности, противопоставление индивидуализма и коллективизма дает достаточно точный обобщенный портрет представителей этих культур:

Типичными чертами, соотносимыми с индивидуализмом, являются независимость, автономность, уверенность в собственных силах, самобытность, ориентация на достижения, конкурентность. Индивидуалисты изображаются как личности, контролирующие свои действия и несущие за них ответственность. Коллективизм, в свою очередь, соотносится с чувством долга перед «своей» группой (ingroup), взаимозависимостью между «своей» и другими группами, стремлением к социальной гармонии и подчинением групповым нормам. В этом отношении поведение и взгляды коллективистов детерминированы нормами или требованиями «своих» – лю-

дей, связанных семейно-родственными и другими тесными узами [Green, Deschamps, Pérez 2005: 322].

Гарри Триандис (Н. Triandis), американский специалист в области кросс-культурной психологии, в своей книге «Культура и социальное поведение» (“Culture and Social Behavior”, 1994) пишет: «В целом коллективистские культуры более открыты по отношению к своей группе и менее по отношению к внешней, чем индивидуалистические. Коллективисты всеми силами избегают «выносить сор из избы» и стараются скрывать негативную информацию о членах своей группы от посторонних» [Триандис 2007: 288]. Особенно своеобразно в индивидуалистических и коллективистских культурах проявляется формальность как часть социальной дистанции. Если социальная дистанция невелика (как, например, внутри семьи), различия в проявлении формальности во взаимоотношениях у коллективистов и индивидуалистов минимальны.

В то же время существуют многочисленные общества, в которых и в семье строго соблюдается дистанция – во взаимоотношениях со старшими (родителями и детьми, даже взрослыми), с мужчинами (отцом и другими членами семьи).

О таких *других* коллективистских культурах рассказывает в повести «Ослиная порода» Полина Жеребцова – писательница из Чечни, живущая сейчас в Финляндии. Вот несколько фрагментов из интервью автора для «Радио Свобода»:

«Благодаря маминому кодексу воспитания, мое детство, прошедшее в Чечено-Ингушетии, было весьма своеобразным. И все-таки это было самое лучшее время, поскольку потом пришла война, 10 лет страха и ужаса. Раннее детство было сложным, потому что мама не терпела, когда ребенок, то есть я, не подчинялся. Кроме ее собственного довольно жесткого подхода, еще все это было окрашено

национальным колоритом. Мы жили на Кавказе, где детей в семьях, конечно, любят, как любят их в любых других местах, но здесь они не имеют права ослушаться родителей. Моей русской маме невероятно нравились кавказские обычаи – чеченцев, ингушей, дагестанцев, и она старалась всячески подражать всему, что касалось детей. А обычаи довольно суровые. Без разрешения старших – отца, матери, старшего брата – ребенок не имеет права поднять глаза, когда с ним говорят, он должен смотреть в пол. Младший не имеет права сесть, пока старшие в семье или чужие люди, если он пришел в гости, великодушно не разрешат ему: «Ты можешь присесть». Если таких слов не произнесено, младший продолжает стоять. И мама все эти, и не только эти, разнообразные обычаи ввела у нас дома. <...> В повести есть рассказик о том, как я учусь делать оладьи. Я маленькая, меня поставили на табуретку, обвязали фартуком, дали продукты. Мама пригрозила: «Если через какое-то время не будет целой горы оладий...» А я до сковороды не достаю! Сковорода шипит, на ней плещется горячее масло, оно больно обжигает руки, а мне надо жарить оладьи. И мама говорит мне: «Не дай бог, они подгорят, я тебя так накажу! Я вернусь, и чтобы была гора!» Она поворачивается и уходит куда-то, – то ли к соседям, то ли на улицу. Это ответственность, это тяжело. Это метод, когда бросают в воду и говорят: или плыви, или утонешь. Маме казалось, что такой подход сделает меня сильнее. А мне было обидно, и я хотела рядом ласковую, добрую маму. Будучи взрослой, я поняла, что очень ей благодарна за то, что я именно такая какая есть. Другой, более мягкий и более подверженный унынию человек мог бы опустить руки. Ах, у меня не получается! Ах, я пишу издателю, а он мне не отвечает! Ах, я ночую на улице посреди зимы, у меня нет дома! Другой давно бы сломался. А я – нет! Я очень много даю интервью. Часто – в Европе. Иногда – в России. Когда меня спрашивают: «Вы там столько пережили. Было страшно на войне?», мне иногда хочется смеяться. Действительно пережила, действительно страшно, но для меня до сих пор большой вопрос, что было страшнее – такая школа жизни от родной матери, от самого близкого человека или война», – говорит Полина Жеребцова [Пальвелева 2016].

Однако, если иметь в виду значительно менее статусные отношения между членами семей в коллективистских и индивидуалистических культурах, в них, как утверждает Триандис, проявления формальности похожи. Но уже при средних уровнях социальной дистанции (в общении с коллегами, со знакомыми), представители индивидуалистических культур демонстрируют максимум формальности. Истинная близость и открытость во взаимоотношениях представителей индивидуалистических культур, по словам Триандиса, встречаются редко, их неформальность – это уровень непринужденного общения на коктейль-вечеринках. Коллективисты же при знакомстве некоторое время остаются на формальном уровне – они воспринимают нового знакомого, прежде всего, как члена «другой» группы, но потом «шлюзы открываются» и общение становится очень близким [Триандис 2007: 288–290].

Русская коммуникативная культура оценивается как полиактивная, высококонтекстная и коллективистская [напр.: De Mooij 2014: 211; Привалова 2007; Льюис 2001: 69 и др.].

Можно говорить и о других принципах выделения типов культур (напр., в работах Хофстеде, помимо критерия индивидуализма / коллективизма, используются и другие парные параметры: большая / меньшая дистанция власти, большая / меньшая боязнь неопределенности, маскулинность / фемининность, краткосрочная / долгосрочная временная ориентация, большой / меньший контроль желаний и импульсов [см. <https://geert-hofstede.com/national-culture.html>]). Среди относительно недавних предложений ученых – попытка типологизации культур в связи с национальными авто- и гетеростереотипами, т.е. устойчивыми представлениями о себе и других народах и степенью их реалистичности [Realo, Allik, Lönnqvist и др. 2009].

В любом случае ни одну культуру нельзя безоговорочно отнести к тому или иному типу. Кроме того, культуры меняются во времени и накапливают черты, присущие другим культурам (этот процесс аналогичен тому, как с течением времени меняются языки, становясь все более политипологическими). Такие перемены обуславливаются активными миграционными процессами, межэтническими и межкультурными контактами, интенсивными деловыми связями, глобальным медийным пространством. Выделяя важнейшие свойства культуры Дж.П. Мёрдок, среди других, называет два, непосредственно «отвечающих» за изменчивость культуры: ее адаптивность и интегративность. Заимствуя элементы социальной среды соседних народов, культура подвергается реорганизации и адаптируется к этой социальной среде. Возникают и заявляют о себе новые потребности, к которым, в свою очередь, приспособляются новые культурные механизмы. Процесс адаптации продуктов культуры сопровождается процессом образования согласованного и интегрированного целого, требующего определенного времени. «Задолго до завершения одного процесса, – отмечает Мёрдок, – начинаются многие другие. Например, в нашей культуре изменения, происшедшие в привычках, связанных с работой, отдыхом, сексом и религией после внедрения автомобиля, еще не завершились до конца. Если культура интегративна, то соответствия или корреляции между сходными элементами должны постоянно повторяться в разных, не связанных друг с другом культурах» [Мёрдок 1997: 53–55].

О взаимообусловленности перемен в культуре и поведении людей остроумно высказался американский антрополог Лесли А. Уайт (L. A. White): «Если кто-то говорит по-китайски, избегает тещи, не пьет молока, селится в доме своей жены, помещает тела мертвых на подмости, пишет симфонии или синтезирует энзимы, – он делает это потому, что рожден или вырос в определенной

экстрасоматической традиции, которую мы называем культурой и которая содержит все эти элементы. Поведение людей – функция культуры. Культура – константа, поведение – переменная; если изменится культура, изменится и поведение» [Уайт 1997: 34–35].

Типы культур выделяются на основе анализа способов и моделей коммуникации, принимаемых конкретными социумами, т.е. на основании их ценностных предпочтений. Именно ценности являются фундаментальными характеристиками культуры и высшим ориентиром поведения [Карасик 2004: 140]. В то же время, тип культуры – конструкт условный, в реальности же в каждой культуре переплетаются черты, характерные для разных типов культур, тем не менее, во избежание коммуникативных затруднений, важно иметь представление о типологически существенных, доминирующих в данном социуме способах общения.

§6. Национальный коммуникативный стиль как отражение особенностей национальной коммуникативной культуры

Изучение коммуникативно релевантных черт национальных культур, являющихся в этих культурах стилеобразующими, привлекает внимание коммуникативистов, предлагающих различные определения понятия «коммуникативный стиль» [De Mooij M. 2014; Smith 2011; Sanchez-Burks, Lee, Choi et al. 2003; Cai, Fink 2002; Ting-Toomey, Gao, Trubisky et al. 1991; Gudykunst, Ting-Toomey 1988; Таннен 2012; Ларина 2013, 2005; Куликова 2004, 2006; Стернин 2003b и др.]. Во многих работах национальные коммуникативные стили описываются с точки зрения внешнего, паралингвистического оформления разговорной речи: характерной степени громкости и

скорости речи, ее темпа, типичного восприятия пауз и роли молчания в общении. В связи с этими параметрами различаются

тихие и громкие языковые культуры, что подразумевает типичную для носителей языка громкость речи в интеракции (Maletzke, 1996: 78). Так, американцы воспринимаются в Европе, в частности в Англии, как чересчур громкие и тем самым бесцеремонные. Громкими русские считают немцев, особенно подросткового и молодого возраста, за их привычку, не снижая голоса, обсуждать в общественных местах (на улице, в транспорте) свои дела. <...> Высокая скорость речи присуща представителям романоязычного пространства. К числу медленно говорящих народов относятся финны, что определяет их общеизвестный имидж и порождает множество стереотипов о них как самых больших молчунах на европейском континенте. Их длинные паузы часто заставляют, например, немецких партнеров по общению предполагать, что те уже закончили свою реплику и наступила их очередь вступать в дискуссию. Преждевременная, с точки зрения финнов, смена говорящего нередко приводит к оценке немецкого стиля коммуникации как невежливого и бесцеремонного (Müller, 1991: 30). Немцы в этом смысле находятся где-то посередине континуума... <...> По отношению к дискурсивным паузам можно провести определённые параллели между немецкой и русской коммуникативными культурами. Как в одной, так и в другой «повисшая» пауза вызывает чувство неловкости. Коммуниканты активно стремятся восстановить контакт и продолжить общение (Стернин, 2001: 208; Helmolt, Müller, 1993: 534). <...> Паузы рассматриваются как дискретные единицы более длительного дискурсивного сегмента – молчания, ещё одного коммуникативно значимого явления паралингвистики, с трудом поддающегося интерпретации представителями чужой культуры. Например, в китайской лингвокультуре молчание в ответ на вопрос служит контекстуализирующим указателем на то, что обсуждаемая тема неприятна собеседнику или он не готов её обсуждать. В японском коммуникативном стиле молчание как «нулевой речевой акт»

(Богданов, 1986) представляет собой неотъемлемую составляющую процесса общения [Куликова 2006: 191–192; см. также Триандис 2007; Ting-Toomey 1999].

Конкретные стилевые манифестации обуславливаются общими особенностями коммуникативной культуры. Так, сравнивая русский и американский коммуникативные стили, исследователи обращают внимание на то, что русский вербальный стиль не исключает имплицитности, приблизительности, характерных для высококонтекстных культур, в то время как американский тяготеет к вербальной точности. «Американская этнолингвокультура относится к низкоконтекстным, эксплицитным, или “I-mean-it-cultures”, где тело коммуникативного (не языкового!) знака имеет предельно низкую множественность коммуникативных смыслов» [Привалова 2007], в частности, поэтому в русском и американском общении по-разному передаются количественные смыслы:

Низкоконтекстный характер американской этнолингвокультуры может служить объяснением стремлению американцев к абсолютной конкретике в использовании цифр. Особенно наглядно это заметно на примере такого речевого жанра как «Информационное сообщение»: «Nine out of ten doctors recommend this brand of mouth wash», says a radio announcer or a magazine advertisement. (Doctors are viewed as scientists or appliers of science, and are held in very high esteem). «This humidity is at 27 per cent», says the television weather reporter. «The barometric pressure is at 29.32 and rising. Yesterday's high temperature in Juneau, Alaska, was 47 degrees» [American Ways 1996: 31]. По-видимому, аналогичный русскоязычный образец будет изобиловать такими языковыми единицами как «примерно», «около», «приблизительно», «более», «менее» и т.д. и т.п. <...> Специалистам по художественному переводу с английского на русский язык хорошо известно, что в русской культуре не принято с абсолютной точностью указывать рост и вес персонажей, поэто-

му в переводном тексте сочетание «*Nineteen years old, six feet two inches tall, long bone and hard of muscle...*» (Mitchell 1988: 5) будет звучать как «девятнадцатилетние, высокие стройные парни...» [Привалова 2007].

Интересное определение феномена коммуникативного стиля принадлежит американской исследовательнице процессов общения Деборе Таннен (D. Tannen), по мнению которой коммуникативный стиль соотносится со всеми способами, которыми говорящий кодирует значения в языке и передает слушающему информацию о том, как сообщение должно быть понято. Коммуникативный стиль, утверждает Д. Таннен, «не есть нечто дополнительное, как помадка на пирожном; это материал, из которого сделано само пирожное: высота тона, интенсивность, интонация, качество голоса, выбор лексических и синтаксических средств, скорость говорения и передача очереди, а также то, что говорится и какими средствами обеспечивается связность речи» [Таннен 2012: 296]. В таком понимании весьма образно и справедливо акцентируется важная черта феномена коммуникативного стиля: в его формировании и манифестации участвует совокупность черт.

Однако за пределами рассматриваемого понятия оказываются стилеобразующие невербальные особенности общения представителей разных коммуникативных культур. Поэтому более емкими представляются определения коммуникативного стиля как совокупности словесного и несловесного в общении: как отражение «существующих в культуре предпочтений по выбору вербальных, невербальных и паравербальных средств в организации межличностного взаимодействия» [Куликова 2004: 35], как «доминирующая манера общения, проявляющаяся в большинстве коммуникативных ситуаций» [Стернин 2003b: 97].

Еще более развернутое определение национального коммуникативного стиля, или коммуникативного этностиля, предлагает автор многочисленных работ по коммуникативному поведению Т. Ларина: коммуникативный этностиль – это «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закрепленный традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определенных средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия» [Ларина 2009: 27–28]. Причем, исходя из того, в коммуникации выделяются языковой и поведенческий аспекты, коммуникативный стиль может рассматриваться как двуединство вербального и невербального этностилей: в первом отражаются доминирующие коммуникативные черты, формируемые в результате регулярного использования определенных стратегий общения и предопределяемых ими языковых средств; во втором – закрепленные традицией особенности использования средств невербальной коммуникации – проксемических, кинесических, тактильных и др. [там же].

С особой очевидностью стилеобразующая функция всех компонентов общения подчеркивается в специальных монографиях кросс-культурного характера. Например, сопоставление вербальных и невербальных моментов в американском общении говорит об их тесной взаимообусловленности: в частности, именно так, по мнению исследователей, соотносятся американская улыбка и склонность американцев к эвфемизации, преувеличенным комплиентам, политической корректности; громкость речи американцев коррелирует с демократизмом и неформальностью их общения [Леонтович 2005: 290; 279].

Взаимное соответствие вербальных и невербальных параметров отмечается и в коммуникативной практике немцев и англичан:

Поскольку немцы (здесь и далее разрядка моя – А.Л.) ощущают себя прежде всего как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо группы, в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии. Это проявляется как на уровне вербальных, так и невербальных сигналов. В частности, немецкое речевое общение отмечено рядом коммуникативных табу речевого и тематического характера, «охраняющих» границы индивидуального «пространства» личности. <...> Зона личной автономии в немецкой культуре выражается также в невысокой, по сравнению с русской, степени контактности. Как правило, немцы ведут себя замкнуто, дистанцированно по отношению к незнакомым людям и очень редко сами проявляют инициативу в сближении с иностранцами [Куликова 2006: 218–219];

[X]арактерная для англичан пространственная дистанция, проявляющаяся в большем, чем у русских, расстоянии во всех типах общения, недопустимости прикосновений (англичане при встрече не обнимаются, не обмениваются рукопожатием, пожимают руку только при знакомстве и т. д.) <...> На вербальном уровне данная черта наглядно проявляется в разнообразных стратегиях дистанцирования, в косвенном выражении побуждений, в строгих ограничениях на употребление императива, в многочисленных коммуникативных табу и т. д. [Ларина 2009: 50].

Таким образом, корреляция между вербальными и невербальными средствами общения, которым отдается предпочтение в той или иной коммуникативной культуре, говорит о системном характере национального коммуникативного стиля, обусловленного включенностью в него всех элементов, значимых для носителей этой культуры.

Глава 2. Русская коммуникативная культура: вербальные аспекты

*Мы хорошо чувствуем себя в такой
группе, которая «лезет» в наши личные
дела, копается в наших взглядах и
мотивах, пытается формировать
нашу личность.*

К. КАСЬЯНОВА

§1. Основные характеристики русского общения

Как уже отмечалось выше, оформлению исследований национального коммуникативного поведения в самостоятельное научное направление чуть более двух десятков лет. Однако за это время появилось немало работ, касающихся русского коммуникативного поведения – как небольших статей сопоставительного плана (см. статьи из сборников «Коммуникативное поведение» разных лет, приведенные в библиографическом списке), использующих в основном ситуативный принцип описания, так и крупных разноаспектных исследований [Дементьев 2013; Ларина 2013, 2009; Сергеева 2006а, 2006б и др.], среди которых основной является монография «Русские: коммуникативное поведение» [Прохоров, Стернин 2006] (первое издание – «Русское коммуникативное поведение», 2002 г.). По мнению авторов этой монографии, описание коммуникативного поведения любого народа представляет собой научную абстракцию, не предполагающую того, что выявленная совокупность коммуникативных признаков непременно обнаружится у каждого члена лингвокультурного сообщества:

Речь в таком описании должна идти о наличии описываемых стереотипов в национальной культуре, в ее фонде, в коммуникативном сознании, в концептосфере... <...> отдельные индивиды овладевают определенной частью коммуникативного поведения народа, но никогда – всей совокупностью этих стереотипов. Можно лишь утверждать, что многие представители данной коммуникативной культуры обладают данными стереотипами, соблюдают описанные коммуникативные нормы и правила (хотя, видимо, всегда будут люди, <...> нарушающие нормы национального коммуникативного поведения; в любой лингвокультурной общности есть люди, ведущие себя в соответствии с коммуникативными нормами других коммуникативных культур, – например, среди русских есть люди с явными признаками западного и сугубо восточного коммуникативного поведения [Прохоров, Стернин 2006: 80–81].

В связи с обозначенным принципом системное типизированное описание коммуникативного поведения народа должно отражать реализацию выделенных стереотипов многими представителями данной коммуникативной культуры, во многих ситуациях общения, подразумевать осознаваемость носителями коммуникативной культуры существования этих стереотипов при их нарушении или в межкультурном общении, кроме того, инокультурными информантами эти стереотипы должны фиксироваться как дифференциальные. Для подобного описания используются «мягкие», некатегоричные показатели распространенности того или иного коммуникативного явления: *обычно, часто, чаще всего, довольно/очень часто, иногда, редко, довольно/очень редко, никогда* и под. [см. Прохоров, Стернин 2006: 81–83].

Структуру коммуникативных категорий, определяющих русское коммуникативное сознание, можно обобщить в таблице 3.

ТАБЛИЦА 3. Структура коммуникативных категорий.

СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ (КК) РУССКОГО КОММУНИКАТИВНОГО СОЗНАНИЯ	
↓	↓
ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КК	ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ КК
<p>Сюда включаются знания об общении: о формах его осуществления, возможных коммуникативных намерениях, о речи участников общения.</p> <p>Для русского сознания могут быть выделены в качестве релевантных следующие КК [см. Стернин 2005: 161] (некоторые взаимосвязанные категории нами объединены):</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ собственно категория <i>общение</i> как важнейшая, ядерная категория русского коммуникативного сознания, ▪ <i>вежливость / грубость</i>, ▪ <i>коммуникативная неприкосновенность</i>, ▪ <i>коммуникативная ответственность</i>, ▪ <i>коммуникативная эмоциональность</i>, ▪ <i>коммуникативная оценочность</i>, ▪ <i>коммуникативная регулятивность</i>, ▪ <i>коммуникативное доверие</i>, ▪ <i>коммуникативное давление, спор, конфликт</i>, ▪ <i>коммуникативная серьезность</i>, ▪ <i>интеррогативность</i>, ▪ <i>коммуникативная эфффективность</i>, ▪ <i>молчание</i>, ▪ <i>коммуникативный оптимизм / пессимизм</i>, ▪ <i>тематика общения</i>, ▪ <i>грамотность</i>, ▪ <i>родной язык</i>, ▪ <i>иностраннный язык</i> и др. 	<p>Это слабоструктурированное рациональное и эмоционально-оценочное осмысление информационного содержания КК, в которое входят: коммуникативные прескрипции (поощряемые русским сознанием коммуникативные действия), коммуникативные запреты (порицаемые действия), объяснительные стереотипы, трактующие, как следует понимать те или иные коммуникативные действия собеседника [см. Прохоров, Стернин 2006: 99- 220]:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ Примеры действий, поощряемых русской коммуникативной культурой: принято предупреждать об опасности как знакомых, так и незнакомых; компромисс, с точки зрения, русских, есть беспринципность, нужно спорить, стоять на своем «до конца», и др. ▪ Примеры порицаемых действий: в гостях нельзя плохо есть или рано уходить из гостей – это обидно для русских; молчание социально осуждается: в компании не принято молчать, нужно «разговорить» молчащего, и др. ▪ Примеры объяснительных стереотипов: дети должны слушать родителей, которые не обязаны соблюдать нормы вежливого общения по отношению к собственным детям; собеседник по-настоящему почувствует доброе к себе отношение, если к нему прикоснуться, взять за руку, обнять или полубобнять, и т.п.

Значимость коммуникативных категорий в национальном коммуникативном сознании неодинакова, поэтому могут быть выделены ядерные и периферийные коммуникативные категории русской (так же, как и любой другой) лингвокультурной общности. Именно ядерные категории обуславливают наиболее заметную специфику национальной коммуникативной культуры. При этом следует подчеркнуть, что, с точки зрения российских специалистов, коммуникативное поведение жителей разных регионов такой большой страны, как Россия, вполне может быть соотнесено с общим коммуникативным стандартом. Так, А. Павловская, автор книг и интернет-материалов о России и русских, пишет, что при всем территориальном масштабе и климатическом разнообразии, ощущаемом во время путешествия по стране, Россию отличает исключительное культурное единство, общность традиций и особенностей быта:

В самых разных уголках России люди садятся за праздничный стол и едят одни те же блюда, пьют одинаковые напитки. Расслабившись – поют общие песни. Во всей России празднуют одни и те же праздники, причем соблюдая единые традиции. Все читают те же книги, получают в школах одинаковые знания. Но это все только внешние признаки. Сходство же наблюдается и во внутреннем мире, манере поведения, мировосприятии, взглядах, характере [Павловская 2010].

В книге «Русские: коммуникативное поведение» наиболее яркие дифференциальные черты русского коммуникативного поведения, выявляемые в сопоставлении с западным стандартом, представлены в виде параметрического описания [см. Прохоров, Стернин 2006: 181–242], которое возможно в двух вариантах: содержательном – т.е. развернутом описании, при котором характеризуются наиболее релевантные национальные коммуникативные

проявления, и формализованном, т.е. в виде списка параметров и их оценки в системе принятого метаязыка¹¹.

Воспроизведенная в данной главе формализованная модель описания русского коммуникативного поведения снабжена некоторыми извлеченными из той же работы [Прохоров, Стернин 2006: 238–242] комментариями¹² относительно сущности отдельных параметров:

1. *Контактность* (характер установления и поддержания коммуникативных отношений с собеседником): общительность – очень высокая; эмоциональность – высокая; коммуникативный демократизм (стремление к паритетности в общении, пренебрежение формальной вежливостью) – высокий; коммуникативная доминантность (проявляемое в неофициальной обстановке стремление завладеть вниманием собеседников) – заметная; свобода вступления в контакт и подключения к общению – высокая; зрительный контакт – обязателен; искрен-

---

¹¹ Разработка принципов описания национального коммуникативного поведения, в том числе системного параметризованного описания, началась в работах профессора Воронежского университета И.А. Стернина и созданной им в 90-х годах XX в. проблемной группы «Коммуникативное поведение» (позже ставшей международным Центром коммуникативных исследований) и апробирована при сопоставлении русского коммуникативного поведения с коммуникативным поведением некоторых других славянских народов, а также с финским (начиная с 2000 г. опубликовано несколько научных сборников «Русское и финское коммуникативное поведение»), американским, английским, французским, китайским, немецким [об этом: Прохоров, Стернин 2006: 22–24]. Авторами всех этих изданий являются ученые из России и описываемых стран. Статьи литовских русистов (А. Беловодской, Э. Лассан, А. Лихачевой, В. Макаровой, Й. Паужи, Р. Чичинскайте), в той или иной степени связанные с темой национального коммуникативного поведения, были опубликованы в сборнике [Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение 2007] и некоторых других изданиях Центра коммуникативных исследований.

¹² Все комментарии приводятся в скобках, за исключением параметра *вежливость*, разъясненного самими авторами указанной книги.

- ность – высокая; откровенность в общении – высокая; доброжелательность приветствия – сдержанная;
2. *Неформальность* (степень приоритетности формального или неформального общения, степень их соотношения): стремление к неформальному общению – заметное; приоритетность неформального общения (формальное общение для русских – всегда общение «классом ниже») – выраженная; эффективность формального общения (более эффективны взаимоотношения на основании персональных отношений) – низкая;
  3. *Коммуникативная самоподача* (способ самопредставления личности в процессе коммуникации): самоподача личности – диффузная (пассивная, неярко выраженная); самопрезентация достижений – сдержанная;
  4. *Вежливость* (характер соблюдения принятых в обществе правил уважительного общения): императивность этикетных норм – пониженная; предупредительность – заметная; допустимость грубости – заметная; вежливость к незнакомым – низкая; вежливость к знакомым – высокая; бытовая вежливость к старшим – пониженная; вежливость к детям – низкая; вежливость детей к родителям – допускает исключения; вежливость детей к незнакомым взрослым – заметная; вежливость к женщинам – повышенная; вежливость к учителям – высокая; вежливость обслуживающего персонала – пониженная; внимание при слушании – низкое (возможность перебивания собеседника, отвлечения и разговоров во время выступлений докладчиков);
  5. *Регулятивность* (степень допустимости замечаний, указаний в адрес собеседника): возможность модификации поведения собеседника – высокая; педагогическая доминантность (использование императивных конструкций, нарушение общепринятых норм вежливости в отношении учащихся) – очень высокая;

6. *Конфликтность* (характер обсуждения противоречий): дискуссионность общения (любовь к спорам, выяснению отношений, неразличение принципиального и непринципиального в спорах) – повышенная; бескомпромиссность (настаивание на своей точке зрения, восприятие терпимости как беспринципности, конформизма) – очень высокая; публичное обсуждение разногласий – широко распространено; допустимость эмоционального спора – высокая; категоричность выражения несогласия (дискуссия часто приобретает некооперативный характер: говорящий думает преимущественно о своих интересах, а не об интересах других участников общения) – повышенная; любовь к критике – повышенная; допустимость конфликтной тематики общения (отсутствие стремления к уклонению от «опасных» тем) – высокая; категоричность формулирования проблемы – высокая; отношение к инакомыслию – негативное (преобладает подчинение общему мнению, стремление переубедить собеседника); сосредоточенность спора на решении проблемы – пониженная (русский спор чаще направлен не на решение конкретных, практических задач, а затрагивает абстрактные, глобальные темы); проблемность повседневного общения – повышенная (допускается предъявление в общении с другими людьми своих проблем, причем, согласно коммуникативным ожиданиям, в ответ необходимо проявить участие, дать совет);
7. *Тематика общения* (характер обсуждаемых проблем в определенных коммуникативных ситуациях): откровенный разговор по душам – приоритетность; светское общение – негативное отношение; широта обсуждаемой и сообщаемой информации – высокая; интимность запрашиваемой и сообщаемой информации – высокая; стремление к широкой информиро-

- ванности – высокое; стремление к постоянному получению новой информации – заметное; оценочность общения – высокая; коммуникативный пессимизм – ярко выражен; важность юмора в общении – высокая; степень табуированности в общении – низкая; уровень интеррогативности общения (стремление расспрашивать собеседников, новых людей, при этом могут задаваться любые вопросы) – высокий; степень императивности общения – низкая (малое внимание к этикетности общения, нестрогость коммуникативных норм);
8. *Невербальное поведение* (степень активности, интенсивности невербальных компонентов общения): бытовая улыбчивость – отсутствует; дистанция общения – короткая; физический контакт собеседников – достаточно широко используется; интенсивность жестикуляции – средняя; амплитуда жестикуляции – повышенная; интенсивность мимики – повышенная; искренность мимики – очень высокая; громкость общения – заметная; возможность повышения громкости речи – достаточно высокая; возможность повышения темпа речи – низкая;
9. *Ориентация на собеседника* (характер учета интересов и поведения собеседника в общении): ориентация на сохранение лица собеседника – отсутствует (в споре или конфликте собеседника часто оставляют проигравшим, открыто торжествуя победой); настойчивость в получении информации – заметная; комплиментарность общения – низкая (комплименты часто рассматриваются как проявление неискренности); коммуникативный эгоцентризм – заметный; стремление к постоянству круга общения – высокое; отношение к групповому общению (в компаниях друзей, сотрудников) – предпочтительность; предпочитаемый размер группы общения – малый (3–5 собеседников) и средний (6–10 собеседников);

10. *Коммуникативный эталон* (представление о коммуникативном идеале и хорошей речи): коммуникативный идеал – толерантный собеседник, хороший слушатель; хорошая речь – культурная;
11. *Коммуникативный самоконтроль* (степень постоянного внимания к собственному коммуникативному поведению): фиксация собственных коммуникативных ошибок – ослаблена; утрата коммуникативного самоконтроля – допустима, прощительна;
12. *Коммуникативная реакция* (характер реагирования в ходе общения на коммуникативные действия собеседника): степень искренности реакции на коммуникативные действия собеседника – высокая; контролируемость реакции – низкая; перебивание собеседника – допустимо; реакция на конфликтное коммуникативное поведение собеседника – зеркальная; реакция на неинтересную тему общения – невнимательное слушание; реакция на речевые ошибки собеседника – сдержанная; реакция на похвалу, комплимент – слабо негативная; реакция на коммуникативное поведение незнакомых – допустима;
13. *Объем общения* (объем коммуникативной деятельности в структуре деятельности человека): развернутость диалога – заметная (роли говорящего и слушающего в русском диалоге меняются не так часто, как в европейском); развернутость монолога – повышенная; длительные паузы в общении – недопустимы (*неловкое молчание* – русское понятие; нужно участвовать в общем разговоре, принято общаться с попутчиками в дороге). (Подробнее о содержательных характеристиках параметров русского коммуникативного поведения в сопоставлении с западным стандартом см. [Прохоров, Стернин 2006: 177–238; Стернин 2004: 10–25]).

Представленная параметрическая модель русского коммуникативного поведения дает возможность увидеть, что наиболее существенные коммуникативные черты русских связаны с их стремлением к общению и ориентацией на эмоциональное, небесконфликтное, искреннее, неформальное, взаимно заинтересованное общение. Это мнение разделяют и другие исследователи русской коммуникативной культуры. Так, А. Сергеева, специалист в области преподавания русского языка как иностранного с опытом работы во многих странах, утверждает, что главными особенностями, проявляющимися в русской коммуникативной культуре на фоне других культур, являются контактность и общительность ее представителей при малом внимании к соблюдению коммуникативной дистанции:

[Д]ля контакта совсем необязательно внешне выражать свою расположенность к человеку с помощью этикетной любезности, формул вежливости, «дежурных» улыбок и т.п. Русский характер вообще противится всяким формальностям и соблюдению твердого регламента. Условности для него – скорее помеха для неформального контакта, чем то, что достойно подражания. Он ищет не столько организованное общество, сколько *общение*, и открыт к нему. <...> В любом месте и в любое время русский может подойти к другому русскому и заговорить с ним. <...> Они могут задать любой интересующий их вопрос, спросить совета или сами дадут его вам. Барьер между незнакомыми людьми преодолевается очень быстро, и при этом не принимаются во внимание никакие дистанции: ни социальные, ни возрастные, ни профессиональные или национальные [Сергеева 2006b: 160–161].

Коммуникативные категории во многом детерминированы общекультурными аксиологическими установками. Именно этому аспекту взаимоотношений русской культуры и русского общения посвящена монография В. Дементьева «Коммуникативные цен-

ности русской культуры: категория персональности в лексике и грамматике», вышедшая в 2013 г. Автор начинает книгу утверждением: «Коммуникативные ценности существуют в любой национальной культуре, но, по нашему мнению, именно в русской культуре их значение, по сравнению с другими культурными ценностями, особенно велико» [Дементьев 2013: 7]. Ключом к пониманию своеобразия русского общения служит общая, обусловленная культурными, историческими, религиозными, социальными, психологическими факторами, оппозитивность русской культуры, двуполюсность ее ценностной системы (Ю. Лотман, Б. Успенский, А. Вежицкая), что «в самом общем виде можно понимать как непроработанность, неважность или общую культурную неподдержанность «середины» при подчеркнутой проработанности «крайностей» (подробнее об этом [там же: 9–10 и далее]). По мнению В. Дементьева, в коммуникативном плане такая оппозитивность проявляется, например, в том, что для многих русских тягостно участие в лично нейтральном общении типа *светской беседы*, поэтому естественны подмены либо в сторону дружеского, либо конфликтного общения:

Более частными проявлениями общей оппозитивности культуры в русской речевой коммуникации и русском языке являются, с одной стороны, слабая проработанность системы нейтральных обращений или положительно-оценочных определений, в том числе диминутивных, которые одновременно используются в качестве обращений (*милый и миленький, родной, родимый и родимец, дорогой, уважаемый, любезный, желанный*), жанров праздноречевой лично нейтральной фатики типа английского *small talk* и т. д. С другой стороны, обращает на себя внимание обостренное внимание в русском языке и речи к нюансам ухудшения межличностных отношений – ср. обширный набор отрицательно-оценочных, оценочных определений/обращений, номинаций для ситуаций кон-

фликтной коммуникации (*брань; выяснение отношений; дерзость; диссонанс; допрос; жалоба; злопожелание; издевка; инвектива; инсинуация; клевета; кляуза; колкость; конфликт; «лаяться»; нагоняй; насмешка; нотация; нравоучение; обвинение; окрик; оскорбление; осуждение; отповедь; перебранка; пикировка; показать, где раки зимуют; показать Кузькину мать; попрек; порицание; «посылание»; похвальба; препирательство; пререkanie; претензия; приговор; придирки; проклятие; проработка; разбирательство; разговор с позиции силы; разоблачение; разрыв отношений; расплеваться; ропот; ругань; сарказм; сговор; скандал; сплетня и сплетничание; спор; ссора; угроза; уловка; ультиматум; уничтожение; укор; упрек*) [Дементьев 2013: 13–14].

В качестве важнейшей для русских коммуникативной ценности В. Дементьев называет *персональность*, благодаря которой в русской коммуникативной культуре реализуется неуниверсальная, безэквивалентная для большинства культур оценочность. По мнению В. Дементьева, *персональность* в русском общении, речи, языке представлена в виде глобальной оценочной шкалы, или оппозиции, охватывающей восприятие мира, человеческих взаимоотношений, коммуникации, языка. В такой шкале противопоставлены два начала: персональное, личностное, межличностное – и социальное, неличностное, т.е. официальное, ритуальное. Наличие *персональности* в русской системе коммуникативных координат представляет собой норму – следовательно, нейтрально с точки зрения оценки, в то время как отсутствие персональности нормой не является и потому оценивается отрицательно. «В русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком» [Дементьев 2013: 83–86]. Оппозиция персональность-отсутствие персональности

очень точно фиксируется в языковых единицах: например, во фразеологизме *не в службу, а в дружбу*; в таких важных для русской культуры антонимах, как *правда – истина, душа – разум; друг – партнер, сотрудник*; или в производных от одного из ключевых слов русской культуры *душа: душевный – бездушный* [там же: 116].

Связанная с противопоставлением двух общих и наиболее существенных характеристик общения – личного и неличного, категория персональности имплицитно подразумевает приоритет в русском коммуникативном поведении таких черт, как прямота в вербализации своих желаний, мыслей, чувств при несогласии с собеседником; склонность к крайним или категоричным моральным суждениям; эмоциональность речи; значимость оппозиции *свой – чужой*, выражение отношения к собеседнику через посредство концепта «дружба», а к содержанию высказывания через посредство концепта «правда» [см. там же: 134, 131].

Важнейшую роль в русском коммуникативном сознании оппозиции *личного (персонального, неофициального)* и *неличного (официального, ритуального, а также светского)* типов общения отмечают и авторы других работ. Так, согласно исследованиям И. Стернина [2002b: 13], *неофициальное* общение считается эффективным, искренним, желанным, «настоящим», а *официальное* и *светское* имеют негативный оценочный знак и рассматриваются как малоэффективные виды общения, как суррогат общения настоящего.

Выделяется также оппозиция *открытое – закрытое* общение [Чарыкова, Попова, Стернин 2012: 217–219]: первое характеризуется тематической открытостью, взаимной готовностью общающихся выразить свою индивидуальность и заинтересованностью во мнении собеседника; второе сводится к поверхностному разговору, имеет тематические ограничения, вызванные, например,

различным уровнем знаний и компетенции собеседников, небольшим стажем их знакомства, нежеланием сокращать психологическую дистанцию в общении. Типичный тип открытого общения – традиционный русский *разговор по душам* [там же: 219]. Такой тип общения характеризуется следующим образом:

[Э]то, прежде всего, разговор, начисто лишенный всякой официальности, формальности. Это длинный, без ограничения во времени, эмоциональный разговор двух людей, в медленном, задушевном темпе, негромко. Возможно прикосновение друг к другу. Это разговор преимущественно дома, в неформальной одежде, за едой или рюмкой вина, когда обе стороны в том числе жалуются друг другу на жизнь, заверяют друг друга в понимании, дружбе и поддержке, с обсуждением многих личных, в том числе психологических проблем, включая проблемы сугубо личной жизни. Значительную часть разговора по душам занимает рассказ собеседников друг другу о «трудностях жизни». В принципе любые темы допустимы, в этом жанре общения фактически нет тематических табу, могут задаваться любые вопросы [Дьякова, Стернин 2005].

Обращает на себя внимание тот факт, что *разговор по душам* исследователями называется *традиционным, типично русским коммуникативным феноменом*. В. Дементьев характеризует готовность к *открытию души* как ключевое качество русского национального характера, при этом состоявшийся *разговор по душам* «предполагает радость от обретения единомышленника, согласия, психологическую поддержку, релаксацию» [Дементьев 2013: 9, 72]. Схожее мнение высказывает А. Сергеева:

[Р]усское понимание сути хорошего разговора (разрядка моя – А.Л.) сводится к разговору *по душам*, в отличие от светской болтовни, которая оценивается ими как «глупая» <...> Главное – он должен быть взаимно интересным, дающим пищу для размышления, можно сказать «умным». Ценится именно такой разговор, как

говорят в народе: «С умным разговариваться – что меду напиться». Запретных тем нет, но есть тенденция предпочтения «высоких» тем: например, о смысле жизни, о новых веяниях в политике, о будущем России, о новинках в области литературы, театра или кино. Допустимо обсуждение финансовых проблем, здоровья, болезней, что не принято у европейцев. Более того, если вы захотите поделиться своими проблемами, то это не шокирует русских собеседников. А напротив: окружающие выразят вам свое сочувствие, начнут дать советы и даже постараются практически помочь [Сергеева 2006а: 87].

Вместе с тем, исследователями отмечаются и существенные ценностные перемены в современном русском коммуникативном сознании, обусловленные меняющимся ритмом и стилем жизни, вследствие чего разговор по душам в нынешней российской коммуникативной практике воспринимается неоднозначно – как культурно поддерживаемый, но социально непрестижный жанр общения:

Стремление разговаривать по душам в современной России может вызвать ответную насмешку; складываются даже устойчивые речевые маркеры такой насмешки. Так, по мнению В.И. Карасика, фраза *А кому сейчас легко?* в современной России стала «узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений» <...>. Ср. насмешливую фразу советского периода, произносимую в ответ на предложение поговорить по душам: *Я не прокурор, чтобы с тобой по душам говорить* и новое значение глагола грузить в современной русской разговорной речи: грузить 2. Навязчиво сообщать что-л. ненужное или неприятное, озабочивать какими-л. проблемами <...>. В целом комическое обыгрывание норм РпД (разговора по душам – А.Л.) – достаточно распространенное явление в русской речевой культуре. Существует много анекдотов на эту тему, многочисленные более или менее известные авторские юмористические тексты (некоторые из них обнаруживают тенденцию к прецедентности); ср. анекдоты: *Русского человека всегда тянет к культурному общению, оно помогает ему набраться ума,*

энергии, положительных эмоций. Или хотя бы просто набраться; Встретились двое и начали искать третьего. Нашли, выпили, разошлись, а третий за ними. Они направо – и он направо, они налево – и он налево. Они останавливаются: – Тебе чего? – А поговорить?! [Дементьев 2013: 144].

Подобное нежелание вникать в проблемы другого человека (причем, явно встреченного не впервые, а скорее – соседа, близкого знакомого, возможно, родственника) противоречит автостереотипу русских как людей открытых, с широкой душой, отзывчивых, всегда помогающих друг другу [Леонтович 2005: 244].

Следует, однако, иметь в виду, что «настоящие» беседы на личные темы в русской коммуникативной культуре существуют в двух ипостасях: как пишет Анна Зализняк в «Заметках о словах: *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции*», «устойчивым сочетанием *выяснение отношений* обозначается чисто русское занятие (в некотором смысле, противоположное *общению*), состоящее в том, что люди говорят друг другу неприятные вещи, считая при этом, что это хороший поступок» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 282]. Поэтому и *разговор по душам*, «будучи изначально жанром гармонического, кооперативного персонального общения, <...> может вполне естественно сближаться даже с жанрами такого выражено конфликтного типа общения, как *спор, ссора, истерика*» [Дементьев 2013: 166].

Очевидно, что неагрессивный, не перетекающий в конфликт *разговор по душам* соответствует русскому коммуникативному идеалу – основополагающим правилами коммуникации, разделяемыми всеми членами лингвокультурной общности.

Наряду с *разговором по душам* в русском общении может быть выделен еще один коммуникативный жанр, соотносимый с понятием коммуникативного идеала, приблизительно с XVIII–XIX вв.

ориентирующийся на нормы совершенно другого, заимствованного из западной культуры жанра фатического общения¹³, – это *светская беседа* [Дементьев 2013: 139].

Как пишет В. Фенина, автор диссертационного исследования, посвященного русскому и англо-американскому фатическому общению, обычно русский жанр *светская беседа* сопоставляется с англо-американским жанром *small talk*, что закреплено и в двуязычных словарях [Фенина 2005: 5]. *Светская беседа* и *small talk* действительно являются центральными жанрами фатической, или праздноречевой, коммуникации в соответствующих речевых культурах, однако остаются мало изученными, не выявлено и их реальное соотношение. По мнению исследовательницы, эти жанры различаются, в первую очередь, благодаря несовпадающим ценностным ориентирам русской и англо-американской культур. Общая оппозитивность русской коммуникативной культуры приводит к центробежности русской фатики (об этом также [Дементьев 2013]), к сужению и неустойчивости пределов лично-нейтрального общения, характерного для «классической» *светской беседы*: «Центробежность в области фатической коммуникации <...> проявляется в том, что основная область речевых системности приходится на «края» типологии фатических речевых жанров, прямые лично-ненейтральные жанры (*разговор по душам, дружеская беседа, объяснение, ссора*) в русской речевой культуре проработаны гораздо больше, чем середина. Общение данных типов является доминирующим» [Фенина 2005: 20–21]. Этим положением могут быть объяснены важные черты русского общения: «Прямое проявление агрессии, как ни странно, во многих случаях предпочтительней, чем лично-нейтральные

---

¹³ Подробнее о понятиях информативной и фатической речи и соответствующих коммуникативных жанрах см. [Дементьев 1997].

праздноречевые жанры. *Ссора*, так же, как и *разговор по душам*, способствует эмоциональному катарсису, приносит желаемое психологическое удовлетворение» [там же].

В отличие от оппозитивной русской, англо-американская ценностная система континуальна, что делает англоязычное фатическое общение центростремительным: доминирование тональности *small talk* здесь снимает характерное для русского общения четкое противопоставление *светской беседы* другим фатическим жанрам: *дружеской беседе*, *болтовне*, *семейной беседе*, *разговору по душам*. Кроме того, если для представителей англо-американской культуры владение жанром *small talk* входит в общенациональную коммуникативную компетенцию, то умение участвовать в *светской беседе* в русской речевой практике является признаком элитарной языковой личности. В сегодняшней английской культуре аристократический *small talk*, характерный для XVII-XIX веков, утрачивается, но современный его аналог используется очень широко: закрепляется за различными сферами деловой коммуникации и нередко встречается и в сфере персональных отношений, заменяя собой жанры прямого межличностного общения. *Светская беседа* в ее русском варианте почти полностью исчезает из коммуникации, не закрепляясь ни за одной из ее сфер, и в общении используются лишь отдельные элементы этого жанра [Фенина 2005: 5–6].

С этим мнением перекликается точка зрения И. Приваловой, полагающей, что приемлемость конкретных речевых жанров прямо связана с национальными коммуникативными канонами. Например, в американском общении одновременно соблюдаются физическая и информационная дистанции, тогда как общая низкая дистантность проксемической организации русской коммуникативной модели делает такой речевой жанр, как «small talk» или «светская беседа», неорганичным для нее [Привалова 2007].

Собственно «светскость» в современном русском сознании обладает неоднозначными коннотациями: с одной стороны, это один из эквивалентов понятия «вежливость», в нем присутствует указание на аристократизм [СРСВ], с другой – то, что имеет «отношение к жизни света – кругу знатных, знаменитых, влиятельных и/или богатых людей» [Языковые изменения: 567], и в этом втором значении слово «светский» в последние годы нередко выступает как частичный синоним слова «гламурный». Их неполная синонимичность вызвана тем, что *светский разговор* понимается, в общем, почти так же, как в XIX в., в то время как *гламурный разговор* – как бы более “фотогенично”, “форматно”, то есть должен быть не просто красивым (как и *светский разговор*), а должен выглядеть красиво, снятый в виде фотографии в журнале, на телепередаче или в качестве отдельной сцены в фильме, которые положительно оценят *гламурные зрители / читатели*» [Дементьев 2013: 160, 185].

Вообще, как отмечают российские лингвисты, «формы российской городской жизни, организация досуга и жанры времяпрепровождения в последнее время очень изменились» [Левонтина 2009]. На длительные разговоры по душам остается все меньше времени, поэтому можно сказать, что так же, как и жанр светской беседы, этот коммуникативный жанр – уходящий. Однако в современной русской коммуникативной культуре неоспоримо положительно воспринимается дружеское, приятельское общение, отвечающее духу русского гостеприимства. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения, согласно которой, среди ситуаций, являющихся диагностирующими для выявления этнокультурной специфики коммуникативного поведения, может быть выделена ситуация застолья как «своеобразный культурный стержень, который отражает самосознание нации» (Л. Береснева, 2005 – об этом [Карасик 2007: 371]). Действительно, *застольное общение* – это именно тот

тип потенциально бесконфликтного неофициального, открытого общения, в котором соединяются пристрастие русских к обсуждению насущных политических, экономических и рабочих проблем, книг, спектаклей, фильмов, любовь к шуткам, анекдотам, неформальным тостам, рассказам о путешествиях и общих знакомых, спорам и застольному пению. Все это в русской коммуникативной культуре отвечает потребности друзей, приятелей, сотрудников в периодических встречах, цель которых обычно выражается безэквивалентными в коннотативном отношении лексемами «пообщаться», «собратиться», «посидеть»¹⁴.

По-видимому, *застольное общение*, в рамках которого обычно ведутся и светские беседы, и разговоры по душам, можно назвать типом общения, идеального для русских. *Застольное общение* интегрирует персональность как важнейшую русскую коммуникативную ценность в общий коллективистский дух русской культуры.

---

¹⁴ Нужно отметить, что у таких важных, необходимых для русских коммуникантов встреч в современном русском языке нет однословного субстантивного наименования. Интересными наблюдениями на эту тему делится И. Левонтина в статье о некоторых названиях жанров времяпрепровождения: «Я закончила школу в 1980-м и потом училась в МГУ – и могу засвидетельствовать, что у нас не бывало никаких *вечеринок*. Уже в начале 90-х я пригласила на день рождения знакомую немку, которая изучала в Москве русский язык. Она радостно спросила: «У тебя будет *вечеринка*?». Я растерялась. С одной стороны, я совершенно точно знала, что у меня будет не *вечеринка*. Придут гости, будем выпивать и закусывать, песни петь и веселиться (разрядка моя – А.Л.). С другой стороны, чем же это не *вечеринка*? С третьей стороны, я не считала, что это слово устаревшее, я вообще-то могла его употребить. Тем не менее, я совершенно отчетливо ощущала, что мой день рождения назвать *вечеринкой* мог только иностранец. Или еще, возможно, очень пожилой человек. Возвращаюсь к своему личному опыту старших классов и студенческих лет. Как же мы говорили? *Вечеринка* точно не говорили. Если организованное школьное мероприятие, то было слово *вечер*, если школьное, но менее официальное, – *огонек*. Ну а если домашнее? Помню, был фильм из школьной жизни «Розыгрыш», там в нужном значении использовалось слово *сабантуй*. А так я существительного что-то вообще не припомню, говорили просто – *собираемся*» [Левонтина 2009].

§2. Русский вербальный коммуникативный стиль в сопоставительном плане

Целью исследований этнокультурной специфики коммуникативного поведения является объяснение культурных расхождений, проявляющихся в общении [Карасик 2007: 365]. Ключом же к объяснению самого наличия этих расхождений выступает национальный коммуникативный стиль, представляющий собой «устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова 2006: 182]. Как компонент национального сознания, «стиль коммуникации проявляется в действиях коммуникантов, как в монокультурном окружении, так и в межкультурном взаимодействии, неосознанно, в режиме автоматической, стереотипизированной речевой деятельности. Именно в связи с этим коммуникативный стиль можно считать наиболее ярким экспликатором культурной чужеродности в контактах с представителями других языковых культур» [там же: 184].

В последние годы появилось значительное количество работ, в той или степени затрагивающих проблемы описания русского коммуникативного стиля в сопоставлении с инокультурными коммуникативными стилями: с английским [Ларина 2013b, 2009, 2005; Стернин, Ларина, Стернина 2003]; немецким [Куликова 2006], американским [Леонтович 2005; Привалова 2007]; еврейским [Микаберидзе 2008]; иранским [Резаи 2013]; французским [Гауберген 2010; Седых 2002] и т.п. Немало работ, непосредственно связанных с русским стилем общения, посвящено отдельным аспектам коммуникативистики: речевым жанрам [Дементьев 1999; Рытникова

1997 и др.], взаимообусловленности культуры и жанров [Дементьев 2013, 2007; Левонтина 2007 и др.], коммуникативной норме [Захарова 2007; Шилихина 2000 и др.], речевому поведению [Желвис 2012; Седов 1997 и др.] и т.п.

Материалы этих и других работ, посвященных национальной коммуникативной специфике, позволяют проиллюстрировать некоторые особенности русского вербального коммуникативного стиля на фоне стилей общения в других культурах, а также дают основания полагать, что национальная специфика русского речевого поведения особенно отчетливо проявляется при сопоставлении:

1. регламентации тематических параметров общения,
2. возможности реализации определенных коммуникативных намерений,
3. коммуникативной эмоциональности,
4. лексических показателей дистанции общения.

Остановимся на каждом из названных проявлений в русском и некоторых инокультурных вербальных коммуникативных стилях, имея в виду тот факт, что русский стиль общения в значительной мере обуславливается контактностью русской коммуникативной культуры, ее коллективистским и высококонтекстным характером [De Mooij 2014; Ларина 2009 и др.].

- **Регламентация тематических параметров общения**

По мнению исследователей коммуникативного поведения, жесткость ситуативно-тематической регламентации общения у русских может быть охарактеризована как невысокая, в то время, как, например, в американской и немецкой коммуникативных культурах этот параметр характеризуется как высокий [Прохоров, Стернин 2006: 262].

Определенная тематика закреплена за формальными коммуникативными ситуациями в английском общении, и эти правила строго соблюдаются: в гостях не принято говорить о личном, дома – на служебные темы, на работе не касаются домашних дел [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 41].

Во французской коммуникативной культуре также существует тематическая регламентация общения:

Французы никогда не спрашивают, сколько вам лет, сколько вы зарабатываете, какую религию исповедуете, какую политическую партию поддерживаете. <...> Прямой вопрос «Сколько вы получаете?» может шокировать. Многие французы не знают, сколько зарабатывают их друзья и даже родственники [Русское и французское коммуникативное поведение 2004: 122, 124].

В продолжение описания предпочтительных для французов тем – фрагмент статьи Мартины Ван Гауберген о национальных стилях коммуникации русских и французов, усматривающей их главное различие в соотношении рационализма и эмоциональности:

Слова и форма, а короче говоря, внешность, важна для французов. Русским это может казаться знаком легкомыслия, но для французов это эстетический и даже этический момент, через который человек показывает свое уважение другому человеку и приглашает его ощутить красоту жизни. В эту программу входят и разговоры о еде. Французы, как известно, не только любят хорошую кухню, но и любят говорить о ней. Говорить о питании для них не является пустым разговором. Пустой разговор у них ассоциируется с погодой: *parler de la pluie et du beau temps* – ‘говорить о дожде и о хорошей погоде’/ ‘говорить о пустяках’ – значит, что человек не знает, о чем говорить. Но говорить о еде – это другое дело. Это важный разговор, который входит в эпикурейскую программу, так красиво выраженную в прощальной формуле на живописных и ароматных рынках южной Франции, где продавцы, упаковавшие свои товары

и подавшие их покупателям, не говорят: «спасибо и до свидания», а говорят: *régalez-vous!* – «кушайте на здоровье!». Это желание красиво жить, скомбинированное с разумом как ориентиром, создает у человека впечатление, что он держит свою жизнь под контролем [Гауберген 2010].

Степень тематической регламентации общения не состоит в прямой зависимости от коллективистского или индивидуалистического характера коммуникативной культуры. Например, японская коммуникативная культура так же, как и русская, относится к коллективистским и высококонтекстным [De Mooij 2014: 203, 211], при этом в японском коммуникативном поведении эти черты сочетаются с психологической дистантностью, поэтому в плане приемлемой тематики общения русская и японская культуры не совпадают. Такие же черты различают русский и иранский коммуникативные стили, при их отнесенности к культурам коллективистского типа. Ср.:

[Е]сли в японской речевой культуре о главном лучше молчать, то в русской речевой культуре о главном говорят, но говорят трудно и негладко (ср. речь Пьера Безухова в «Войне и мире» и Константина Левина в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, князя Мышкина в «Идиоте» Ф.М. Достоевского). В японской культуре «хорошей» считается речь, не содержащая неожиданной для собеседника информации. Речевая гармония ценится гораздо выше, чем новая информация, и понимается следующим образом: «мне известно все, что вы скажете далее, и я полностью согласен с этим». Поэтому вежливым считается закончить за собеседника начатое им высказывание (Saville-Troike 1989) [Дементьев 2013: 128];

Русские могут горячо спорить друг с другом в гостях, причем эмоциональный накал спора может достигать очень высокой точки, однако такой спор, как правило, не приводит к обидам и разрыву отношений. У иранцев нельзя спорить в гостях, принято избегать

каких-либо конфликтов при общении. В гостях принято обсуждать самые общие проблемы, увлечения и забавы, вести светскую беседу, которая играет огромную роль во взаимоотношениях людей, имеет строгие этикетные правила, исключая любую тематику и любые выражения, способные нарушить мирный ход разговора «ни о чем» [Резаи 2013: 214].

Как видим, темы разговоров, действительно, являются культурно детерминированными, но в еще большей степени культурно детерминированной оказывается тональность общения [Chambers 2009: 8].

- Приемлемость / неприемлемость реализации определенных коммуникативных намерений

Сопоставление русской и американской коммуникативных культур дают основания говорить об отсутствии в последней речевых актов призыва и замечания, поскольку вербальная модификация поведения как отдельного человека, так и большой группы людей расценивается как попытка нарушения личностного суверенитета [об этом: Шилихина 1997], что в принципе неприемлемо для индивидуалистических культур, к которым, кроме американской, относится большая часть европейских культур. Вот характерные примеры, касающиеся английского стиля общения¹⁵:

Личная независимость (privacy), «проникновение» в которую строго возбраняется английскими коммуникативными нормами, сводит до минимума в английском общении такие речевые акты как *Замечание, Критика, Угроза*. <...> Совершенно недопустимы такие распространенные в России замечания-указания, как «Не стойте в проходе», «Не задерживайте выход пассажиров», «Отойдите от

¹⁵ Характерное для англичан коммуникативное поведение, резко отличное от русского, тонко отражено в кинофильме «Сезон туманов» (2008), снятом совместно Россией и Великобританией.

края платформы», «Не задерживайте отправление поезда», «Не забывайте оплачивать проезд», «Пройдите вперед» «Подвиньтесь», «Дайте пройти», «Потише, вы здесь не одни» и т.п. Если кто-то по неосторожности все же нарушил чужое пространство, вместо резкого «Смотри, куда идешь» и прочих распространенных в России реплик такого рода, можно услышать *Excuse me*, произнесенное с ударением на каждом слове. Высказывания, содержащие угрозу, типа объявления в московском театре *Внимание! Курить в нашем театре разрешается только в строго отведенных местах. Нарушившие это требование могут быть привлечены к административной ответственности* в английской коммуникативной культуре также недопустимы. Английское предупреждение подобного рода будет звучать намного вежливее – *We would like to remind you, that it is not allowed to smoke in the theatre*. Характерная черта английских директивов – стремление во многих случаях вербально выразить объективную мотивацию предлагаемого действия, чтобы снизить его видимую императивность, представить дело так, что ожидаемое от адресата действие не есть исполнение воли автора высказывания, а необходимая реакция на объективное состояние дел: *Let me recommend this book – one of the most remarkable ever* [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 83–85].

Как пишут авторы упоминаемой монографии, стратегии социального дистанцирования и соблюдения интерперсональных границ в общении проявляются не только в потенциально «опасных» коммуникативных действиях, но и, например, в английских поздравительных текстах, – чересчур лаконичных и формальных, с точки зрения русских:

Пожелания, содержащиеся в поздравительных открытках, фактически сводятся к пожеланию весело провести день рождения или Рождество, в них отсутствуют конкретные пожелания на будущее, подобные русским: *Желаю больших успехов, крепкого здоровья* (в Англии можно пожелать выздоровления, если человек болен), мно-

го счастья или еще более конкретных *Желаю успешно закончить университет / Желаю осуществить все намеченное / Желаю найти интересную работу / Желаю встретить хорошего друга* и т.д. Данная особенность объясняется тем, что для индивидуалистической культуры характерно прагматическое мировоззрение, убежденность в том, что все, что человек имеет или хочет иметь, зависит от него самого, его усилий, его настойчивости, трудолюбия, а не от судьбы, везения, удачи. Именно поэтому характерные для русской коммуникативной культуры пожелания англичанам представляются неуместными [там же: 82].

Посягательство на личный суверенитет невозможно и во французской коммуникативной культуре, так же, как и модификация чужого поведения, даже осуществляемая из объективно добрых побуждений:

Французы строго придерживаются правила *chacun pour soi* (каждый сам за себя – *А.Л.*) и стараются не отвлекать других. Француз в голову не может прийти мысль попросить соли или хлеба у соседа по лестничной площадке, взять денег займы. Они расценивают как вмешательство в личную жизнь наше российское естественное проявление заботы. На этот счет вспоминается история одной французской студентки, которая не могла сдержать своего возмущения, рассказывая о том, что как-то ранней весной она села на бордюры в тихой улочке Воронежа, чтобы отдохнуть и съесть булку. Но почти все проходящие мимо люди считали своим долгом сделать ей замечание, дать совет, что холодно сидеть на камне, что можно простудиться и т.д. <...> для французского менталитета и коммуникативного поведения это совершенно неприемлемо... [Ермакова 2002: 28–29].

Специфика отношения к *совету* как коммуникативной интенции в России и Америке анализируется в любопытной статье “Let Me Tell You What to Do: Cultural Differences in Advice-Giving”

(«Давайте я скажу вам, что вы должны делать: культурные различия в акте совета»), авторы которой приходят к выводу о том, что представители разных культур по-своему понимают социальную поддержку, проявляемую, в частности, в советах. Разные культуры обнаруживают сходство в том, что принимают советы как возможное коммуникативное действие, *если о них просят* и если, при этом, совет подается в смягченной форме. *Непрошенные советы* абсолютно неприемлемы для представителей как западных, так и восточноазиатских культур [Chentsova-Dutton, Vaughn 2012: 689, 699]. В западном понимании «акцентируется напряжение между поддерживающей и информирующей функциями совета и его потенциальной угрозой личной независимости. Если автономия оказывается в опасности, психологическая цена совета может перевесить пользу от него» [там же: 689]. Характеризуя российскую коммуникативную культуру, авторы отмечают, что, во-первых, русские *прямые советы* и даже *обмен советами* через неформальные социальные сети, как правило, касаются важной практической информации (напр., при проблемах с автомобилем и т.п.) или связаны со здоровьем, американцы в таких случаях предпочитают получать информацию из официальных источников [там же: 700]. И далее – о русских советах:

Несмотря на понимание того, что прямое информирование может раздражать других, конфликты или посягательства на чужую автономию рассматриваются как приемлемые в интересах сообщения правды или принуждения к социальным нормам. Таким образом, в России в меньшей степени, чем в Соединенных Штатах, от совета воздерживаются из опасения, что он будет воспринят как угроза автономии или компетенции других. <...> В то время как в Соединенных Штатах чувствительность к навязчивым советам отражает и подчеркивает значимость в этой культуре личной независимости, непрошенный назойливый совет на улицах Москвы отражает и

подчеркивает значимость в русской культуре коллективной ответственности в решении практических проблем [Chentsova-Dutton, Vaughn 2012: 690, 700].

- **Коммуникативная эмоциональность**

Об этом параметре коммуникативного стиля можно судить по стремлению к эмоциональной оценке, к гиперболизации выражения своих чувств, необходимости демонстрации эмоций в общении, искренности коммуникативных эмоций, допустимости высокоэмоционального разговора, возможности эмоциональной реакции на реплику собеседника [Прохоров, Стернин 2006: 244–245]. Наиболее яркими показателями коммуникативной эмоциональности как компонента вербального коммуникативного стиля в первую очередь выступают «частота использования эмоциональных языковых средств в общении» и «стремление к вербальной оценке ситуаций и лиц, доле позитивных оценок в разговоре, степени категоричности высказываемых оценок, допустимости негативных оценок в разговоре» [там же: 244, 263–264].

Как показывают сопоставительные данные, коммуникативная эмоциональность русских резко отличается от того, что наблюдается в американском, английском и немецком общении: так, русские обычно вербализуют как положительные, так и отрицательные эмоции, реакции и оценки, а американцы и англичане в значительно большей степени склонны словесно выражать позитивные, часто гиперболизированные эмоции, оценки, реакции на речь собеседника. Доля коммуникативной эмоциональности в немецком коммуникативном стиле невелика, но и там нормативным является выражение положительных эмоций и оценок [Прохоров, Стернин 2006: 243–271].

По наблюдениям О. Леонтович, внешне американское общение кажется не менее экспрессивным, чем русское, однако «аме-

риканцы более открыты в выражении собственных мнений, русские – эмоций» [Леонтович 2005: 191].

Сопоставляя русский и французский стили общения, исследователи пишут о том, что в русском общении эмоциональный способ ведения диалога «часто носит характер шутливой перебранки, препирательств, вплоть до грубо-разговорных форм»:

Такой способ ведения разговора является частью так называемой «инвективной стратегии поведения», которая демонстрирует пониженную знаковую коммуникативность: коммуникативные проявления здесь часто выступают отражением эмоционально-биологических реакций <...>. Французский стереотип поведения предполагает довольно жесткий контроль над эмоциями. Для него более важно *не столько выразить чувства, сколько их продемонстрировать* [Седых 2002: 20].

Авторы работ о коммуникативном поведении славянских народов также отмечают своеобразные проявления их коммуникативной эмоциональности по сравнению с русской. Так, в распоряжении сербов, которые проявляют большую открытость и доброжелательность в общении, чем русские, имеется даже особая коммуникативная разновидность высказываний, позволяющая говорящему выразить свои эмоции восхищения, удивления и подобные. У такого типа предложений восклицательность является основной, а не добавочной функцией [Маслова 2004: 55].

В свою очередь, словацкий коммуникативный стиль, по мнению исследователей, отличается меньшей эмоциональностью и большей сдержанностью, чем сербский и русский стили общения, в связи с чем иностранцам, в том числе русским, нелегко распознать реакцию собеседника-словака, его эмоцию в связи с услышанным:

Общей «умеренности» и «ровности» словаков соответствует и их речь, которая россиянам кажется очень монотонной, поскольку, в отличие от русского языка, мелодика словацкого языка действитель-

но намного более однообразная. <...> сами словаки считают себя людьми темпераментными. И действительно, если познакомиться с ними ближе, то по прошествии определенного времени становится ясно, что на самом деле они в целом довольно эмоциональны, но словно бы делают вид, что такими не являются [Правда 2004: 27].

В сущности, нельзя не согласиться с О. Леонтович, по мнению которой специфика русского межличностного общения состоит не только «в способности русского человека к установлению смысловой и тематической связки с собеседником в процессе коммуникации, но и в силе возникающего при этом коммуникативного сцепления, ядром которого становится эмоциональный контакт» (выделено мной – А.Л.) [Леонтович 2005: 158].

- Лексические показатели дистанции общения

Приемлемая дистанция между участниками общения в контактных и дистантных культурах проявляется по-разному не только на физическом, но и на лексическом уровне. В. Гак называет это «психологической проксемикой – психологической дистанцией между говорящими», демонстрируя различия в национальной психологической проксемике на примере оформления просьбы в русском и французском языках: «Если сравнить русскую формулу просьбы *Скажите, пожалуйста, где находится библиотека* с употребительной французской *Je cherche la bibliothèque* (букв. ‘Я ищу библиотеку’), то можно увидеть, что говорящий по-русски прямым обращением к слушающему в большей степени вовлекает его в решение своей проблемы, в то время как французская фраза, лишённая прямого обращения, формально ориентирована на говорящего и не затрагивает слушающего» [Гак 1999: 80].

Отличия русского вербального стиля от английского проявляются, например, в распространённости формы повелительного наклонения в первом и строгих ограничениях его употребления

во втором. Английские лингвисты предупреждают, что употребление императива представляет собой одновременно способ воздействия на адресата и помещение его на более низкую статусную позицию по сравнению с говорящим. По этой причине в побудительных речевых актах английские коммуниканты часто используют прием формального «вывода адресата из дискурса», например, принято говорить: *Could I have a cup of coffee* вместо *Could you bring me a cup of coffee* (официанту), использовать пассивные конструкции вместо активных: *Your car has to be moved* вместо *You have to move your car* (автоинспектор – водителю) и под. [об этом: Стернин, Ларина, Стернина 2003: 87–88; подробнее см. Ларина 2009].

Русская этнолингвокультура отличается от американской более широким и разнообразным репертуаром средств начального этапа речевого контакта (способов обращения, вводных и модальных слов и под.), но меньшей разработанностью речевых жанров типа «Приветствие», «Прощание», «Small Talk» и т.д., связанных с реализацией коммуникативной категории вежливости [Привалова 2007].

Характеризуя русское и немецкое восприятие пространственных параметров общения, И. Бойкова констатирует, что русское личное пространство, или Я-пространство, имеет зыбкие границы, легко сливающиеся с другими личными пространствами, немецкое же личное пространство дистанцировано и жестко отграничено от Я-пространства других. Выбор адекватных языковых средств позволяет реализовать несовпадающие психологические установки носителей русского и немецкого языков, что видно, например, из следующих примеров:

В немецком языке для говорящего предусмотрена возможность обозначать границу между собой и окружающим пространством, что чуждо русскому языку. Это проявляется в том, что русское на-

речие места *здесь* имеет в немецком языке два соответствия: *hier* и *da*. Произнося *hier*, говорящий считает себя частью ближайшего пространства, произнося *da*, исключает себя из этого пространства. *Sind alle da?* (*Все здесь?*) – спрашивает учитель в начале урока, отделяя себя от учеников, которые находятся рядом с ним. *Das ist mein Zimmer. Ich wohne hier* (*Вот моя комната. Я здесь живу*) – говорит человек, помещая себя в пространство комнаты. *Hier Müller* (буквально: *здесь Мюллер*) – отвечает тот, кому позвонили, представляясь по имени и представляя свое личное пространство. *Hier bringe ich Herrn Lang, meinen Kollegen aus Berlin* (буквально: *Здесь я привел господина Ланга, моего коллегу из Берлина*) – формула вежливого представления нового человека своим знакомым. Видимо, вежливость состоит в том, что говорящий с помощью наречия *hier* помещает новичка в свое личное пространство и тем самым выражает свою близость к нему [Бойкова 2002: 100, 109–110].

Обобщение анализа отмеченных исследователями различий в коммуникативных действиях представителей различных этнокультур приводит нас к выводу о прямой корреляции между национальной спецификой коммуникативного стиля и физической и психологической дистанцией общения – приемлемой и воспринимаемой представителями той или иной коммуникативной культуры как нормальной и комфортная. Именно учет дистанции общения лежит в основе национально специфических комплексов стилевых особенностей коммуникативного поведения представителей разных культур.

На этом основании к упоминавшимся выше определениям национального коммуникативного стиля как социального феномена представляется целесообразным добавить следующее: *национальный коммуникативный стиль* – это реализуемые в общении просемические установки конкретного этнокультурного сообщества.

Что касается русского коммуникативного стиля, а следовательно – проксемических взаимоотношений, отвечающих привычным для русского коммуникативного сознания «условиям игры», по нашему мнению, на вербальном уровне о таких взаимоотношениях с наибольшей очевидностью свидетельствуют следующие черты русского общения:

- возможность вербального воздействия на адресата общения с целью вовлечения его в эмоциональную сферу говорящего и использование для этого интенсифицирующих языковых средств;
- возможность выбора номинации участника и/или адресата общения из числа единиц родственного кода как показателей близкого интерперсонального контакта;
- оценочное варьирование обозначений самого процесса общения – говорения – средствами русского языка, в том числе единицами, отражающими общую тенденцию к сленгизации русской речи;
- тенденции языкового оформления публичного (в частности, городского) пространства как коммуникативной среды с этнокультурной спецификой.

Дальнейшее описание вербальных манифестаций выделенных нами стилеобразующих черт русской коммуникативной культуры производится с учетом реальной коммуникативной практики, словарных толкований и примеров современного использования анализируемой лексики в русском общении, извлеченных из национального корпуса русского языка, разговорных конструкций из современных художественных текстов и медийных источников.

Уважаемые коллеги!

15-17 апреля <...> пройдут финальные игры «Кубка Воробьёвых гор» по интеллектуальным играм среди школьников. <...> Приглашаем всех желающих, волею судеб попадающих в Москву в эти дни, на наши интеллектуальные **посиделки**. <...> **На предмет пообщаться** выберите время либо до игры, либо после, и хорошо бы согласовать его заранее. <...>

Ждём.

Честно-честно! :)

(«Google group» [groups.google.com/forum/]¹⁶)

§3. Интенсификация высказывания как проявление русского коммуникативного стиля¹⁷

Интенсивность – одна из активно дискутируемых категорий современной науки о языке, что можно объяснить повышенным вниманием лингвистов к проявлениям речевых интенций говорящего, а также качествами самих текстов, в последние годы в особенности – медиатекстов, все большей их экспрессивности, ориентации на устно-разговорную стилистику [см., напр. Шаховский 2011; Язык средств массовой информации 2008]. Категория интенсивности в филологических исследованиях понимается неоднозначно: как одно из средств усиления воздействующей силы языковой единицы [Шейгал 1981: 8], как ситуативно обусловленная яркость слова [Шаховский 2012], как мера количества

¹⁶ Здесь и далее примеры из Интернета (высказывания в социальных сетях, сообществах, на форумах, комментарии к публикациям) снабжены соответствующими пиктограммами и выделены цветом.

¹⁷ В разделе использованы материалы статей [Лихачева 2012а; 2012б; 2012с].

экспрессивности [Туранский 1990: 21]. В свою очередь, экспрессивность является составной частью более широкой категории выразительности, которая определяется «как совокупность таких качеств речи, которые обеспечивают ее полноценное восприятие адресатом, т.е. восприятие, максимально приближенное к адекватному интенции автора пониманию и переживанию передаваемой информации» [Сковородников, Копнина 2008: 521]. Экспрессивность есть совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, благодаря которым она выступает в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [ЛЭС: 591], и эти признаки языковой или речевой единицы обнаруживаются, в частности, через категории эмоциональности, оценочности, образности и интенсивности [Сковородников, Копнина 2008: 521].

При всей сложности терминологических взаимоотношений между сопряженными категориями эмоциональности, экспрессивности, выразительности – с одной стороны, и интенсивности – с другой, хочется согласиться с мнением Е. Шейгал [1981: 6], согласно которому категория интенсивности есть частное проявление категории количества, а также с точкой зрения И. Туранского [1990: 7], утверждающего, что «с позиций исследователя текста интенсивность есть мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности (разрядка моя – А.Л.), сигнализирующая градуальность».

Понятие «интенсификатор» представляется удобной метаязыковой единицей, позволяющей без дополнительных теоретических уточнений анализировать экспрессивно заряженный текст. В связи с этим важно отметить, что формально интенсивность может обеспечиваться теми же языковыми средствами, что и экспрессивность, поэтому к интенсификаторам может быть отнесена экспрессивная

лексика, имеющая различную частеречную принадлежность (*чрезвычайно, верзила, мчаться*), отдельные аффиксы (*глуп-оват-ый, глуп-еньк-ий*), инверсный порядок слов (*не станет он извиняться*), просодические компоненты речи (напр., *феномен* – иронически о человеке; намеренно искаженные *средства, документ*; экспрессивный интонационный рисунок фразы), а также многочисленные служебные эмфатические, или усилительные слова (*даже, ведь, же* и под.). В качестве интенсифицирующих средств в русском общении широко используются и прецедентные тексты, усилительные фразеологизмы, элементы языковой игры. По мнению Т. Николаевой, с их помощью создается дополнительная семантическая строка в высказывании, выражается согласие или протест, осуществляется проверка малознакомого собеседника на «нашесть», а кроме того, может происходить мультипликация явления, укрупнение факта или события для того, чтобы он был отмечен, или валоризован, в коммуникации [Николаева 2000: 112–131].

Типичные проявления категории интенсивности хорошо заметны в текстах интервью, максимально близких к реальной речевой практике. Рассмотрим два таких текста, представляющих собой беседы с филологом-русистом и современным российским писателем, и проанализируем несколько фрагментов их развернутых ответов на вопросы корреспондентов.

- В первом интервью корреспондента Газеты.Ru с директором Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета профессором Максимом Кронгаузом речь идет о будущем русского языка и его статусе на Украине [Тащилин 2012]:

<...> ни на Украине, ни в России сегодня невозможно оценивать закон просто как закон. Непременнo нужно понимать его политический контекст. И если мы попробуем взглянуть на этот закон

объективно, то закон неплохой, для многих людей нужный. **Именно** поэтому поначалу я не понимал резко отрицательной реакции со стороны милых интеллигентных людей, для которых русский является родным языком. **Тем более** что **никаких** содержательных объяснений они не давали. <...> Так что как русист я, **конечно**, радею за русский язык, но считаю, что высказываться в этой ситуации лингвисту – **тем более** из России – не стоит. Любое высказывание извне будет расценено как политическое давление. А я бы хотел делать **исключительно** лингвистические высказывания. <...> Для меня **лично** русский язык в школе был одним из **самых** нелюбимых предметов, **тем не менее** я стал лингвистом и специалистом **именно** по русскому языку. Произошло это **точно** не благодаря школе – но и не вопреки, а как бы параллельно. Традиционный курс русского языка **ни в коей мере** не направлен на то, чтобы учить детей русскому языку. <...> С текстами **ведь** в школе почти не работают. <...> учитель русского языка, как и все остальные учителя, занят натаскиванием ученика на экзамен. И тут **уж не до** любви к русскому языку. <...> В общем, «русский язык» и «русский язык как школьный предмет» существуют **абсолютно** независимо. Есть люди косноязычные, есть люди красноречивые, но это не связано со школьным обучением, это талант, семья, общение с друзьями. Процесс **же** учебы сегодня превращается не в образование, а в борьбу за лучшее место под солнцем. <...> Язык Толстого и Достоевского для их современников тоже не был безупречен, поскольку не был освящен традицией. Но гений **на то** и гений, чтобы осваивать современность – и **даже** опережать ее. Такие же отношения у него и с языком. Он чувствует его тенденции и развивает их. И то, что сейчас кажется неправильным или **слишком** смелым, впоследствии становится нормой и **даже** традицией.

Уже заголовок «Пушкин **сам** использовал сленг», представляющий собой цитату из текста интервью, включает интенсифицирующий элемент: согласно современным словарям, местоименное

прилагательное **сам** «подчеркивает, что речь идет о данном лице или предмете; именно он и никто другой, именно оно и ничто другое» [БТС]. Поскольку чистую идею интенсификации реализуют русские частицы и другая незнаменательная лексика усилительного характера, обратим внимание именно на эту лексику. В тексте присутствует повторяющаяся частица **ни**, которая в значении союза употребляется «при перечислительных отношениях, усиливая при этом отрицание» [БТС]; частица **ведь** служит «усилению основного содержания всего высказывания (предположения, утверждения, вопроса и т.п.) или выделения, подчеркивания отдельного слова» [БТС], «служит для усиления выразительности», а в качестве союза «указывает на причину, основание предшествующего утверждения» [СО: 65]; частица **же** употребляется «для подчеркивания, усиления смысла сказанного (при сопоставлении, противопоставлении)» [БТС], а также «для смыслового выделения, подчеркивания значения слова, к которому она находится в постпозиции» [Касаткина 2004: 71]; частица **даже** употребляется «для выделения и усиления слова или словосочетания, к которому относится» [Ефремова 2004: 154]; частица **уж** «усиливает значение местоимений и наречий, с которыми связана по смыслу» [там же]; частица **тем не менее**, которая употребляется «при противопоставлении чего-л. предшествующему высказыванию, соответствуя по значению сл.: все же, все-таки» [Ефремова 2004: 631].

В тексте присутствуют выделительные частицы **исключительно**, **именно**, **тем более**, первая из которых употребляется «при ограничительном выделении из множества, соответствуя по значению сл.: единственно, только» [Ефремова 2004: 225], вторая – «при подчеркивании какого-л. слова, при указании на него, соответствуя по значению сл.: как раз» [там же: 220]; третья – «для выделения или усиления важности последующей части высказыва-

ния, соответствуя по значению сл.: в особенности, подавно» [там же: 631]. Здесь же видим и союз **тем более что**, который «употр. при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения (содержащей дополнительный и существенный довод), соответствуя по значению сл.: тем более» [там же], а в данном тексте «существенность довода» подчеркивается не только самим союзом, но и парцелляцией высказывания.

В качестве индикаторов интенсивности выступают также сочетание разговорного предикатива **не до (того)**, говорящего «об отсутствии времени, возможности заниматься чем-л., думать о чем-л.» [Ефремова 2004: 340], с усилительной частицей **уж** в позиции, употребляемой «при подтверждении чего-л. в начале реплики, соответствуя по значению сл.: право же, в самом деле, действительно» [там же: 659]; разговорная частица **конечно**, употребленная в качестве вводного слова, «соответствующего по значению сл.: без сомнения, само собой разумеется» [там же: 248].

В экспрессивной тональности текста участвуют разговорная конструкция **на то и**; категоричный предикатив **невозможно**; наречия-интенсификаторы **непрерменно, лично, точно, ни в коей мере, абсолютно, слишком**; местоименные прилагательные **самый** (*один из самых нелюбимых предметов*) как компонент превосходной степени вместе с последующим отрицанием и **никакой** (*никаких объяснений*), которые выражают полное отрицание.

- Еще более концентрированную интенсивность высказываний демонстрирует портретное интервью с писателем Захаром Прилепиным «Мы последние в очереди на покаяние», опубликованное в «Российской газете» [Шабаева 2010]. Рассмотрим фрагменты рассказа Прилепина о себе, о своем отношении к другим писателям и читателям, а также к России:

<...> **никакого** Прилепина-поэта нет.

<...> Я **совершенно** искренне убежден, что Высоцкий, **конечно, никакой не великий** поэт – и **сам** он это **очень хорошо** понимал. <...> **Малоумное, безоглядное** почитание и возвеличивание Высоцкого-поэта привело – в числе прочего – к тому, что у нас сейчас на поэтических полках в магазинах продается **какая-нибудь джигурда**, а **прекрасные** поэты **годами** не могут издать своих книг. <...> **Да их и не читает никто.** Люди вместо поэзии с **куда** большим удовольствием **потребляют «надрыв»** и прочее «актерство». <...> Дольский всегда казался мне **чуть** по-иному близким, чем Высоцкий, и его музыку я слушал **куда** чаще. Причем, быть может, это **даже** не связано с масштабом дара. <...> **А** Высоцкий... он **гениальная** личность, **гениальный** человек, – он **огромный**, он **очень** честный, **очень** родной многим. <...> У Высоцкого собственно поэтический дар **очень** умеренный – но он его **«накрутил»** за счет своей **жуткой** и **страшной** биографии, за счет **громокипящей** энергии своей. Я **более** всего люблю несколько его поздних песен <...>. Это **невыносимо хорошо**, **абсолютная** песенная классика – **безоговорочно** признаю это. Но **вообще сам** высокий **надрыв**, его **явное** шестидесятиничество – это не всегда лично со мной совпадало.

<...> В нынешнюю деревню нужно **вбахивать огромные** деньги, в чем **же еще** может быть надежда на выздоровление. Там должно вводиться **отличное** жилье, и должны быть **высоченные** зарплаты. И сотни тысяч **сбегут** из городов туда. Но нам **же** не нужна деревня – **зачем** она? Мясо и зерно мы покупаем за границей, это дешевле обходится. Так что **никакого** подъема при таком подходе **ждать не приходится.**

<...> Испытываю к своей земле **самые** теплые, **такие** **немного** стыдные **даже, очень** сентиментальные чувства. **Ничего подобно-**го за пределами моей страны не испытываю почему-то. <...> Она **очень** похожая **ведь**, Россия – от Смоленска до Владивостока **очень** много похожего. Европа на **куда** меньших расстояниях **отличается** **разительнее.**

<...> я могу позволить себе **такую** степень открытости, что кому-то она покажется неприличной. Мне все равно, что **там** кому кажется.

<...> Любовь народная, если таковая есть **хоть в малой степени**, мне дорога. <...> У меня нет **никаких** иных орудий для познания и описания мира, кроме моей честности. <...> А какие чувства я **пробуждаю лирой** – **добрые** или нет, я не знаю. Наверное, иногда **не самые добрые**...

В этом тексте обращает на себя внимание значительное количество оценочных, категорично-констатирующих единиц, нередко с количественными коннотациями, напр.: **малоумный, гениальный, жуткий, безоговорочно, абсолютная, вбахивать, высоченные** и пр. На повышение меры экспрессивности работают и фразеологизированные сочетания **ждать не приходится, ничего подобного, хоть в малой степени**, оксюморон **невыносимо хорошо** и пр.; наречия-квантификаторы **совершенно** (убежден), означающее «в полной мере» [Ефремова 2004: 599], и **чуть** (поиному) со значением «совсем немного, слегка, в незначительной степени» [БТС]; инверсный порядок слов (*Да их*) **и не читает никто; Ничего подобного** (*за пределами моей страны*) **не испытываю почему-то**; качественно-обстоятельственным **еще (же)** со значением «кроме того, в придачу, вдобавок» [Ефремова 2004: 186]; существительное **годами** в значении наречия, называющего период времени в несколько лет [БТС]; местоименные прилагательные – разговорные **никакой (не поэт)** в значении «совсем не, вовсе не» [БТС] и **какая-нибудь** (*джигурда*) – «не стоящий внимания, незначительный, ничтожный» [БТС] (при этом все выражение, включающее фамилию реального артиста, представляет собой фоностилистическую тавтологию-апелляцию к разговорному *ерунда* и разговорно-сниженному *белиберда*); **такие** (*немного*

стыдные) – «выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки» [БТС] и т.п. В финальных фразах цитируемого фрагмента видим отсылку к прецедентному тексту – стихотворению А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», что усиливает экспрессивную тональность интервью.

Не менее важную роль в интенсификации этого текста играет незнаменательная лексика: уже упоминавшиеся выше частицы *сам, даже, же, ведь*, а также *только*, которая выражает «ограничение, соответствуя по значению сл.: не более чем, не ранее чем, всего лишь. Употр. при ограничительном выделении из множества, соответствуя по значению сл.: исключительно, единственно» [Ефремова 2004: 638]; наречие *вообще* – синоним *совсем, совершенно* «употребляется в значении выделяющей и противопоставляющей частицы» [СО]; *хоть* используется для усиления того слова или синтагмы, к которым относится, и «означает ‘по крайней мере, пусть даже’» [БТС]; союз *а* «в начале реплики или при внезапном переходе от одной мысли, темы к другой употребляется для усиления выразительности» [БТС]; разговорно-сниженная частица *куда* «в сочетании с прилагательным или наречием в сравнительной степени означает ‘значительно, несравненно, гораздо’» [БТС; Ефремова 2004: 259]. В этом тексте есть и частотная в русском общении частица *там*, которая употребляется обычно при местоименных словах для придания оттенка несущественности, пренебрежения; эта частица указывает, что «то, о чем сообщается, далеко от интересов говорящего и слушающего. То, что очерчивается пространством и вокруг слушающего, видно из примеров типа «Что ты делал? – Да там кое-что написал». Там должно показать слушающему, что больше этим интересоваться не нужно» [Овчинникова 2009: 19].

М Ну вот только не надо говорить, что я бездельничаю... Нет, ну вот почему, когда я показываю свои корявки (фото, которые не назовешь высокохудожественными), то некоторые (не стану показывать пальцем) обвиняют меня в безделии? <...> Я люблю фотографировать и **мою песню трудно задушить**, вернее, невозможно.

(«Страна Мам» [stranamam.ru])

Как видим, адекватное понимание русского текста и восприятие его тональности невозможны без обращения к имплицитным смыслам, передаваемым русской служебной усилительной лексикой, выделяющей важную в смысловом отношении часть высказывания, выполняющей в предложении экспрессивную функцию и передающей определенное отношение говорящего к сообщаемому или к адресату речи.

Остановимся на роли незнаменательной лексики в интенсификации высказываний подробнее. По словам авторов монографии «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания» [1998: 9]¹⁸, своеобразие плана содержания незнаменательной лексики «часто интерпретируются как отсутствие у этих единиц собственного лексического значения <...> Ср. характерные словарные комментарии *употребляется для усиления / выделения / подчеркивания* и т.п.». Вместе с тем, по мнению ученых, необходимо иметь в виду, во-первых, тот факт, что проведение границы между значением незнаменательного слова и значением контекста значительно более сложно, чем в случае конкретной лексики, во-вторых, может происходить усиление-ослабление зна-

¹⁸ Дискурсивными в монографии называются слова, которые, по мнению ее авторов, соотносимы с выделяемыми в русистике служебными/неполнозначными и модальными словами.

чимости тех или иных компонентов семантики этих единиц под влиянием факторов контекста [там же: 9, 11].

В другой коллективной монографии также говорится о том, что частицы обладают *скрытыми* значениями: «[Т]екст устной речи обычно получает аранжировку разными частицами <...>, которые могут существенно изменять семантику высказывания или его модальность», при этом сами частицы имеют «скрытую семантику» [Касаткина 2004: 71, 73]. Неявный характер информации, передаваемой усилительными частицами, акцентируется и в других работах. Так, Е. Борисова обращает внимание на взаимосвязь между функциями частицы и ее семантикой, которая в большинстве случаев обеспечивается общей для коммуникантов информацией. Высказывания, содержащие такие служебные слова, передают не только эксплицитное содержание, но и выводимые из факта сообщения импликации [Борисова 1999: 40–41].

При этом, не обладая однозначной «явной» семантикой, русские интенсифицирующие частицы способны передавать прагматически важные смыслы, что может быть частично «вычитано» из лексикографических комментариев к подобной лексике, а также более подробно описано в некоторых специальных работах [см. Овчинникова 2009; Николаева 2008, 1985; Левонтина 2004; Ефремова 2004; Володина 2003; Нагорный 2001; Борисова 1999 и др.]. Так, помимо смыслов, уже прокомментированных выше, частицами могут выражаться и многие другие смыслы, возникающие, как правило, в диалогах:

- удивление, изумление, недоверие или неудовлетворение, выражение иронического несогласия, отрицания – обычно в ответной реплике (*неужели*) – ср.: – *Это Игорь Николаевич?* – *опять спросил мужской голос.* – *Ну неужели непонятно, что я не Игорь Николаевич?* – *раздраженно спросила Ирина* (В. Токарева);

- возражение, противопоставление предыдущему, усиление значения высказываемого, подчеркивание скрытого противопоставления (*все-таки, ведь*), ср.: – **Все-таки** они не могли их съесть за одно утро? (о пропавших щенках, которых могли забрать бомжи – А.Л.). Так **ведь**? Не могли **ведь**? – громко спрашивала из-за двери Марысенька (З. Прилепин);
- удивление или другие эмоции относительно предмета речи (*вот*); ср. – Тинктура экс витро антимонии, – провозгласил вдруг голос. – **Вот** ведь бред какой! – сказал голос... (А. и Б. Стругацкие);
- сомнение, недоумение или недоверие; в риторическом вопросе и восклицании – уверенность в противоположном ответе (*разве*), ср.: *Ведь что-то было между ними. А если было, то **разве** существенно – плохое или хорошее?* (С. Довлатов);
- осуждение, упрек, ирония, резкое несогласие с кем-либо, отрицательное отношение к чему-либо или к кому-либо (*еще*), ср.: *Сын сам выбрал, сам пусть живет. А то **еще** разведутся* (В. Токарева);
- негодование, возмущение, зависть, насмешка, ирония, восхищение (*ишь*), ср.: – *Что-о?* – возмутилась она. – **Ишь** ты как заговорил! (В. Аксенов); *Все вместе это было не отработанными приемами кокетки, а женской музыкой тела, требующего внимания и восхищения. Немолодой тридцатилетний милиционер Чурилин — тряс головой ей вслед и бормотал: – **Ишь** ты... ммм... И непонятно было, что в этом мычании — отвращение или восторг* (Л. Улицкая);
- предпочтительность, желание, надежда на что-либо, соответствующие по значению словам *лучше бы, хорошо бы, пусть бы*, ср.: *Иногда Маруся уговаривала его: – **Хоть бы** ты напился!* – Дима отвечал Марусе: – *Пьянство – это добровольное без-*

умие. – *Маруся не успокаивалась: – Хоть бы ты меня приревновал!* (С. Довлатов) и т.д.

Следует также отметить, что в русском общении частицы легко объединяются в кластеры, образуя фразеологизированные коммуникативные комплексы: *Как же!*; *Ну вот!*; *Ну вот еще!*; *А то?*; *А то и...*; *Ну уж!*; *Ну уж и...*; *Ну же!*; *Ну и?*; *Вот же!*; *Вот ведь!*; *Вот еще!*; *Так уж и...?*; *Только вот...*; *Раз уж...* и т.п. [об этом: Николаева 1985: 10, 15].

Да и вообще оставили бы эту Думу в покое – **пусть** работает и дальше, зачем **же** каждый раз переизбирать?

(Из обсуждения статьи о российских выборах в «Фейсбуке» [facebook.com])

Безусловно, восприятие конкретных оттенков дополнительных смыслов, передаваемых русской служебной лексикой, зависит от конкретных условий коммуникации [Борисова 1999: 38–42], но в целом относительно использования интенсификаторов в речи можно заметить, что ими в первую очередь обеспечивается вовлечение адресата в эмоциональную сферу адресанта, который стремится добиться от собеседника восприятия, аналогичного субъективному отношению говорящего к тому, о чем идет речь. Ср. со словами И. Туранского: «[И]нтенсификаторы выполняют функцию своего рода датчиков напряжения: они сигнализируют прагматический пик высказывания, высвечивают коммуникативно наиболее весомые элементы. Благодаря интенсифицирующим конструкциям высказывание характеризуется повышенной экспрессивностью и этим привлекает к себе внимание адресата» [Туранский 1990: 125]. Исследователь также говорит о том, что выбор средств интенсификации высказывания и их

плотность в тексте есть показатель речевого темперамента говорящего [там же: 26, 134]. Вместе с тем, количественные характеристики экспрессивности имеют не только индивидуальные особенности, они специфичны в разных лингвокультурных сообществах и, соответственно, в национальных коммуникативных культурах, и, даже если экспрессивный лексический арсенал в разных языках соизмерим, в них может не совпадать частотность употребления отдельных слов-интенсификаторов, а кроме того, может различаться степень насыщенности текста такими элементами, их соответствие или несоответствие национальному коммуникативному стилю как «доминирующей манере общения, проявляющейся в большинстве коммуникативных ситуаций» [Стернин, Стернина, Ларина 2003, 166]. По мнению исследователей русского коммуникативного поведения,

[В] процессе общения русский человек ощущает себя частью коллектива, он уверен в том, что его проблемы и желания интересуют собеседников и найдут в них отклик. При таком типе взаимоотношений категоричность, императивность не являются угрозой или помехой гармоничным отношениям и не нарушают принципов вежливости, характерных для русского коммуникативного поведения [там же: 171].

Для русской доминирующей манеры общения – об этом уже говорилось в предыдущих разделах – свойственна сокращенная психологическая проксемика между говорящими, представление о возможности вторжения внутрь личной сферы индивида, отсюда – коммуникативное давление, регулятивность, стремление к вербальной оценке ситуаций и лиц, категоричность высказываемых оценок, коммуникативное доверие и высокая эмоциональность общения. В русской коммуникативной культуре интенсифицирующие языковые средства связаны с активной апелляцией к

пониманию собеседника, с экспрессивным отношением к разнообразным фактам действительности или к собеседнику, с претензией, упреком, уличением собеседника в чем-то забытом, неприятном и т.п. Такие параметры коммуникативного стиля в западных коммуникативных культурах проявляются значительно слабее, чем в русской: в них не принято активное распространение на собеседника эмоционального состояния говорящего [см. Вахтель 2000; Прохоров, Стернин 2006; Стернин, Стернина, Ларина 2003; Турунен 2000; Шилихина 2000 и др.]¹⁹.

Не случайно в иноязычной аудитории часто так сложно объяснить не только конкретный смысл русских экспрессивных выражений, но и саму целесообразность их использования в той или иной ситуации. Однако, по утверждению Т. Николаевой, «лишенная частиц речь воспринимается как излишне сухая, невежливая, поскольку в ней нет контакта, связи, отношения, вовлечения со-

¹⁹ Вероятно, поэтому, например, в целом ряде случаев трудно подобрать прямые английские эквиваленты многим русским эмфатическим средствам. Так, согласно двуязычным словарям, перевод частицы *ведь* на английский требует не прямых вариантов: *why, after all, you know: ведь это всем известно, why everyone knows that! Он ведь ребенок, after all, he is only a child; isn't that so? Ведь он дома? He is home, isn't he?* [Katzner]. Смысл, выражаемый русским *же*, в английской речи передается, как правило, более резкими по тональности конструкциями: *Когда же вы будете готовы? – When will you be ready at last?, Говорите же! – Come on, speak!* [ABBYY Lingvo]; *Вам лучше слушаться его, он же ваш отец – You had better obey him – after all, he is your father; (when all is said and done) же, ведь: After all, she is your sister! – Она же твоя сестра; Ведь она твоя сестра* [Katzner]. Частица *там*, «обыкн. не переводится; *Всякие там глупости говорят – He is talking all sorts / kinds of nonsense; Кого из писателей вы знаете? – Ну, там Пушкина... – What writers do you know? – Well, there's Pushkin ...* [ABBYY Lingvo] и т.д.

Интересно отметить, что Р. Лакофф в работе "Language in Context" (1972) сопоставляет ситуации употребления немецких и древнегреческих частиц (именно эти языки, кроме русского и других славянских, по мнению исследователей, являются «языками частиц») с ситуациями употребления японских систем вежливости (honorifics) и английских модальных глаголов (*should, may, must*) [об этом: Николаева 1985: 13–14].

беседника в сферу общего знания, даже взаимопонимания» [Николаева 1985: 13]. По мнению В. Плунгяна, использующего термин «дискурсивные слова», их роль в общении велика в тех языках и культурах, в которых важен суггестивный компонент в общении и где есть установка на постоянное межличностное взаимодействие:

Вот русское предложение: «Ты ведь туда уже ходил» — попробуй перевести его на какой-то другой язык или объяснить иностранцу, что оно значит. Если очень грубо, то получится: «Ты знаешь, и я знаю, что ты туда ходил, но, наверное, ты об этом забыл, и я хочу тебе напомнить об этом, при этом я удивляюсь, потому что я считаю, что ты об этом должен бы был помнить». В этом слове (этимологически, кстати, связанном с древним глаголом «ведать») помещается очень сложное и очень эмоциональное значение — напоминание говорящего адресату, что тот должен извлечь из своей памяти нечто очевидное, но при этом потерянное. И у слова «ну» тоже очень сложный комплекс значений. Оно возникает, как правило, в начале реплики и свидетельствует о том, что говорящий раздумывает, не знает точно, что ответить, и пытается выиграть время, чтобы выбрать то, что кажется ему оптимальным. Это такое слово-взвешивание, слово-выжидание. Дискурсивные слова отражают то, как говорящий работает над текстом, что он думает: трудно ему или легко, как он воспринимает адресата, много или мало, по его мнению, знает адресат, раздражает он говорящего или, наоборот, нравится ему. И многое другое. Эти слова, так сказать, помечают разные этапы создания текста. Например: «Слушай меня внимательно, сейчас будет самое важное» — в этом значении мы часто употребляем единицу «так вот». Или, например: «А сейчас я делаю отступление, это менее важно, имейте в виду, но скоро я вернусь к важному». Этот смысл может скрываться за коротким «кстати». Кроме того, дискурсивные слова часто выражают разное отношение к адресату. Хорошо ли я знаю его, близко ли он мне знаком. Не всякому человеку в речи скажешь то же «ведь», или «вот», или, скажем, «-ка» (как в «сделай-ка») — эта частица тоже дискурсивное

слово, которое свидетельствует об особом отношении между говорящим и адресатом, скорее всего, об их близком знакомстве или неформальных отношениях [Плунгян 2013].

Можно, вслед за Т. Николаевой, говорить о парадоксе, связанном с описанием частиц – в особенности, с описанием межъязыковым. По ее словам, частицы передают максимум коммуникативного (в отличие от номинативного) содержания высказывания. Ими обозначается соотношение элементов текста, отношение говорящего к ситуации и общему с адресатом (адресатами) фонду знаний. «Таким образом, это слова максимально ответственные за удачу (*happy conditions*) общения. И при этом именно эти слова, или словечки, обладают <...> значениями неясными и неопределенными <...> практически непереводаемыми» [Николаева 1985: 14].

Трудности передачи языковых единиц одного языка средствами другого могут рассматриваться с помощью теории лакун, т.е. «пробелов, *«белых пятен»* на семантической карте языка, текста или культуры, являющихся способами существования национального сознания» [Марковина, Сорокин 2008: 4]. Лакуны представляют собой лингвокультурологический феномен, выявляющийся в процессе сопоставления языков и культур. В частности, выделяются национально-психологические лакуны, возникающие в результате несовпадения национально-психологических типов участников коммуникации; эти лакуны, в свою очередь, делятся на характерологические и культурно-эмотивные. Специфика характерологических лакун обусловлена национальным характером народа, но они относительны и фиксируют наиболее заметные черты нации, слабее выраженные у других народов. Например, пунктуальность – относительная характерологическая лакуна для испанцев и латиноамериканцев, в то время как по отношению к немцам и голландцам пунктуальность стереотипно отмечается как

их важнейшая национальная черта [там же: 45–46]. Особенности культурно-эмотивных лакун проявляются в национальном темпераменте. Так, например, англичане считаются уравновешенными и несколько флегматичными, французы – легко возбудимыми и чувствительными, американцы – живыми и динамичными, немцы – педантичными и строго регламентирующими свои чувства; по сравнению с европейцами носители восточных культур более сдержанны в проявлении чувств, их этикет общения не разрешает маркировать эмоции отрицательным знаком [там же: 48].

С особенностями национального темперамента связано и эмфатическое напряжение речи, а пробелы в интенсифицирующем речевом арсенале могут, соответственно, быть обусловлены культурно-эмотивными лакунами и вызывать трудности у носителей другого языка и культуры. Так, переводчики отмечают, что от образа мышления народа, его национального темперамента и типичной эмоциональности речи зависят ее ритм, скорость, количество пауз, а также «напряженность» высказывания, уровень которой обозначается в тексте знаками препинания. Например, несоответствие между эмфатическими характеристиками прямой речи и ремарками к ней, знаками препинания и их расстановкой, обнаруживаемое в художественных текстах, написанных на английском языке, и их переводами на русский и болгарский языки, свидетельствует о том, что «англосаксы восклицают тише, удивляются, волнуются, возмущаются, ликуют спокойнее славян» (о работе переводчика С. Флорина «Ремарка – пунктуация – темперамент» (1975) – в [Марковина, Сорокин 2008: 48–49])²⁰.

---

²⁰ Ср. с мнением русскоязычного писателя Александра Гениса, много лет живущего в США, об отличиях русской пунктуации от английской: «Чтобы воссоздать наш диалог, нужна оргия знаков препинания. <...> Все знаки, кроме точки, <...> – условны, недостаточны и произвольны. Они – отчаянная попытка писателя хоть как-то освоить нашу интонацию, безмерно щедрую на оттенки. Не так в английском...» [Генис 2013].

Таким образом, состав интенсифицирующих слов и их популярность или непопулярность в общении обусловлены различиями в коммуникативных установках носителей разных языков, в их национально-психологических особенностях. Это обстоятельство является чрезвычайно важным в контексте формирования коммуникативной компетенции инофонов. Предъявление им экспрессивной лексики целесообразно производить с опорой на данные исследований по русскому коммуникативному поведению и сквозь призму национальных коммуникативных норм и предпочтений, тем более что, по мнению исследователей, именно в усилении или смягчении коммуникативного намерения говорящего наиболее ярко проявляется этнокультурная специфика общения (А. Поспелова, 2001 – об этом [Карасик 2007: 368]).

§4. Идея родства в русской коммуникативной культуре²¹

Лексические единицы, называющие родственные отношения людей, занимают в русском общении заметное место. В подобной лексике фиксируется многовековая социальная практика народа, а в синхронном плане – актуальная система генетических (*родители – дети*), гендерных (*брат – сестра*), возрастных (*внук – дед*), юридических (*муж – жена*) и др. статусов индивидов, поддерживаемая социальной структурой конкретного, в данном случае – русского общества. По мнению исследователей, русская система обозначений *родства* количественно превосходит многие другие языки: так, в русском языке последовательно разграничиваются названия родственников мужского и женского пола

---

²¹ В разделе использованы материалы статей [Лихачева 2012d; 2011].

(напр., русск. *внук*, *внучка* соответствует турецк. *torun*; русск. *двоюродный брат* и *двоюродная сестра* по-английски передаются одним обозначением *cousin*; русск. парная номинация *дедушка* и *бабушка* имеет одночленные соответствия в литовском – *seneliai*, английском – *grandparents*); существуют специальные названия некоторых далеких и непрямых родственников (напр., русск. *правнук* – по-турецки *torun ođlu*; русск. *троюродный брат* переводится описательной немецкой конструкцией *Vetter zweiten Grades*); в русском языке различаются отношения непрямой родственной связи в зависимости от пола лица соотнесения (напр., русск. *свекор* – ‘отец мужа’, *тесть* – ‘отец жены’, оба варианта соответствуют англ. *father-in-law*, нем. *Schwiegervater*; русск. *деверь* – ‘брат мужа’ и *шурин* – ‘брат жены’ передаются в обоих случаях по-английски как *brother-in-law*, по-немецки – как *Schwager* и т. д.) [ср. Юдина 2001].

В научной литературе хорошо описана этимология лексики родства (Ф. Филин, О. Трубачев и др.). В исследованиях отмечается также то, что некоторые из существующих в русской языковой картине мира лексических единиц, называющих родственников, могут становиться номинациями и незнакомых лиц [Владимирова 2015; Качинская 2011; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002; Арутюнова 1999; Кронгауз 1999]. Однако, при определенном интересе ученых к лексике родства, единый набор этих терминов пока не установлен [Юдина 2001]. Кроме того, еще полвека назад было отмечено, что основные семантические особенности терминов кровного и некровного родства (свойства) должны учитываться и при толковании этих терминов в словарях [Моисеев 1963: 132], но до сих пор не существует лексикографического издания, в котором лексика, называющая людей по родственным отношениям, была бы описана с учетом как прямых, прототипических значений входящих в нее единиц, так и их вторичных, производных значений, с указанием условий реализации тех и других в коммуникации, а сами вторичные

значения родственных номинаций изучены явно недостаточно [Качинская 2011; Толстая 2009]. В то же время уточнение набора таких единиц, их анализ и описание как единиц языка и коммуникации актуальны не только в лексикографическом плане, но и как объект лингвокультурологии, психосоциологии языка, коммуникативистики, лингводидактики.

В этом разделе описываются системные признаки русских лексических единиц, именующих людей по их родственным связям, и использование этих единиц в русском общении. Отдельное внимание уделяется обращению, которое занимает центральное место в «системе социально заданных и национально специфических правил речевого поведения, регулирующих выбор кода при вступлении в контакт с собеседником и поддержании общения» [Формановская 2000: 85]. Лексикографические толкования именованных родства отобраны из специализированного толкового «Словаря русского речевого этикета» А. Балакая (далее [СРРЭ]) и общих толковых словарей – малого академического толкового «Словаря русского языка» под ред. А. Евгеньевой (далее [МАС]) и «Русского семантического словаря» под ред. Н. Шведовой (далее [РСС]). Некоторые значения терминов родства, которые могут быть неочевидны для представителей других коммуникативных культур, иллюстрируются примерами их употребления из названных словарей, исследования «Языковое существование современного горожанина» (далее [Китайгородская, Розанова 2010]) и национального корпуса русского языка (далее [НКРЯ]).

Родством называются «отношения между родителями и детьми, между предками и потомками и между людьми, имеющими общих родителей или общих предков. Различают родство по прямой линии (родители и дети, предки и потомки) и по боковой линии (братья и сестры, дядья, тетки и племянники), а также родство по нисходя-

щей и восходящей линиям (например, правнук, внук, сын, отец, дед, прадед и наоборот: прадед, дед и т.д.)» [Моисеев 1963: 120]²².

В русской культурной традиции имеется также понятие *свойство* (*жена, муж, золовка, зять, шурин, тёща, сноха, свояк* и пр.) для обозначения «родства не по крови, а по браку (отношения между супругом и кровными родственниками другого супруга, а также между родственниками супругов)» [МАС IV: 56]. Однако в настоящее время наблюдается вытеснение из сознания носителей русского языка обозначений свойства и в результате – метонимический перенос терминов кровного родства на свойственников как смежную группу родственников [Качинская 2011: 189]. Часто для обозначения свойства используются конструкции, включающие термин кровного родства, напр.: *брат мужа* вместо *деверь*, *сестра жены* вместо *свояченица* и т.п., а в функции обращения к свойственнику может выступать собственно термин родства по отношению, ср.:

МАМА, ПАПА. *Прост. и обл.*²³ «Вежл. обращ. к свекрови / свёкру или тёще / тестю» [СРРЭ: 252, 344];

ДОЧКА, СЫНОК. *Прост.* «Ласковое обращ. к снохе / к зятю» [СРРЭ: 152, 515].

Общая особенность лексики родства связана с ее онтологической относительностью: в ней закреплен тип номинации, показывающей родственную связанность данного лица с другим: «[Л]ицо, названное тем или другим термином родства, является

²² Родство (англ. *kinship*) в других языках может определяться и шире, как связь не только генетическая, кровная (англ. *blood relations*), но и так называемая юридическая – возникающая в результате создания семьи (англ. *affines*) [Braun 1988: 9].

²³ Лексика, имеющая в словарях в качестве основной помету *Обл.* (областное), в этой работе не рассматривается. Также не приводятся устаревшие значения терминов родства, напр. *мамочка* как обращение к мужчине.

таковым не вообще, не в абсолютном смысле, а только по отношению к каким-либо другим, в каждом конкретном случае вполне определенным лицам. <...> В силу относительности значения терминов родства одно и то же реальное лицо может быть названо по-разному – и *отцом* и *сыном*, и *дедом* и *внуком*» [Моисеев 1963: 122].

Именно эта лексика хорошо демонстрирует вариативность способов обозначения человека в разных ситуативных условиях: «*Мальчик* – демографическое обозначение, *сын* – относительное, но во фразе *Это ваш мальчик?*, обращенной к какой-то женщине, *мальчик* становится синонимом слова *сын* и, следовательно, относительной номинацией, что подчеркивается посессивом» [Гак 1999: 75].

Существенно также то, что при обозначении родства наблюдается встречная относительность, или соотносительность, поскольку такие номинативные единицы фиксируют обязательное взаимное родство. Этой особенностью значения лексики родства обуславливается и ее подача в словарях – через другой или другие термины родства или свойства, ср.:

СЫН. «Лицо мужского пола по отношению к своим родителям» [МАС IV: 325];

СЕСТРА. «Каждая из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей» [МАС IV: 84];

ЗЯТЬ. «Муж дочери, а также муж сестры или золовки» [РСС: 182];

ПАДЧЕРИЦА. «Дочь одного из супругов по отношению к другому, для нее неродному» [РСС: 183] и т.п.²⁴

²⁴ Специфику относительности значения лексики родства по сравнению с иными лексическими единицами относительной семантики подчеркивает и наличие в русском языке специальной конструкции с дательным падежом типа *Он мне брат* или *Она сестра моему отцу* [Моисеев 1963: 123–124]. Среди других слов с относительным значением не все могут появляться в подобной конструкции, ср.: *Он мне друг*, при невозможности **Он мне пациент / врач / учитель / ученик*.

Характерной чертой русской лексики родства является наличие у части единиц этой группы не только относительного, но и безотносительного, или абсолютного значения, ср.:

БАБУШКА. «Мать отца или матери. – Разг. Старая женщина, старуха» [МАС 1: 54]; *Какой там порядок в госпитале, который охраняет бабушка-пенсионерка и пропускает всех, кроме корреспондентов?!* [НКРЯ];

ДЕД /ДЕДУШКА. «Отец отца или матери. – Разг. Старый человек, старик» [МАС 1: 376]; *И она увидела в зеркале, что заходит такой дедушка с седенькой бородкой, в котелке, значит, в сапогах, поскрипывающая, проходит дальше в зал* [НКРЯ];

ДЯДЯ. «Брат отца или матери; Муж тётки. – Разг. Взрослый мужчина...» [МАС 1: 460]; *Ну, мне нужно узнать, когда там один дядя работает, чтобы к нему потом сходить* [НКРЯ];

ТЁТЯ / ТЁТКА. «Сестра отца или матери. – Прост. Взрослая женщина...» [МАС IV: 362–363]; *Позвала меня, как мне казалось, довольно пожилая тётя доктор* [НКРЯ].

Перечисленные обозначения родства и их дериваты (напр., *бабка, бабулька, дяденька, тётечка*) обладают устойчивой безотносительной семантикой, не случайно в «Русском семантическом словаре» лексические единицы *бабушка, дед/дедушка, дядя, тётя/тётка* приведены в двух разделах, называющих лиц по отношениям родства, свойства, породнения [РСС: 179–186] и по полу, а также по полу и возрасту [там же: 325–329].

Можно говорить и о безотносительной семантике некоторых шуточных обращений, имеющих хождение в молодежной среде, напр.:

ДЕД. *Прост.* «Шутл. мужск. (преимущ. молодежн.) обращ. к приятелю. То же, что Старик, а также Старина, Старичок. *Ко дню моего приезда Стасик был изнурен недельным запоем. Он выпросил у*

меня рубль и коричневые перфорированные сандалии. Затем рассказал драматическую историю: “Дед, я чуть не разбогател” (С. Довлатов)» [СРРЭ: 132, 501–502];

МАТЬ. Разг. «Шутл. молодежн. обращ. к девушке-подруге. Танюха уже не раз на работе подталкивала локтем Маню, шептала, что Трегубов опять на нее пялится, и удивлялась бесчувственности подруги. – Да ты ай каменная, мать? – простодушно спрашивала она (П. Проскурин)» [СРРЭ: 256].

При рассмотрении обозначений человека с помощью терминов родства актуальна дифференциация их референциальных свойств и способности выступать в качестве обращения, и это касается всех языков [Braun 1988].

Если выделить десять узуально устойчивых, традиционных русских семейных терминов родства в их основных формах *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, внучка, бабушка, дедушка*, мы увидим, что не все именованья родства, уместные в повествовании, могут использоваться также в режиме обращения. В словарях в качестве наиболее стандартных форм обращения выделяются следующие:

МАТЬ → *мама*. «Самое распространенное и употребительное обращение сына или дочери к матери», а также *Мамочка, Мамуля* (*разг. ласк.*) [СРРЭ: 251, 254–255];

ОТЕЦ → *папа*. «Широкоупотребительное вежл. обращение детей к своему отцу», а также *Папочка, Папуля* (*разг. ласк.*) [СРРЭ: 343, 346];

СЫН → *сын*, *сын*, *сыночек* (*разг. ласк.*) [СРРЭ: 514–515];

ДОЧЬ → *доченька* (*ласк.*), *Дочка* (*разг. ласк.*), *Дочурка* (*разг. уменьш.-ласк.*) [СРРЭ: 151–153];

БРАТ → *Братец* (*разг.*), *Братик* (*разг. ласк.*), *Братишка* (*разг. уменьш.-ласк.*) [СРРЭ: 63–67];

СЕСТРА → Сестренка (*разг. уменьш.-ласк.*), Сестричка (*разг. ласк.*) [СРРЭ: 467–468];

ВНУК → Внучек, Внучок (*ласк.*) [СРРЭ: 83]²⁵;

Оставшиеся три обозначения кровного родства при обращении обычно употребляются в исходной форме:

ВНУЧКА. «Обращение к внучке», а также Внученька, Внучечка (*уменьш.-ласк.*) [СРРЭ: 83];

БАБУШКА. «Обращение внуков к бабушке»; а также Бабуля, Бабуня, Бабуся и т.п. (*ласк.*) [СРРЭ: 29];

ДЕДУШКА. *Разг.* «Вежл. обращение внуков к деду», а также Дед. *Разг.* «Обращение внуков к деду» [СРРЭ: 132–133].

В русском семейном общении использование вокативных форм *мать, отец, брат, сестра, сын, дочь* может быть уместно лишь в возвышенно-эмоциональной речи либо сигнализировать о конфликте, напр.:

МАТЬ. *Разг.* «Обращение взрослого сына к матери. Малоупотребительное, граничит с невежливостью. Употр. обычно в серьезном разговоре, нередко с оттенком отстранения, или в эмоциональной речи в конфликтной ситуации. *Не дождавись от него ответа, Дарья взмолилась: Может, хоть деда с бабкой твоих перенесли бы..., а, Павел? <...> – Сейчас не до того, мать, – ответил Павел. – И так замотался – вздохнуть некогда. Посвободней будет, перевезем* (В. Распутин)» [СРРЭ: 256];

БРАТ. «Малоупотр. обращение к брату. Употр. преимущ. в препозиции в возвышенно-эмоциональной речи или в ситуации конфлик-

²⁵ Ср.: “The English KT (kinship term – *А.Л.*) *grandson* is a common form of reference, but will hardly be used as a form of address (the usual nominal variant for addressing a grandson would be first name)” – «Английский термин родства *внук* является обычной референциальной формой, но едва ли может быть использован в качестве формы обращения (привычным именуемым вариантом при обращении к внуку было бы использование его имени)» [Braun 1988: 11].

та, отчуждения. – *Брат, сядь! – проговорил Алеши в испуге, – сядь, ради Бога, на диван. Ты в бреду, приляг на подушку, вот так* (Ф. Достоевский)» [СРРЭ: 63].

Возможно и не прямое употребление терминов родства в общении супругов, ср.:

ОТЕЦ, МАТЬ. *Прост.* «Обращение жены к мужу / мужа к жене (обычно, когда в семье уже есть дети). – *Выросли девчоночки... – вздохнула Катерина. – Давно ли в школу бегали? Вот и наша Танюшка скоро невеста будет. Ну спи, отец, спи <...> Катерина провела ладонью по жесткой щеке Ивана Африкановича. Но он уже спал, и она слышала, как сильно и ровно билось мужнино успокоившееся сердце* (В. Белов)» [СРРЭ: 333, 256];

ДЕД, БАБКА. *Прост.* «Шутл. обращ. жены к мужу / мужа к жене (обычно, когда в семье уже есть внуки). – *Иди, дед, топн баню, ребята скоро приедут; – А что, бабка? Ужинать мы сегодня будем?*» [СРРЭ: 132, 28].

Такое употребление терминов родства может быть названо фиктивным (*a fictive use*), и в это понятие входит также распространение названий родства на неродственников и несвойственников [Braun 1988: 9].

Для русского бытового общения очень характерна практика обращения с помощью терминов родства не по отношению к реальной родне, напр.:

БАТЯ. *Прост.* «Ласк., уважит. или фамильярн. обращ. юноши, мужчины к старшему по возрасту. *Папка прервал словоохотливого старика: – Ладно, батя, я тороплюсь. – Давай, давай. – Старик опять зевнул* (В. Шукшин)» [СРРЭ: 33];

ВНУЧЕК, ВНУЧОК, ВНУЧКА. *Прост.* «Ласковое или шутливое обращение пожилых людей к мальчику, молодому человеку»; «Ласковое обращение пожилого человека к девочке или девушке» [СРРЭ: 83]; *Тут дверцы «Оки» распахнулись и на свет божий выглянули два старика. <...> – Садись, внучка* (Д. Донцова);

ДЕД. *Прост.* «Фамильярн. обращ. (на “ты”) к пожилому человеку: – Ты чем тут занимаешься, дед? – спросил старика летчик (К. Паустовский)» [СРРЭ: 132];

ДЕДУШКА. *Разг.* «Вежл. или ласк. обращ. значительно младшего по возрасту к старику» [СРРЭ: 133]; – *А может, вам помочь перейти через обвал? А, дедушка?* [НКРЯ].

Русский язык позволяет образовать диминутивные и ласкательные формы практически от любого из терминов близкого или дальнего родства (*тётушка, зятёк, невестушка* и пр.), и они имеют большое распространение в межличностном общении, причем не только в собственно семейном кругу (ср. *сестрёнка* в приведенном выше значении, а также *сынрок, доченька* и т.п.). Такими возможностями располагают не все языки. Например, в английском подобные формы, ориентированные в первую очередь на обращение, выделяются лишь для четырех терминов родства: *Mum, Mummy* ‘мама, мамочка’, *Dad, Daddy* ‘папа, папочка’, *Granny* ‘бабуля’, *Auntie* ‘тетушка’, в остальных случаях используются полные формы или имена собственные [Вежицкая 1996: 103–104].

Исследователи русской языковой картины мира говорят о характерной для славянских языков метафоре кровного родства: «[Д]аже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в квази-родственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим *дядей*, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002].

Поэтому с терминологической точки зрения в подобных случаях точнее говорить не об абсолютной, а о контаминированной относительно-абсолютной семантике лексики родства. Контаминированное значение можно усмотреть и в номинациях

брат и сестра, когда они называют лиц по совпадению во взглядах, верованиях и т.п. [РСС: 192–193], ср.:

БРАТ. «Человек, близкий другому (другим) по духу, по деятельности, по интересам. По положению, а также вообще близкий. <...> Ваш (наш) брат (разг.) – ты, вы (я, мы), как и все тебе, вам (мне, нам) подобные (обычно о мужчинах). *Наш брат солдат ко всему привычен*» [РСС: 191];

СЕСТРА. «Единомышленница, товарищ в каком-н. общем деле (высок.), а также женщина, имеющая общие, близкие с кем-н. интересы, общее положение. *Сестра по несчастью*. Ваша (наша, их) сестра (разг.) – ты, вы (я, мы), как и все тебе, вам (мне, нам) подобные женщины. *Наша сестра* (т.е. мы или вообще все женщины) *сумеет за себя постоять*» [РСС: 192].

Это Жизнь **Брат** ('Это жизнь, брат')

В чем сила, **сестра**?

(Названия групп в социальной сети «Одноклассники» [ok.ru] и на сайте электронной газеты для молодых матерей [mamochek.net])

По мнению социолингвистов, в принятых в данной культуре и данном обществе формах обращений особенно заметно социологически обусловленное функционирование языка. Если с собственно лингвистической точки зрения не существенно, какую форму обращения выбирает говорящий (напр., *господин Петров* или *Витя, ты* или *вы*), то с точки зрения социологии здесь проявляется огромное различие в обозначении статусов общающихся [ср. Chambers 2011: 9]. «Статусный признак (признак социального статуса человека) устанавливается в значении слов, употребляемых в функции обращения и выражающих соотносительную по-

зицию человека в социальной иерархии. Этот класс слов может быть назван социальными вокативами» [Карасик 2002: 196].

Предполагаемый социальный статус адресата – более высокий или более низкий по сравнению с говорящим – может обуславливать форму обращения с помощью термина родства в непрямом значении. В русских словарных толкованиях это находит отражение в лексикографических пометах и особенно заметно при соположении демографически тождественных номинаций, например, *бабушка – бабка, дедушка – дед, отец – папаша, мать – мамаша*, ср.:

БАБУШКА. *Разг.* «Вежл. обрац. младшего по возрасту к старушке (здесь и далее выделено мной – А.Л.). *Старушка подошла к приказчику и протянула ему картонку, зашитую в прорехах суровыми нитками. – Не надо, бабушка, так отпустим, – заявил приказчик (А. Платонов)*» [СРПЭ: 30];

БАБКА. *Прост.* «Фамильярн.-сниск. или пренебрежит. обрац. высшего по положению к незнакомой или малознакомой пожилой, бедно одетой женщине, старухе. *После них пришла на бревна бабка Евстоля со внуком. Она долго и мудро глядела на синее небо, на зеленое поле, покачивала ребеночка и напевала... – Здорово, бабка! – вдруг услышала она наигранно панибратский голос <...> Я, бабка, из газеты (В. Белов)*» [СРПЭ: 28];

МАМАША, ПАПАША. *Прост., фамильярн.* «Обращение к незнакомому/-ой пожилому/-ой небогато одетому/-й мужчине/женщине, значительно старшему/-ей по возрасту, равному/-ой или низшему/-ей по положению» [СРПЭ: 345, 253]; – *А вам, папаша, нужно получше воспитывать ваших детей и внуков* [НКРЯ].

Характерно, что использование «фиктивной» родственной номинации в русском общении обычно сопровождается естественным для близких людей обращением на «ты» и/или неформальной интонацией, ср.:

МАТЬ, ОТЕЦ. *Прост.* «Доброжелат. или фамильярн. / Приветливо-фамильярное обращ. младшего по возрасту к пожилому незнакомому мужчине / к незнакомой женщине, равному/-ой или низшему/-ей по положению» [СРРЭ: 334, 256]; – *Мать, это служебный вагон. Двигай, двигай, двигай* [НКРЯ]; (*Пожилой мужчина А., увидев подходящий автобус, обращается к молодому человеку Б.*) *А. Я на этом до рынка доеду? – Б. Доедешь-доедешь, отец. Садись...* [Китайгородская, Розанова 2010: 309];

БАБУЛЯ. «Обращ. значительно младших по возрасту к старушке. (Может иметь различные оттенки: ласк., приветл., шутл.-снисх., фамильярн. в зависимости от содержания разговора, социального положения адресанта и адресата, уровня их культуры и образования» [СРРЭ: 29]; (*В овощном магазине*). *Ж. (женщина – А.Л.) Взвесьте мне, пожалста, кило яблок. – П. (продавщица – А.Л.) Каких, бабуля? – Ж. Да вон тех, самых румяных...* [Китайгородская, Розанова 2010: 341].

При всей распространенности таких обращений, вне реального родственного круга они могут восприниматься негативно, напр.:

ОТЕЦ. (*Конфликт между пожилым мужчиной С. и более молодым М., обратившимся к нему на «ты»*) *М. Проходи, отец. – С. Не тычь! – М. А ты проходи вперед. – С. (сердито) Не тычь, я те сказал, молодой еще тыкать* [Китайгородская, Розанова 2010: 87].

СЕСТРЁНКА. *Прост.* «Дружеское или фамильярное обращение нестарого мужчины к девушке, молодой женщине (обычно к незнакомой)» [РСС: 348]; – *Ну ты чего, сестрёнка? – Я тебе не сестрёнка <...>. Понял?* [НКРЯ].

Для понимания русского общения, в первую очередь, неформального, существенным оказывается тот факт, что «русский язык располагает особенно хорошо разработанной категоризацией отношений между людьми не только по сравнению с западноевро-

пейскими языками, но и по сравнению с другими славянскими языками», что говорит «об особом интересе, проявляемом в русской культуре к сфере отношений между людьми» [Вежбицкая 2001: 106]. Возможно, именно в связи с этим в современной русской коммуникативной практике не возникло альтернативы прежним, не имеющим возрастных ограничений нейтральным обращениям, вроде ушедших *сударь*, *сударыня*, или *товарищ* – «ключевого слова советского русского языка» [там же: 125]. Иными словами, недостает так называемых общих вокативов, являющихся знаком общения на социальной дистанции, зато часто используются специальные, к которым относится и лексика родства [ср. Карасик 2002: 196].

Закономерно возникает вопрос о синонимичности/несинонимичности и, соответственно, коммуникативной равноценности/неравноценности лексики родства в функции обращения и также широко распространенных демографических вокативов *женщина*, *мужчина*, *девушка*, *молодой человек*, напр.: – *Женщина, скажите, вот ваш Касперский-антивирус, на каком языке написан?*; – *Мужчина, вот вы подсказываете, вы что-то хотите спросить, может быть, вы выйти хотите?* [НКРЯ].

В «Русском семантическом словаре» в разделе «Обращения», (подраздел «Фамильярные, дружеские, ласковые обращения») зафиксировано лишь одно из данных слов:

ДЕВУШКА. «Обращение к молодой женщине; вообще упоминание о таком лице (разг.)» [РСС: 347].

«Словарь русского речевого этикета» приводит несколько уточненное толкование: *разг.* «обращение к незнакомой девушке, молодой женщине» [СРРЭ: 131]. В этом же словаре дается следующее парное в гендерном отношении определение:

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. «Вежл. или офиц. обращение значительно старшего по возрасту к незнакомому юноше, молодому мужчине» [СРРЭ: 284].

Кажется очевидным, что эти формы не обеспечивают возможности обращения более молодых людей к людям старшего возраста. Однако слова *женщина* и *мужчина*, будучи в номинативной функции нейтральными, в функции обращения имеют негативную социостилистическую окраску (см. развернутые комментарии к этим формам в [СРРЭ: 171–172, 288])²⁶, поэтому обращения

²⁶ О все большем отторжении таких обращений современным российским обществом говорят высказывания посетителей популярного интернет-сайта «Отличительные признаки российского человека»:

«ЯЗЫК НАШ ВЕЛИК И МОГУЧ, прекрасен и многоцветен, лучшее, что у нас есть, кто бы спорил. Только вот плохо с обращениями. В очередной раз думал об этом, стоя в буфете МДМ (Московский дом музыки – А.Л.). Буфетчик, ну или бармен, парень 20+, явно понаехавший, тверской или уральский, простоватый, с прической «под горшок», но не без наглватости во взоре, обращался к очереди так: *Мужчина, заказывайте! Женщина, говорите!* <...> Мужчины и женщины. Иных слов в скупом арсенале поильца, вероятно, не имелось. <...> Я бы предпочел, чтобы меня буфетчик просто спросил: *А вам что?* чем вот так – окликнуть по половому признаку. Понимаю, что от слов *сударь, господин, джентльмен* у парня вылезли бы гляделки на лоб. У нас сфера обслуживания смотрит на тебя сверху вниз, какой <...> господин? Всех господ в 17-м году... А меня бы стошнило от какого-нибудь *уважаемый* – ну не уважают они нас! Иностранцам вот проще – у них язык так не трясли и для подобных ситуаций есть *мистер, сэр, мсье и синьор*. А у нас даже *товарищ и гражданин*, хорошие в общем-то слова, выпали из обращения из-за идеологической окраски. Нам-то что делать?»;

«Мне еще было 18, когда начало тошнить от обращения – *девушка*, – ко мне ли, к продавщицам. Вспоминается мой дедушка – врач, дворянин, белый офицер с первой мировой... он к девушкам обращался: *барышня*, а к женщинам – *дама, или дамочка*... И это мне казалось тогда как-то старомодно. А как нормально – не слышала, не знаю. Все обращения незнакомых или obsługi коробят. А вот когда в других странах – не корбило. В Тайланде все окликали меня «*Леди!*», в Испании: «*Сеньора*» ... в Италии... во Франции... – все приятно ласкало слух, и даже сербское – «*Госпожа*»».

(«Фейсбук» [facebook.com/groups]).

девушка и молодой человек часто распространяются говорящими и на немолодых женщин и мужчин. Кроме того, эти формы не дифференцируют тональности общения между «чужими» и «своими» так же, как это способны делать специальные формы обращения из числа родственников. Не случайно обращения *брат, братец, отец, доченька, дедушка, бабуля* и т.п. «задают ожидаемое от адресата отношение к говорящему и часто предваряют просьбу» [Арутюнова 1999: 116]. Также отмечается, что в соответствии с привычными для русского общения покровительственно-фамильярными нотками в общении младшего поколения со стариками, в общественных местах люди старшего поколения, зеркально отражая эту ситуацию в своих целях, часто «говорят о себе в третьем лице: “Да пропустите бабу-то...”, “Дайте деду-то пройти...”» [Прохоров, Стернин 2006: 194]. Ср. также: (*Пожилая женщина А. обращается к проходящей мимо женщине средних лет Ж.*). *А. Подайте бабушке! Подайте бабушке! – Ж. (подает мелочь). – А. Спасибо, девчоночка, миленькая!* [Китайгородская, Розанова 2010: 400].

Использование терминов родства в подобных случаях потенциально распространяет на коммуникативную ситуацию модель семьи, а отношениям между ее участниками приписываются соответствующие «семейные» признаки [см. Кронгауз 1999: 132]. Эта особенность русской коммуникации может удивлять представителей других культур, особенно западных, где человек «мыслит себя отдельно от всех» [Карасик 2002: 199]. Показателен в этом отношении рассказ Д. Лихачева о французской переводчице его книг, хорошо владевшей русским языком, но не знакомой с особенностями общения у русских, относительно которого ей потребовались объяснения:

«Я на улице спросила одну пожилую женщину, как найти нужную мне улицу, а она сказала мне “доченька”. <...> Значит, она хотела

сказать, что я могла бы быть ее дочерью? Но разве она не заметила, что я иностранка?» Я рассмеялся: «Конечно же, она заметила. Но она именно потому и назвала вас доченькой, что вы иностранка, чужая в этом городе – вы же ее спросили, как пройти куда-то <...> Пожилая женщина, называя вас доченькой, не хотела непременно сказать, что вы ее дочь. Она называла вас так потому, что у вас есть мать или была мать. И именно этим она вас приласкала» [Лихачев 2014].²⁷

Можно сказать, что в русском общении родственный код включается в тех ситуациях, когда он, в соответствии с нормами бытовой, повседневной коммуникативной культуры, привычен и уместен, а участники общения, даже при их реальных статусных различиях, воспринимаются как «свои»²⁸.

---

²⁷ Ср. также: «В Великобритании отсутствуют номинативные формулы обращения, подобные русским *девушка, молодой человек, женщина, дама, мужчина*, которые в России имеют широкое употребление. *Девочки, кто еще без билетика, пожалуйста* (кондуктор в автобусе – пассажирам среднего возраста), *Мужчина, передайте за проезд* (в транспорте), *Девушка, скажите, что я за вами* (в магазине). В отличие от русской коммуникативной культуры, где термины родства типа *сын, дочка, тетя, дядя, бабушка, дедушка* часто употребляются в адрес посторонних, в основном людьми пожилого возраста и детьми: *Дочка, тебе что?* (буфетчица – студентке), *Сынок, не подвинешься?* (пожилая женщина – молодому человеку в автобусе), *Дядя, сколько времени?* (ребенок на улице – взрослому мужчине), в Великобритании эти термины, как правило, не используются вне семейной сферы коммуникации» [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 46].

²⁸ Непрямое, неканонизированное и не адекватное ожиданиям коммуникантов обращение с помощью терминов родства вне бытовых обстоятельств может иметь сильнейший психологический эффект. Американская антрополог Нэнси Рис (Nancy Ries), автор книги о русской речевой повседневности времен перестройки (“Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika”, 1997), обращает внимание на употребление лексики родства в политической речи в качестве возможного манипулятивного инструмента: «Когда, например, М.С. Горбачев в своих обращениях к советскому обществу прибегал к терминам родства, делал ли он это сознательно, используя приемы советской пропаганды для внушения людям родственного единения <...>, или просто говорил так, как принято говорить по-русски (разрядка моя – А.Л.)? Такая образность была нужна ему, чтобы подогреть в слушателях чувство близости друг к другу или же чтобы его самого воспринима-

Типичность и частотность использования лексики родства в русском общении делает знакомство с ее особенностями важным для инофонов, тем более что в разных культурах с подобными языковыми единицами могут быть связаны совершенно различные национальные представления. Например, как пишет С. Тер-Минасова,

[Р]усское слово БАБУШКА и английское GRANDMOTHER – вообще термины (термины родства), обозначающие мать родителей. Однако что общего русская бабушка имеет с английской grandmother? Это совершенно разные образы, они по-разному выглядят, различно одеваются, у них совершенно разные функции в семье, разное поведение, разный образ жизни. <...> Русская бабушка, как правило, занята в новом статусе еще больше, чем раньше: она растит внуков, ведет хозяйство, дает родителям возможность работать, зарабатывать деньги. Англоязычная grandmother уходит на «заслуженный отдых»: путешествует, ярко одевается, старается наверстать упущенное в плане развлечений, приятного времяпрепровождения [Тер-Минасова 2000: 58].

ли как главу советского «общества-семьи»? Употребление подобных тропов было просто данью общепринятой метафорике русской речи, или же они специально применялись для смягчения бунтарских настроений диссидентствующих российских политиков и националистов в союзных республиках?» [Рис 2005: 59].

Можно предположить, что Горбачев следовал прецеденту: имеется в виду известная военная речь Сталина, в которой было использовано, помимо прочих, обращение *Братья и сестры!*. М. Кронгауз полагает, что таким способом был обеспечено необычайно сильное прагматическое воздействие: «Возникает эффект не официального, а почти кровного единства власти и народа и, более того, равенства перед общей бедой. Эффект усиливается еще и тем, что слова *братья* и *сестры* произносит не просто руководитель государства, а «отец народов» и вообще «отец родной». Интересно отметить, что среди опрошенных сейчас (в 1995 г.) слушателей речи И.В. Сталина многие помнят только это обращение, а не саму речь или другие упомянутые в ней обращения. <...> Возможность такого нарушения в русском общении (необычное переключение регистра и сокращение дистанции) предоставляет большие возможности психологического воздействия на адресата» [Кронгауз 1999: 131–132].

В русском сознании существуют даже некоторые стереотипы относительно того, как выглядят люди, о которых можно сказать *по улице шла пожилая женщина*, или *шла бабушка/бабка/бабулька/тётка*, или *шел мужчина/дядька/дед и т.п.*, и к которым, следовательно, можно обратиться так или иначе.

Вообще несовпадения в понятийном содержании формально эквивалентных слов разных языков находят свое непосредственное отражение в соответствующих коммуникативных культурах, в частности, в выборе самой тональности общения: культурно-обусловленном «эмоционально-стилевом формате общения, возникающем в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющем их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2009: 304].

Завершая разбор лексики родства и ее участия в оформлении русского вербального коммуникативного стиля, следует обратить внимание на то, что обращения с помощью терминов родства при- сущи в основном городскому просторечию, чаще всего они указывают на близкое общение в теплой приветливой тональности (ср. словарные пометы *уменьш.-ласкат.*; *ласк.*; *доброжелат.*), либо в фамильярной или дружески-фамильярной тональности (*фамильярн.*; *фамильярн.-сниск.*; *приветливо-фамильярное*; *шутл.*), в некоторых случаях указывают на соблюдение коммуникативной дистанции (*почтит.*; *вежл.*). Теплая тональность отмечается в обращениях друг к другу представителей разных поколений, фамильярная – в обращениях более молодых к старшим по возрасту, шутливая – во взаимных обращениях сверстников.

В отличие от общих вокативов, обращения с использованием единиц родственного кода квалифицируются как специальные и социальные. В русской коммуникативной культуре они регулируют коммуникативные рамки и маркируют ситуацию как общение

«своих», несмотря на реальные статусные различия участников общения, отраженные в некоторых формах обращения. Использование названий родства в «фиктивном» режиме актуально, пока в русской коммуникативной культуре актуальны существующие представления о приветливости, политкорректности, вежливости и социостилистической уместности использования этих номинаций (наряду с другими способами обозначения человека в речи) не только в повествовательном режиме, но и в режиме обращения. При использовании русской лексики родства в обращении к неродственникам единицы родственного кода приобретают контаминированную относительно-абсолютную семантику, выводя таким образом идею родства далеко за пределы семейного круга.

Выбор типов обозначений человека в каждом языке культурно обусловлен, и по их набору можно судить о «правилах общения и общежития лиц, пользующихся одним языком» [Гак 1999: 74]. Устойчивость русских номинаций родства в их непрямом употреблении свидетельствуют о том, что для русской коммуникативной культуры органичными и, возможно, стержневыми являются межличностные отношения, построенные по принципу родственных, – со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями. Причем отражение идеи родства даже без ее экспликации в виде родственных номинаций, по-видимому, можно усмотреть также в таких русских коммуникативных проявлениях [см. Прохоров, Стернин 2006: 181–227], как приоритетность неформального общения, отсутствие жесткой церемонии знакомства²⁹, оценочность об-

---

²⁹ Относительно русских обращений к незнакомым людям интересно мнение «со стороны». Вот что пишет по этому поводу бельгийская славистка Мартина фон Гауберген: «[С]амое трудное для французско-говорящих в обычаях общения у русских, это формы обращения. Обращаться к кому-нибудь, к кому приходится проявлять уважение, по имени и отчеству, совершенно необычно для французско-говорящих, не только из-за отсутствующего у них отчества, но из-за того, что они не решаются

щения, коммуникативный демократизм, возможность обратиться к незнакомому человеку с советом, замечанием, предупреждением, просьбой, регулятивностью, фамильярность, пренебрежение формальной вежливостью, близкая психологическая проксемика.

§5. *Говорение* в русском коммуникативном сознании и сленгизация речи

В русском языке насчитывается не менее полутора тысяч глаголов речи (для сравнения – в немецком – около 350, об этом [Храмова 1999]), но обозначения говорения так же, как и названия других действий и реалий, существенных для социального бытия человека, являются постоянным объектом народного творчества, что говорит о не удовлетворяемой общелитературной лексикой потребности в дополнительном экспрессивном означивании типа человеческих взаимоотношений, столь существенного для русских. По точному определению автора книги о русских разговорах Нэнси Рис³⁰, «говорение – во всех видах и формах – есть ключевая составляющая производства социальных парадигм и практики и воспроизводства того, что часто называют «русскостью»» [Рис 2005: 23].

Лексико-семантический класс глаголов говорения, или глаголов речи, описывается во многих работах по русистике, а также в исследованиях сопоставительного характера, в них же выделяются и разнообразные типы этих глаголов [Воронина 2007; Кирил-

---

обращаться в таких ситуациях прямо по имени. Но ещё более удивительно то, что на улице к незнакомым людям непонятно как обращаться, раз в русском отсутствуют такие удобные и всеобщие формы обращения, как *Monsieur / Madame*. Можно даже было бы предположить, что у русских этот момент «не-знакомства» как бы проходит мимоходом, в ожидании знакомства, и что поэтому не стоит в этом промежутке времени придумывать формы обращения» [Гауберген 2010].

³⁰ Подробнее о Н. Рис – см. сноску 28.

лова 2006; Баженова 2003; Язык о языке 2000; Храмова 1999; Васильев 1981 и др.]. Как правило, авторы сосредотачивают внимание на частных вопросах функционирования глаголов речи. Так, рассматривается гендерная маркированность некоторых глаголов говорения и их способность поддерживать или нарушать стереотипы восприятия мужского и женского поведения, в первую очередь – речевого [Баженова 2003]; описывается синтагматическая зависимость употребления определенных глаголов говорения в конструкциях с прямой речью [Ушакова 2005]; рассматриваются условия возникновения прагматического эффекта оценки у некоторых исходно безоценочных глаголов речи [Гловинская 2005]; описываются особенности голосовых характеристик при производстве речи [Кодзасов 2000; Крейдлин 2000] и т.п. В одной из работ, содержащей полное описание и классификацию глаголов речи, – книге Л. Васильева «Семантика русского глагола» [Васильев 1981], разделение глаголов речевой деятельности на множество подгрупп происходит с учетом компонентов речевой ситуации и разнообразных характеристик самого процесса речи – как устной, так и письменной. Однако переносные значения Л. Васильевым специально не комментируются, а широко распространенные в последние десятилетия сленговые слова и выражения, способные выступать в качестве номинаций говорения, не рассматриваются (еще и не могли рассматриваться). В 1999 году вышел и с тех пор дважды (в 2008 и 2009 г.) переиздавался «Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание», включающий раздел «Глаголы речевой деятельности». Но здесь представлена в первую очередь нейтральная лексика, а из стилистически маркированных единиц в словарь включены только те, «которые, на взгляд составителей, активно употребляются в живой речи и не имеют грубо-просторечной окраски» [ТСРГ: 19]. Сленговые лексемы в этом словаре не рассматриваются. Между тем, исследователи

отмечают, что сленг представляет собой «нестандартную подсистему лексики современного русского языка, которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социолингвистической ситуации – и в публичной речи). Существенно, что в числе прочих сленгом владеют (по крайней мере, пассивно) образованные носители русского литературного языка, и что он с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации, через которые и распространяется» (Е. Земская, Р. Розина, 1994 – об этом [Розина 2005]).

Кстати, в цитируемой книге Р. Розиной «Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге» [Розина 2005] описываются процессы, стимулирующие образование новых сленговых единиц, но внимание автора сосредоточено на глаголах движения и глаголах обладания, и обозначения говорения в ней также специально не рассматриваются.

Как уже отмечалось выше, любимым видом взаимодействия у русских является именно *разговор, беседа*, а, следовательно, соответствующий этому пристрастию пласт лексики должен постоянно пополняться, чтобы говорящие имели возможность вербализовать все нюансы устного речепроизводства. В настоящем разделе предлагается один из возможных вариантов анализа русских обозначений говорения, квалифицируемых как сленговые и методом сплошной выборки отобранных из следующих изданий: И. Юганов, Ф. Юганова, «Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90 годов)» 1997 года издания (далее [СРС]); О. Ермакова, Е. Земская, Р. Розина, «Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона», 1999 г. [ТСРОЖ]; Ф. Рожанский «Сленг хиппи», 1992 г. [СХ]; Т. Никитина, «Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым», 2003 г. [ТСМС]; «Словарь современного русского города» 2003 г. [ССРГ].

Относительно лексических единиц, зафиксированных в [ССРГ], требуется уточнение, в некотором смысле оппонирующее составителям «Толкового словаря русских глаголов». Как отмечает ответственный редактор «Словаря современного русского города» Б. Осипов, «в лексикографической практике стилистическая характеристика слова и характеристика его в плане сферы употребления нередко смешиваются» [ССРГ: 6]. В данном словаре эти пометы четко разграничены, напр.: *мести* – неодобр. – общеупотр. – ‘Болтать вздор, много говорить’, ‘Врать’ (*мести по бездорожью*) [там же: 283]. Соответственно, глагольные единицы из ССРГ отбирались для настоящего анализа в тех случаях, когда в словарной статье либо имелись традиционные для сленговых единиц функциональные (относящиеся к определенному социолекту) и/или стилистические пометы: «молод.», «фам.», «ирон.», «студ.» и т. п., либо глагольная единица не сопровождалась отсылкой ни к каким другим словарям. В анализе не использовалась диалектная лексика, глагольные единицы, зафиксированные толковыми словарями русского литературного языка, единицы тюремно-лагерного жаргона, а также «классическая» обценная и грубая просторечная лексика (исключенная из рассмотрения и составителями ТРРГ), которая не отражает креативности сознания носителей современного русского языка и не является общеупотребительной.

- Помчал. Меня всего **колбасит**.
- Что за слова ты говоришь? **Колбасит!**
- Мам, это по-русски. Здесь так говорят. (Диалог в грузинской семье, переехавшей в Санкт-Петербург).
- Папа, ну что ты меня все время **лечишь!** Я сама **доктор!**

(Из к/ф «Васильевский остров», 2009 г.)

В соответствии с различиями в выражаемых значениях сленговые номинации говорения (хотя и с достаточной степенью условности³¹) могут быть разбиты на 9 неравных в количественном отношении лексико-семантических групп³². По аналогии с типо-гиперонимическим принципом организации лексических групп вокруг глаголов-идентификаторов в [ТСРГ: 349–379], каждая из выделенных нами групп также названа именем глагола-идентификатора, или базового глагола, в толковании которого выражена типовая семантика входящих в данную группу номинаций говорения.

I. ОБМАНЫВАТЬ

ВЕШАТЬ ЛАПШУ (НА УШИ) – ‘Рассказывать небылицы, небескорыстно врать, формировать неадекватное восприятие действительности’ [СРС: 43];

ВКРУЧИВАТЬ (МОЗГИ, ШАРИКИ) – фам. – молод. – ‘Врать’ [ССРГ: 60];

ВТУЛЯТЬ – ‘Рассказывать небылицы, давать ложную информацию’ [ТСМС: 86];

ГНАТЬ – ‘Лгать, обманывать кого-л.; Рассказывать небылицы, длинные вымышленные истории’ [ТСМС: 108]. Также: ГНАТЬ КАРТИНУ (ГУСЕЙ, ПЛАСТИНКУ) – ирон. – молод. – ‘Врать, притворяться’ [ССРГ: 83]; ЗАГОНЯТЬ – ирон. – мо-

³¹ Часть приведенных сленговых единиц имеет разные толкования в разных словарях и потому в данной работе представлена в нескольких лексико-семантических группах (таковы, например, сленгизмы *гнать*, *грузить*). Некоторые единицы в силу семантической пересекаемости выделенных групп в принципе могли бы быть отнесены не к одной группе. Однако мотивацией для определения конкретной номинации говорения в ту или иную лексико-семантическую группу служили приоритеты в словарных семантизациях. Например, толкование выражения *кидать понты* – ‘Дурачиться. Обманывать, хитрить’ позволяет отнести его к номинациям с общим значением «Рассказывать что-либо неправдоподобное / шутить», а не к номинациям, передающим «чистую» идею обмана – «Обманывать».

³² В основе дальнейшего изложения материалы статьи [Лихачева 2009].

- лод. – ‘Врать’ [ССРГ: 133]; НАГНАТЬ – фам. – молод. – ‘Солгать, придумать’ [ССРГ: 307];
- ГРУЗИТЬ – ‘Лгать, обманывать кого-л.’ [ТСМС: 121]. Также: ЗАГРУЖАТЬ – ирон. – молод. – ‘Говорить неправду’ [ССРГ: 134];
- ЕЗДИТЬ ПО УШАМ – ‘Обманывать’ [ССРГ: 115];
- ЗАПУДРИТЬ – неодобр. – молод. – ‘Наврать’ [ССРГ: 153]. Также: ПУДРИТЬ МОЗГИ – ‘Лгать, вводить в заблуждение’ [ССРГ: 442];
- ЗВЕЗДЕТЬ – неодобр. – молод. – ‘Врать’ [ССРГ: 163];
- ЗВОНИТЬ – неодобр. – молод. – ‘Врать’ [ССРГ: 163];
- КАНИФОЛИТЬ – неодобр. – молод. – ‘Лгать, запутывать’ [ССРГ: 183];
- КИДАТЬ – фам. – молод. – ‘Обманывать’ [ССРГ: 195];
- ЛАЖАТЬ – фам. – молод. – ‘Врать. / Ругать’ [ССРГ: 245];
- ЛЕПИТЬ – негат. – ‘Врать, говорить глупости’ [СРС: 55]. Также: ЛЕПИТЬ ГОРБАТОГО – ‘Врать’ [ССРГ: 252];
- ЛЕЧИТЬ – неодобр. – ‘Обманывать’ [ТСМС: 310];
- МЕСТИ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ – ‘Врать’ [ССРГ: 283];
- НАКАЛЫВАТЬ – фам. – молод. – ‘Обманывать’ [ССРГ: 311];
- НАПАРИТЬ – фам. – прост. – ‘Обмануть’ [ССРГ: 318];
- НАТЯНУТЬ – фам. – молод. – ‘Обмануть’ [ССРГ: 324];
- ОБЛАМЫВАТЬ – неодобр. – молод. – ‘Обманывать’ [ССРГ: 341];
- ПЕТЬ – ирон. – прост. – ‘Обманывать’ [ССРГ: 390];
- ТОЛКНУТЬ ТЕЛЕГУ (НАТОЛКАТЬ ТЕЛЕГ) – неодобр. – ‘Обмануть, ввести в заблуждение кого-л.’ [ТСМС: 574].

газета

Теперь они **втуляют** пилу, что шум – это интересно, а тишина ведет к сумасшествию.

(Из ленты комментариев к статье о городских шумах [газета.ру])

II. РАССКАЗЫВАТЬ ЧТО-ЛИБО НЕПРАВДОПОДОБНОЕ / ШУТИТЬ

ГНАТЬ ТЕЛЕГУ – ‘Рассказывать что-л. интересное, забавное.

Врать’ [СРС: 58]. Также: ГНАТЬ ТЮЛЬКУ – ‘Рассказывать забавные, но не слишком содержательные истории, болтать попусту. Врать’ [СХ]; ГНАТЬ ТУФТУ – ‘Рассказать историю, сообщить что-либо (как правило, сомнительной достоверности или ценности)’ [СХ];

ЗАВИНЧИВАТЬ – фам. – молод. – ‘Рассказывать’ [ССРГ: 130];

КИДАТЬ ПОНТЫ – ‘Дурачиться. Обманывать, хитрить’ [ССРГ: 195];

ЛЕПИТЬ / МОЧИТЬ / ЗАМАЧИВАТЬ ГОРБУХИ – ‘Шутить, рассказывать интересные и смешные или неправдоподобные, нелепые истории; врать’ [СРС: 61];

НАЛЕЧИТЬ – шутил.-ирон. или неодобр. – ‘Рассказать много вымышленного кому-л., дезинформировать кого-л.’ [ТСМС: 369];

ПЛЕСТИ ТЕЛЕГИ – ‘Рассказывать какие-л. длинные, часто вымышленные истории’ [ТСМС: 573];

ПОДКАЛЫВАТЬ – фам. – молод. – ‘Иронизировать, подшучивать’ [ССРГ: 404];

СВИСТЕТЬ – неодобр. – ‘Болтать. Рассказывать небылицы, врать’ [СРС: 199];

ТЕКСТОВАТЬ – шутил. – ‘Рассказывать что-л. необычное или несуразное’ [ТСМС: 573];

ТРАВАНУТЬ – фам. – молод. – ‘Рассказать что-либо интересное’ [ССРГ: 495].

III. ГОВОРИТЬ НЕ К МЕСТУ

ВОЗНИКАТЬ – шутол. грубовато, чаще в речи молодежи. – ‘Давать знать о своем мнении репликами в чужом разговоре’, ср. «Не возникай!» – ‘Молчи’ [ТСРОЖ: 26–27];

ДАВИТЬ УМНЯКОМ – неодобр. – ‘Вести слишком интеллектуальные разговоры, заставляющие окружающих чувствовать собственную ущербность’ [СРС: 64];

ЗАЛУДИТЬ – ‘Высказаться резко, неожиданно. Сказать глупость, неоправданную грубость’ [СРС: 86];

ЛАКИРОВАТЬ БАЗАР – ‘Говорить излишне красиво’ [ССРГ: 246];

КАЛИКАНИТЬ – неодобр. – ‘Говорить что-л. невпопад, не по теме’ [ТСМС: 232];

КРЯКАТЬ – неодобр. – прост. ‘Говорить необдуманно, невпопад; говорить (обычно глупости)’ [ССРГ: 233];

СПЕСТРИТЬ – ирон. – молод. – ‘Сказать что-либо невпопад, не к месту’ [ССРГ: 478].

IV. ВЫРАЖАТЬ НЕДОВОЛЬСТВО

БУКСОВАТЬ – фам. молод. – ‘Ворчать, брюзжать’ [ССРГ: 43];

БУЛЬКАТЬ – неодобр. – молод. – ‘Ворчать, брюзжать’ [ССРГ: 44];

БУХТЕТЬ – неодобр. – прост. – ‘Ворчать, бормотать что-либо невнятное’ [ССРГ: 47];

ВЗДРЮЧИТЬ – ‘Отругать’ [ССРГ: 57];

ВОЗБУХАТЬ – неодобр. – ‘Выступать против кого-л., чего-л., упрекать кого-л. в чем-л.’ [ТСМС: 79];

ВРЕЗАТЬ – ‘Отругать’ с коннотацией ‘сильно, резко’ [ТСРОЖ: 29];

ВСТАВИТЬ – ‘Выругать, наказать кого-л.’ [ТСМС: 85];

- ГАВКАТЬ, ГАВКАТЬСЯ – неодобр. – прост. – ‘Кричать, ругаться, ссориться’ [ССРГ: 78];
- ГНАТЬ (на кого) – ‘Упрекать кого-л. в чем-л.’ [ТСМС: 108];
- ГРЕМЕТЬ – неодобр. – ‘Ругать, отчитывать кого-л.’ [ТСМС: 119];
- ГУНДЕТЬ – неодобр. – ‘Ворчать; высказывать скептические или негативные оценки по какому-л. поводу’ [СРС: 63];
- ЗЯВКАТЬ – неодобр. – прост. – ‘Огрызаться, грубить’ [ССРГ: 170];
- КИДАТЬ ФИШКИ – ‘Говорить резко, недовольно’ [ССРГ: 195];
- ЛАЖАТЬ – ‘Неодобрительно высказываться о ком-л., ругать кого-л., обвинять кого-л. в чем-л. (часто – незаслуженно)’ [ТСМС: 301];
- ЛОМИТЬ – неодобр. – прост. – ‘Говорить грубо, бестактно’ [ССРГ: 257];
- НАЕХАТЬ, НАЕЗЖАТЬ – ‘Придраться к кому-л.; выругать, упрекнуть кого-л. в чем-л.’ [ТСМС: 366];
- НАЖУЧИТЬ – фам. – прост. – ‘Наругать’ [ССРГ: 310];
- НАКОСЯЧИТЬ – фам. – прост. – ‘Нагрубить, нахамить’ [ССРГ: 314];
- ОБЛОЖИТЬ – ‘Грубо обругать’ [ТСРОЖ: 126];
- ОТЧЕСАТЬ – фам. – прост. – ‘Отругать’ [ССРГ: 168];
- ПОРАБОТАТЬ – фам. – молод. – ‘Отругать за что-либо’ [ССРГ: 421];
- ПОРЫЧАТЬСЯ – фам. – молод. – ‘Поругаться’ [ССРГ: 423];
- ПОСЛАТЬ – шутил.-ирон. – ‘Обругать, грубо выругать (часто матом)’ [ТСРОЖ: 160];
- ПРОЧИХВОСТИТЬ – фам. – прост. – ‘Отругать’ [ССРГ: 441];
- ПЫЛИТЬ – фам. – молод. – ‘Ругаться’ [ССРГ: 444];
- РАЗВОДИТЬ – ‘Клеветать на кого-л., ругать кого-л.’ [ТСМС: 491];
- РАСТАРАХТЕТЬСЯ – шутил. – прост. – ‘Разворчатся’ [ССРГ: 453];

СКРИПЕТЬ – неодобр. – прост. – ‘Ворчать’ [ССРГ: 473];
СПУСКАТЬ (СПУСТИТЬ) ПОЛКАНА – ‘Ругаться (поругать)’
[ССРГ: 479];
СТЕБАТЬ, СТЕБАТЬСЯ – ‘Высмеивать кого-л., что-л., ирони-
зировать над кем-л., чем-л.’ [ТСМС: 550–551];
УЕСТЬ – фам. – прост. – ‘Уязвить’ [ССРГ: 506];
ЩУЧИТЬСЯ – фам. – прост. – ‘Ругаться’ [ССРГ: 561].

V. ГОВОРИТЬ / ГОВОРИТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫМ ОБРАЗОМ

БАЗАРИТЬ – ‘Говорить что-л.’ [ТСМС: 27];
БАЗЛАНИТЬ, БАЗЛАТЬ – ‘Говорить, разговаривать о чем-л.’
[ТСМС: 27];
ВТИРАТЬ – ‘Объяснять, доказывать кому-л. что-л.’ [ТСМС:
85];
ГОНЯТЬ СВОИ БАЗАРЫ – ‘Говорить о чем-л. своим, непонят-
ном, неинтересном для окружающих’ [ТСМС: 26];
ЛАБАТЬ – фам. – молод. – ‘Говорить’ [ССРГ: 244];
МЕТЕЛИТЬ – шутол. – прост. – ‘Говорить’ [ССРГ: 284];
МОЛОТИТЬ ЯЗЫКОМ – ‘Быстро говорить’ [ССРГ: 289];
ПОКАШЛЯТЬ – шутол.-ирон. – ‘Сказать что-л. (как правило –
по телефону)’ [ТСМС: 450];
СОПЕТЬ – пренебр. – ‘Говорить что-л. неуверенно, тихо’
[СРС: 149];
ЧАВКАТЬ – груб. – ‘Говорить. Произносить что-л.’ [ТСМС:
668];
ЧЕСАТЬ – фам. – прост. – ‘Быстро говорить’ [ССРГ: 537];
ЯЗЫК ЖЕВАТЬ – шутол.-ирон. – ‘Говорить, выступать с докла-
дом’ [ТСМС: 720].

VI. ГОВОРИТЬ ВПУСТУЮ / БОЛТАТЬ

БАЛАБОЛИТЬ – неодобр. – ‘Болтать (обычно попусту)’ [ССРГ: 23];

БОЛТОЛОГИЮ РАЗВОДИТЬ – негат. – ‘Болтать попусту’ [СРС: 36];

БУРОВИТЬ – неодобр. – молод. – ‘Говорить, болтать (обычно чепуху)’ [ССРГ: 45];

ГРУЗИТЬ – неодобр. – ‘Вести пустые, бессмысленные разговоры’ [ТСМС: 121];

КВАКАТЬ – неодобр. – прост. ‘Говорить, болтать’ [ССРГ: 191];

КОЛБАСИТЬ – неодобр. – прост. – ‘Делать или говорить ерунду’ [ССРГ: 208];

МАЛЯКАТЬ – фам. – прост. – ‘Болтать, разговаривать о пустяках’ [ССРГ: 270];

МЫЛИТЬ ЗУБЫ – ‘Говорить зря, впустую’ [ССРГ: 300];

НАЧИРИКАТЬСЯ – шутол. – прост. ‘Наговориться, наболтаться’ [ССРГ: 326];

ПЕСТРИТЬ – фам. – школьное. – ‘Болтать вздор, чепуху’ [ССРГ: 388];

ПОДСТЁГИВАТЬ – фам. – молод. – ‘Говорить чепуху, глупости’ [ССРГ: 408];

РАЗВОДИТЬ ЛЯ-ЛЯ – пренебр. – ‘Болтать попусту’ [СРС: 126].

Ср. также: ЛЯЛЯКАТЬ – шутол. – прост. – ‘Болтать, пустословить’ [ССРГ: 264]; ПРОЛЯЛЯКАТЬ – шутол. – прост. –

‘Проговорить, проболтать попусту’ [ССРГ: 438];

РАМСИТЬ – ‘Болтать, пустословить’ [ТСМС: 493];

ТРЫНДИТЬ, ТРУНДЕТЬ, ПОТРЫНДИТЬ – ‘Твердить, говорить одно и то же; разговаривать, болтать; поговорить, поболтать’, ср. производное ТРЫНДЁЖ – ‘Разговор, болтовня’ [СХ];

ФАРМАЗОНИТЬ – фам. – молод. – ‘Болтать, пустословить’ [ССРГ: 515];

ФИЗДИПИТЬ – неодобр. – молод. – ‘Болтать ерунду’ [ССРГ: 517];

ФЛЕЙМИТЬ – комп. – ‘Отклоняться от темы, вести пустые разговоры’ [ТСМС: 635];

ШУРШАТЬ – неодобр. – ‘Говорить, болтать’ [ТСМС: 714].

Кому другому вы рассказываете, а своим ребятам **не надо ля-ля**. Такое время, братва. Придется потуже затянуть пояса.

(Из комментариев к статье в Газета.Ru о российской коррупции [facebook.com])

VII. РАССКАЗЫВАТЬ / УГОВАРИВАТЬ

ВТИРАТЬ – ирон. – молод. – ‘Втолковывать, внушать, объяснять’ [ССРГ: 68];

ВТУЛЯТЬ – неодобр. – молод. – ‘Объяснять, втолковывать’ [ССРГ: 68];

ГНАТЬ – ‘С увлечением излагать что-л., рассказывать о чем-л.’ [СРС: 126]. Также: ГНАТЬ ПУРГУ – молод. – ‘Навязчиво передавать, сообщать информацию’ [СРС: 58];

ГРУЗИТЬ – ‘Навязчиво передавать, сообщать информацию’ [СРС: 62]. Также: ЗАГРУЗИТЬ – ‘Утомить разговорами’ [ССРГ: 134]; НАГРУЖАТЬ – ‘Настойчиво убеждать кого-л. в чем-л., настоятельно внушать кому-л. что-л.’ [ТСМС: 364];

ЗАБАЗАРИТЬ – фам. – молод. – ‘Заговорить кого-либо, сбить с толку разговорами’ [ССРГ: 125]. Ср. также: ЗАБАЗАРИТЬСЯ – фам. – молод. – ‘Заговориться, увлечься разговорами’ [ССРГ: 125];

- ЗАБОМБИТЬ – ‘Рассказать о чем-л.’ [ТСМС: 173];
- ЗАПУТАТЬ – фам. – молод. – ‘Уговорить, склонить к чему-либо’ [ССРГ: 154];
- ЛЕЧИТЬ – ирон. – молод. – ‘Успокаивать, обманывая / Почувать, воспитывать’ [ССРГ: 253]. Ср. также: ЛЕЧИТЬ – неодобр. – ‘Давать непрошенные советы, навязывать свой образ мыслей; убеждать, уговаривать кого-л.’ [ТСМС: 310];
- ЗАЛЕЧИТЬ – фам. – молод. – ‘Уговорить, склонить к чему-либо’ [ССРГ: 145];
- ОДОЛЕТЬ – шутил. – ‘Уговорить’ [ССРГ: 351];
- ПАРИТЬ – неодобр. – молод. ‘Заговаривать, убеждать в чем-либо, воздействовать каким-либо образом, вводить в заблуждение’ [ССРГ: 377]. Также: МОЗГИ ПАРИТЬ – ‘Заговаривать, запутывать’ [ССРГ: 377]; ЗАПАРИТЬ – неодобр. – молод. – ‘Заговорить, запутать’ [ССРГ: 151];
- ПОДДЁРНУТЬ – неодобр. – прост. – ‘Подстрекнуть, подговорить на что-то’ [ССРГ: 404];
- ПОПУТАТЬ – фам. – молод. – ‘Уговорить кого-либо на что-либо’ [ССРГ: 420];
- ПРИКОЛОТЬ – ‘Уговорить кого-л. сделать что-л.; Рассказать кому-л. что-л.’ [ТСМС: 469];
- РАЗМЕНЯТЬ – фам. – молод. – ‘Объяснять. Растолковать что-либо’ [ССРГ: 450];
- РАСКРУТИТЬ – фам. – молод. – ‘Заставить, уговорить потратиться на что-нибудь. Вызвать на откровенность, расспросить’ [ССРГ: 452];
- УБЛАТОВАТЬ – фам. – прост. – ‘Уговорить’ [ССРГ: 504];
- УКАТАТЬ – фам. – молод. – ‘Уговорить’ [ССРГ: 507].

VIII. ОБСУЖДАТЬ / ДОГОВАРИВАТЬСЯ

- ДОБАЗАРИТЬСЯ – фам. – мол. – ‘Договориться’ [ССРГ: 102];
ЗАБИТЬ – ‘Договориться о чем.-л.’; ЗАБИТЬСЯ (с кем) – ‘Договориться (обычно о встрече) с кем.-л.’ [ТСМС: 171]. Ср. также: ЗАБИТЬ, ЗАБИВАТЬ СТРЕЛКУ – ‘Договориться о встрече’ [СХ];
КАШЛЯТЬ – неодобр. – молод. – ‘Надоедать разговорами, неприятными для окружающих’ [ССРГ: 191]. Также: ОБКАШЛЯТЬ – ‘Подробно обсудить’ [СРС 149]; ПРОКАШЛЯТЬ – ‘Обсудить какой-л. вопрос, тему’ [ТСМС: 479];
КОЛБАСИТЬСЯ – ‘Шутить, весело обсуждать что-л.’ [ТСМС: 266];
ПЕРЕТРЕЩАТЬ – фам. – молод. – ‘Обсудить что-либо, договориться о чем-либо’ [ССРГ 387];
СТРЕЛЯТЬСЯ – шутол. – ‘Договариваться о встрече’ [ТСМС: 557];
ТЕРЕТЬ – ‘Обсуждать что-л.; разговаривать с кем.-л.’ [ТСМС: 576]. Также: ОБТЕРЕТЬ – фам. – молод. – ‘Обговорить что-либо’ [ССРГ: 346]; ПЕРЕТЕРЕТЬ – фам. – молод. – ‘Обсудить что-либо, договориться о чем-либо’ [ССРГ 387]; ПЕРЕТИРАТЬ – ‘Разговаривать, вести дружескую беседу’ [СРС: 165].

IX. ГОВОРИТЬ ПРАВДУ

- ОТВЕЧАТЬ – фам. – молод. – ‘Брать ответственность за свои слова; говорить правду’ [ССРГ: 358];
КОЛОТЬСЯ – шутол. – молод. – ‘Признаваться, рассказывать о чем-либо’ [ССРГ: 211].

Здравствуйте, Дамы и Господа и только здравствуйте. Брат у меня гостил. Супруга его, московская, просила сумку немецкую купить. Ну, я и решил это дело **обкашлять**.

(«Одноклассники» [ok.ru])

Как показывает собранный материал, наиболее актуальными для носителей сленга является передача идей обмана, недовольства чем-либо и пустых разговоров, болтовни. В основном в номинациях говорения в сленге отражается эгоцентризм его носителей, и лишь небольшое количество глагольных единиц указывает на коммуникативную кооперацию (группа VIII).

Интересно проследить, какие лексико-семантические группы русской глагольной лексики, выделенные в разделе «Глаголы речевой деятельности» [ТСРГ: 349–379], особенно активно могут быть пополнены сленговой лексикой.

В [ТСРГ] выделяются следующие лексико-семантические группы глаголов:

- а) глаголы характеризованной речевой деятельности. Базовые глаголы: *говорить (сказать), произносить (произнести)* в значении «произносить (произнести) что-л. как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния», напр. *бормотать* («говорить тихо, невнятно...») [ТСРГ: 349–355];
- б) глаголы речевого сообщения. Базовые глаголы: *говорить (сказать), сообщать (сообщить)* в значении «сообщать (сообщить) адресату что-л. (какие-л. сведения, известия и т.п.) о ком-, чем-л.», напр. *шептать* («сообщать что-л. кому-л. тихим голосом») [там же: 356–366];
- в) глаголы речевого общения. Базовые глаголы: *высказывать (высказать), обращаться (обратиться), разговаривать* со значением «разговаривать друг с другом о чем-л., обмениваясь своими мнениями, суждениями, обсуждая общие проблемы или осуждая кого-л., что-л.», напр. *шептаться* («разговаривать между собой тихо, шепотом») [там же: 367–371];

- г) глаголы обращения. Базовые глаголы: *обращаться* (*обратиться*), *называть* (*назвать*) со значением «обращаться (обратиться) со словами, устной речью к кому-л., называть (назвать) кого-л., что-л. какими-л. именами», напр. *окликать* («называть громко кого-л. по имени...») [там же: 372–373];
- д) глаголы речевого воздействия. Базовые глаголы: *говорить* (*сказать*), *произносить* (*произнести*), *сообщать* (*сообщить*) в значении «произносить (произнести) что-л. каким-л. образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-л., к совершению какого-л. действия», напр. *льстить* («произносить неискренне, лицемерно слова одобрения...») [там же: 374–379].

При сопоставлении разрядов сленговых названий речевых действий, выделенных нами, и групп, представленных в [ТСРГ], обнаруживается, что сленговые номинации не пополняют словарную группу глаголов обращения (г), а остальные словарные группы расширяются за счет сленгового материала в разной степени: особенно активно – разделы (б) и (д), менее активно – раздел (в). В раздел (б), объединяющий глаголы со значением речевого сообщения, можно включить сленговые номинации со значениями ‘обманывать’ (группа I), ‘рассказывать что-либо неправдоподобное’ (группа II), ‘говорить не к месту’ (группа III), ‘говорить впустую / болтать’ (группа VI), ‘говорить / говорить определенным образом’ (группа V), ‘говорить правду’ (группа IX). В раздел (д), объединяющий глаголы со значением речевого воздействия, могли бы войти сленговые номинации со значением ‘шутить’ (группа II), ‘выражать недовольство’ (группа IV), ‘уговаривать’ (большинство еди-

ниц группы VII). К разделу (в), объединяющему глаголы со значением речевого общения, можно отнести сленговые номинации со значением 'обсуждать / договариваться' (группа VIII).

Однако, при всем различии семантических параметров сленговых номинаций говорения, практически все они могут быть отнесены также к разделу глаголов характеризованной речевой деятельности (а). Это связано с тем, что сленговые названия говорения обладают особой фоносемантической природой: в сленге при означивании актов говорения реализуется предложенная С. Ворониным схема возникновения синестемии (буквально – со-эмоции), в соответствии с которой в феноменах языка проявляется «ассоциативный перенос, <...> медиированный <...> общим эмоциональным элементом» [Воронин 1982: 85]. По Воронину, эмоциональный элемент может участвовать в синестемии двумя путями: «как некий вспомогательный элемент при переносе “ощущение₁→эмоция→ощущение₂”, либо как самостоятельный конечный элемент в цепи переноса “ощущение→эмоция”. Эмоции <...> придают ощущениям специфический “эмоциональный тон”» [там же].

Характеристика синестемии может быть распространена на все сленговые номинации речевых действий, поскольку они непременно коннотируют эмоции, вызываемые у реципиента теми или иными актами говорения, и, являясь стилистически ненейтральными единицами, обладают собственным эмоциональным тоном.

В сленге метафоризация в первую очередь строится на аналогии с действиями физического характера, акустическая же сторона речи оказывается менее важной, о чем свидетельствует относительно небольшое количество звукоизобразительных номинаций. Незвукоизобразительные сленговые номинации говорения могут возникать на основе сходства как с акустическими, так и с неакустическими феноменами.

Если актуализируется сходство с неким акустическим феноменом, метафорически передается не само исходное звучание, а то впечатление, которое оно традиционно вызывает у носителей языка. Ср.: *свистеть* в сленге – ‘Болтать. Рассказывать небылицы, врать’ [СРС: 199]. Этот глагол, согласно нормативным словарям, не имеет значения речепроизводства [МАС IV: 510], однако разговорное слово «свистун» во 2-м значении содержит указание на говорение – «болтовню»: ‘Пустой хвастун, болтун и бездельник’ [там же]. В ТСРГ *свистеть* относится к глаголам звучания и к глаголам социальной деятельности, однако его речевое значение «обмана» коррелирует с одним из значений глагола звучания, ср.: ‘Издавать резкие, высокие звуки, подражая характерному пению различных птиц, обычно приманивая их (например, манком) во время ловли, охоты’ [ТСРГ: 451].

Во-вторых, в означивании речевого действия может быть переосмыслена номинация какого-либо физического незвукового действия. В таких случаях актуализируется эмоция, вызываемая действием неакустической природы. Ср.: *лепить* в сленге – ‘Врать, говорить глупости’ [СРС: 55]; возможно, речевое значение глагола обусловлено семантикой первичного глагола *лепить* – ‘Создавать какое-л. изображение из пластического материала’; ‘Помещать одно сразу же за другим (буквы, слова, строчки), не оставляя промежутков’ [МАС II: 175].

Без наличия некоторого устойчивого эмоционального пере-носа у таких глаголов не могла бы сформироваться способность означивать процессы говорения, а сама эта способность не отражалась бы в семантической структуре глагола³³.

На основании формального критерия все сленговые номинации говорения могут быть разделены на сложные, то есть неодно-

---

³³ О синестемических глаголах речи см. подробнее [Лихачева 2008a; 2008b].

словные, или фразеологизированные сочетания, и однословные. Сленговые фразеологизированные сочетания интересны тем, что, с одной стороны, в качестве ядерного компонента включают исходно неречевой глагол, а с другой – в рамках своей подсистемы используются исключительно как сложные номинации говорения, напр.: *вкручивать (мозги, шарики)*; *гнать телегу, картину*; *давить умняком*; *местить по бездорожью* и т. п.

В другую группу входят однословные номинации говорения, которые, в свою очередь, могут быть разделены по фоносемантическому критерию на звукоизобразительные – *балаболить*, *гундеть*, *крякать* и др. и незвукоизобразительные – *буксовать*, *возникать*, *одолеть*, *разводить* и др.

Промежуточное в фоносемантическом отношении положение занимают сленгизмы-заимствования, которые, с одной стороны, воспроизводят звучание иностранного слова, а с другой – апеллируют к его буквальному переводу. Ср.: *аск*, *аскать* (от англ. to ask ‘просить, спрашивать’) – ‘Спрашивать’ (напр.: *Аскини его, куда нам идти*) [СХ]; ‘Просить у кого-л. что-л. (обычно – деньги у своих друзей, знакомых, прохожих); Спрашивать у кого-л. о чем-л.’ [ТСМС: 22]; *проаскать*, сов. *проаскнуть* – ‘Спросить’ (*Пойди проаскни, где весь пилл*) [СХ]; *спичить*, *спикать* (от англ. to speak ‘говорить’) – ‘Говорить, разговаривать’ [СХ; ТСМС: 544, 545]; *шпрехать* – шутол. – ‘Говорить по-немецки’ [ССРГ: 556]. Однако следует отметить, что этот тип сленговых номинаций говорения немногочислен.

Очевидно, что так же, как и общелитературные русские обозначения говорения (кроме собственно речевых глаголов *сказать*, *сообщить*, *разговаривать* и под.), сленговые номинации имеют преимущественно метафорический характер. Как отмечают исследователи общелитературных глаголов речи, наиболее разнообразно метафорически моделируется внешняя сторона речи (ин-

тенсивность звучания, темп, степень отчетливости, тембр голоса, интонационные особенности), коммуникативные характеристики (способ сообщения и содержание информации) и особенности речевого взаимодействия и речевого контакта. «Метафорические контексты выявляют многочисленные аспекты общего понятия “говорить”, которые реализуют глаголы речи, отражающие все аспекты речевого события, характеристика которого когнитивно значима для языкового сознания» [Кириллова 2006]. Что же касается сленга, он, по мнению И. Юганова и Ф. Югановой – авторов одного из первых специализированных словарей, «выполняет функцию вечно подвижных щупальцев языка. Он, не переставая, пытается найти новые метафоры, которые впоследствии либо закрепляются в речи, либо будут ею отвергнуты» [СРС: 10].

Значение речепроизводства в лексических единицах метафорической природы сопровождается дополнительными оттенками, снимающими необходимость в распространения имени действия обстоятельственными словами. Соответственно, все сленговые номинации говорения непременно обладают значительным метакоммуникативным потенциалом (см. [Храмова 1999]), поскольку без дополнительных распространителей означивают не только коммуникативную, но и оценочную, эмотивную и др. функции говорения (о возможностях русского естественного метаязыка см. также: [Шатуновский 2001]).

Сленгизмы способны компактно характеризовать какую-либо сторону говорения: акустическую (*сопеть, лялякать, гавкаться*), содержательную (*грузить, замачивать горбухи*), уместность речи (*спестрить, лакировать базар*), ее прагматическую направленность (*укатать, раскрутить, забить*) и т. п.

Активность сленга в русской речи можно расценивать как следствие высокой коммуникативной эмоциональности русских,

составным элементом которой является оценочность русского общения. С точки зрения психолингвиста Н. Уфимцевой, «стремление все оценить, приписать всему определенное качество – это неотъемлемое качество русского менталитета, отражающееся и в языковом сознании, и в коммуникативном поведении русских» [Уфимцева 2009: 101].

Сленговый материал отчасти подтверждает мнение специалистов в области системных метафорических преобразований о том, что «метафорическая система оценок в языке крайне неравномерна и асимметрична: мелиоративные оценки представлены скупо и фрагментарно, в то время как пейоративные чрезвычайно многообразны» [Скляревская 2004: 120]. В то же время, на мой взгляд, в сленговых номинациях речевых действий отражается особая склонность говорящих к остроумной эвфемизации: *вешать лапшу (на уши)* добродушнее, чем *врать*; *порычаться* или *пылить* мягче и смешнее, чем *поружаться*, *ругаться* и т. п. «Использование эвфемизмов приводит к пополнению уже существующего в языке синонимического ряда. <...> Эвфемистическая замена представляет собой стилистический прием, поэтому эвфемизация является источником стилистической синонимии» [Москвин 2001: 68]. Не случайно среди словарных помет, сопровождающих сленговое слово, крайне редки пометы «груб.» и «негат.».

Думается, что перечисленные свойства русского сленга в какой-то степени объясняют его широкую популярность в российском социуме. Не случайно во вводной части переводного словаря русского сленга авторы называют его *языком улицы* – *street language* [Shlyakhov, Adler 1995]. Как отмечают авторы словаря «Слова, с которыми мы все встречались», «как бы ни относиться к этим фактам, очевидно, что, не зная этих слов, невозможно полностью понимать все то, что сейчас пишется и говорится по-русски»

[ТСРОЖ: IV]. В самом деле, тот, кто изучал русский язык в отрыве от языковой среды, вряд ли сможет адекватно воспринять следующие высказывания (примеры из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ]):

*[Н]а протяжении многих лет нам продолжают **вешать лапшу на уши**, и самое интересное, что большая часть народа в это верит.*

*Ой, только не надо меня **грузить** такими вопросами!*

*Ты что **гонишь**? Ты что **гонишь** мне?*

*А она тоже меня так **подкалывает** всё время со своей диетой.*

*– Кто это? – Мой отец. – Брось **свистеть**. У тебя ж нет отца.*

*Он начал чего-то **возникать**, что <...> вас ничему... типа не учат.*

*Может, с родней она меня и **перетирает**, но не с сыном.*

*Вот только не надо мне тут сказки придумывать, давай **колись** и т.п.*

Сохраняя яркую экспрессию, сленговая лексика становится частью повседневного русского языкового общения, пополняя ресурсы не только современной разговорной речи, но и языка литературы, кино, средств массовой информации. В отличие от профессиональных жаргонов, «новый массовый сленг все смелее размывает границы нелитературной лексики, делая речь более краткой, но эмоционально выразительной» [Емельяненко 2008: 16]. Кроме того, сленговые названия говорения являются иллюстрацией живых креативных тенденций в современной русской речевой практике: эта образная, оригинальная, остроумная лексика, безусловно, является национально специфичной, в принципе безэквивалентной и отражает своеобразие русского «речевого быта» (термин Б. Осипова – ответственного редактора «Словаря современного русского города»).

§6. Вербальные особенности русской коммуникативной культуры в зеркале городских номинаций³⁴

Тема корреляций между языковыми чертами города (в частности, в их письменном воплощении) и особенностями русской коммуникативной культуры до сих пор остается не затронутой в работах, посвященных описанию русского общения. Как правило, языковые черты города изучаются и описываются в рамках (социо)лингвистики (Б. Ларин, Л. Якубинский, W. Labof, R. Fowler, Е. Земская, Е. Ерофеева, О. Сиротинина, Е. Красильникова, Б. Шарифуллин и др.), а также с позиций еще только складывающегося направления анализа лингвистического ландшафта (P. Backhaus, D. Gorter, B. Spolsky, R. Landry, и др.) (о формировании второго направления и взаимодействии понятий «язык города» и «лингвистический ландшафт города» см. [Мур 2015; Синекопова 2015; Кирилина 2013]). Город изучается как культурное семиотическое пространство (Ю. Лотман и его школа, Вяч. Иванов, И. Вепрева, В. Абашев, N. Ries и др.) и как сложноструктурированное коммуникативное пространство повседневности (Т. Sibata, В. Дементьев, М. Китайгородская, Н. Розанова и др.). Вместе с тем, как представляется, в общем контексте национальной коммуникативной культуры особого внимания заслуживают названия городских объектов, поскольку языковой дизайн является своего рода визитной карточкой, передающей важнейшую социокультурную информацию о городе и объективирующей тональность и стиль общения между городом и его жителями. Очевидно, что такие характеристики общения «город ↔ горожане»

³⁴ В разделе использованы материалы статьи [Лихачева 2016].

способны реализовываться в первую очередь благодаря языковому оформлению наиболее посещаемых и многочисленных городских объектов: магазинов и других мест торговли, кафе, баров, ресторанов и т. п.

Авторы книги «Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы» отмечают в нынешнем городском быте усиление личностного фактора, являющегося следствием процесса деидеологизации общества и смены ценностных доминант, кроме того, «коренные социальные перемены в жизни общества способствуют более яркому проявлению карнавального начала и сопровождаются переодеваниями как в прямом, так и в переносном смысле³⁵ (ср. время реформ Петра I, период революций 1905 и 1917 г.)» [Китайгородская, Розанова 2010: 51]. Заметные изменения в сфере сегодняшней городской лексики также связываются с ускорением темпов роста экономических отношений и появлением большого количества новых торговых объектов [Марсакова 2012: 228].

Исследователи выделяют тенденции городской номинации, получающие в последние годы все большее распространение. В частности, они обращают внимание на то, что на смену безликим обозначениям типа *Продукты*, *Галантерея*, *Хлеб*, *Молоко*, *Обувь*, *Товары для детей* и т. п. пришли номинации, обладающие национально-культурной составляющей, а потому семантически прозрачные для носителей русского языка, но обладающие нулевой или малой степенью мотивированности для носителей других языков [Марсакова 2012; Китайгородская, Розанова 2010, 67–70, 117–119]³⁶.

---

³⁵ Напомню, что цикл статей М. Китайгородской и Н. Розановой [1994] назывался «Речевые одежды Москвы».

³⁶ В указанных работах приводятся примеры наименований городских объектов Москвы, но подобные названия имеются в любом российском городе, в чем легко

Рассмотрим с опорой на названные работы и на примере реально существующих названий, с помощью каких собственно русских языковых ресурсов осуществляется сегодняшняя коммуникация хозяев городских объектов с их потенциальными посетителями. Можно выделить следующие типичные приемы:

- обращение к лексике, называющей реалии русской бытовой культуры: сетевые продуктовые магазины «Лукошко», «Полушка», «Пятачок» (названия непритязательной корзинки и русских мелких монет коннотируют гарантию невысоких цен), магазин стройматериалов «Мастеровой», магазины товаров для дома и интерьера «Домовой», магазины подарков и сувениров «Бабушка», «Пряник», рестораны «Компот», «Сказка», «Дача», «Хохлома», «Изба»; закулочные «Солянка. ru»; блинные «Печка» и т.п.;
- активизация моделей разговорной речи: сеть детских магазинов «ВотОнЯ»; кафе «На скорую руку», «Ёжкин кот»; магазины «Хлеб да соль», «Вкуснятина», «У дяди Миши», «У Пальча» (номинации, включающие разговорные формы антропонимов); салон оптики «Очкарик»; кафе «Лакомка», «Пушка» (разговорное название Пушкинской площади в Москве); сеть магазинов косметики и бытовой химии «Подружка»; магазины детских товаров «Куча мала» (возглас в детской игре, по которому устраивается общая свалка), «Карапуз», «Кроха», «Непоседа» и т.п.;

убедиться благодаря Интернету. Во многих случаях это названия сетевых магазинов, кафе и т.п. Они также приводятся в настоящем разделе.

Рыночный павильон-мастерская в Калининграде³⁷.

- прием рифмовки и гендиадис³⁸: уличное сетевое кафе быстрой еды «Крошка-картошка»; кафе «Шашлык-машлык» (в некоторых городах – «Шашлык-башлык»), «Шуры-муры» (эвфемистическое название любовных отношений); название трактиров и магазина печей и каминов «Печки-лавочки» (разговорный фразеологизм со значением ‘мелочи, пустяки; то, что обычно не стоит внимания’ [Федоров 2008] и

³⁷ Используются фотографии городских объектов, сделанные во время моей поездки в г. Калининград в 2016 г.

³⁸ Гендиадис (от древнегреч. ἓν διὰ δύοιν «одно через два») представляет собой способ образования слов, при котором второй компонент является фонетической трансформацией первого [Гугунава 2003]. Такой прием экспрессивного словообразования, имеющий также названия «повтор-отзвучие», «фокус-покус прием», «эхо-конструкция», «прием рифмованного эха» (Янко-Триницкая; Земская, Китайгородская, Розанова), получил распространение в русской разговорной речи под влиянием речи носителей тюркских языков. Присоединение к слову его искаженного двойника обладает снижающим эффектом [Санников 1999: 168–169].

название повести и фильма В. Шукшина); трактиры «Ёлки-палки» (экспрессивное выражение разнообразных эмоций), «Тары-Бары» (народно-разговорное обозначение болтовни); сеть детских супермаркетов «Дочки-сыночки»; кафе-клуб «Любовь-морковь» (шутливо-ироническое обозначение любовных отношений и название российского фильма); магазин восточных сладостей и напитков «Сундук-фундук» и т.п.;

- использование в качестве названий городских объектов звукоподражательных слов: пекарня «Ням-ням»; магазины «Тип-топ», «Гав», «Би-би»; кафе «Му-му»; рестораны «КуКа-РеКу» и т.п.;
- создание окказиональных слов, в том числе благодаря игре на паронимии: ресторан «Московский икорный дом» (ср. *игорный дом*); продуктовая палатка «Объедайка»; магазин встраиваемой мебели «Встрой-ка!»; сеть магазинов одежды и обуви «Ценопад»; детский книжный клуб «Читариум» и т.п.;
- прием «говорящих фамилий»: палатка «Выпечка и другая еда вь Москве. *Товарищество Пироговъ и Караваевъ*» (пирог и каравай – традиционные хлебные изделия русской кухни, а выбор слова *товарищество* вместо современного заимствования *фирма*, а также признаки дореволюционной орфографии коннотируют преемственность и надежность популярной продукции); магазины «Мясников», «Колбасов», «Пивоваров», «Башмачников» и т.п.;
- обращение к ретро-названиям и орфографическим приметам досоветского прошлого: «Тоговый дом *Потемкинъ*» (по фамилии крупного государственного деятеля XVIII в.); ресторан русской дворянской кухни «Пушкинъ»; «Трактирь

Ни пуха ни пера», «Хлестаковъ-Трактир» (по фамилии героя Н. Гоголя); «Ресторанъ-пивоварня *Хмель*»; рестораны русской кухни «Китежъ-Град» (название мифологического города), «СамоварЪ» и т.п.;

- использование диминутивных форм, часто парных: кондитерская «Яблонька»; рестораны «Алёнушка», «Перчик», «Шашлычок»; магазины «Пятерочка» (высшая оценка в российских школах и вузах), «Гастрономчик», «Башмачок», «Одежка & обувь», «Шкафчик & диванчик», «Сумки и сумочки»; зоомагазины «Любимчик», «Дружок» (типичная кличка собаки у русских); кафе-бары «Пивко», «Пивнушка», «Пельмешка» и т.п.;

Книжный магазин, в названии которого подчеркивается, что здесь продаются книги, предназначенные для взрослых и детей.

- отсылка к прецедентным феноменам: рестораны «Дядя Ваня» (название пьесы А. Чехова), «Гиляй» (имя бытописателя Москвы В. Гиляровского), «Вертинский» (легендарный шансонье), «Золотая рыбка» (персонаж сказки А.Пушкина), «Кавказская пленница», «Джентльмены удачи», кафе «Не горюй!» (названия известных российских фильмов); пивные рестораны «Старина Мюллер», «Штирлиц» (персонажи известного российского телесериала); салон маникюра и педикюра «Серебряное копытце» (название сказки В. Бажова и мультипликационного фильма); зоомагазин и домашний приют «Кошкин дом» (название сказки С. Маршака и мультфильма, снятого по ней); сеть зоомагазинов «38 попугаев» (цикл популярных мультфильмов о животных); магазин мужской одежды больших размеров «Три богатыря» (название картины В. Васнецова); магазин детских товаров «Лукоморье» (отсылка к строкам А. Пушкина, хорошо известным всем русским детям); магазины подарков и сувениров «Матрешка» и т.п.;
- номинации-каламбуры³⁹: магазин инженерной сантехники «Сан Саныч» – с омонимическим столкновением частей слов (*сантехника* – *Сан Саныч*); бар «Биру-бир» (обыгрывание схожести звучания англ. *beer* – ‘пиво’ и лозунга советских времен «Миру – мир!»); книжные клубы и магазины «Буквоед» – с апелляцией к прямому значению слова *есть* и переключкой с устойчивым выражением *глотать книги*; книжный магазин «Все свободны», в названии которого, помимо части известной фразы *Всем спасибо, все свободны*, можно увидеть каламбурно-эвфемистическую замену при-

---

³⁹ О каламбурном эффекте – см. [Санников 1999: 491–515].

зыка *Уйдите все, оставьте меня* (в данном случае – *наедине с книгами*) и т.п.;

- использование моделей предикативного типа, в том числе функционально тождественных выкрикам уличных торговцев: кафе-пельменные «Лепим и варим», «Сели-поели»; рестораны и кафе «К теще на блины», «Пирожки-пончики», «Пельмешки да вареники», «Пироги с пылу, с жару», «Чудо блинчик», «Вкусный обед», «Зайди» «Время есть», «Пиво есть»; магазины «Дёшево», «Хорошо»; турагентство «Поехали!»; продуктовые палатки «Съешь-ка!»; закулочные «Ешь-ка!», «Поешь-ка!»; обувной магазин «Сделай шаг!» и т.п.

Вывески могут включать не только названия, но и традиционные тексты-зазывы: ресторан «Погребок»: *Заходи на вечерок к нам в радушный погребок!*; палатка «Оладыи»: *Хороши оладушки из печи от бабушки!*; кафе «Сам пришел»: *Улыбнулся и зашел* и т.п. [Китайгородская, Розанова 2010: 116].

Тексты-прибаутки (т.е. забавные, обычно рифмованные поговорки, употребляемые для оживления речи). используются и в оформлении интерьеров ресторанов и кафе, на карточках-визитках, напр.: *А я грабли-вешалка. Поддержу в трудную минуту* (игра на омонимии словоформ *поддержу* и *поддержку* как компонента устойчивого выражения *поддержать в трудную минуту*) (объявление в московском кафе «Лепим и варим»); *Много есть вредно, а мало – скучно* (визитка ресторана «Борщ&Сало» в Калининграде)⁴⁰ и т. п.

⁴⁰ Номинации ресторанов и кафе получают остроумное продолжение в меню, напр.: «Мамин Сибиряк» (фамилия русского писателя служит каламбурной характеристикой сибирских пельменей – таких же вкусных, как приготовленные мамой, ср. в английском варианте меню – “Mom’s Siberian”); «Итальянцы в России» (название известного российского фильма используется как название пельменей с традиционными итальянскими ингредиентами); «Скажите сыыыр» (название пельменей с начинкой из трех сортов сыра); «Александр Григорьич» (имя президента

- Настрой на большую, чем раньше, кооперативность, диалогичность городского общения заметен также в «проявлении интонационных сигналов в “словах на вывесках” как яркой черте устности, проникающей в письменные городские тексты» [там же: 68–70]. Так, информативная цель и лексико-грамматический состав вывесок советского периода предопределяли их интонационный рисунок в виде интонации «называния» – ИК-1⁴¹, в то время как современные вывески имеют иные иллокутивные цели и, соответственно, ассоциируются с другими типами интонации. Таковы, например, номинации-похвалы – «Магазин хороший», «Любимые продукты», «Маленький да удаленький»; номинации-побуждения – кафе «Зайди и попробуй», «Съешь-ка!»; магазин продуктов «Бери сам» (с возможным интонационным оформлением в виде ИК-2, ИК-3 и др.) и т.п. Особенно явно ощущается роль интонации при появлении на вывесках графического сигнала-интенсификатора – восклицательного знака: магазин на вокзале «Не опоздай на поезд!»;

Беларуси для названия пельменей по-белорусски) и т.п. (кафе «Лепим и варим» в Москве, само название которого воспроизводит знакомый представителям русской культуры процесс приготовления пельменей).

Китайгородская и Розанова также говорят об этом явлении и приводят в качестве примера «поддержку» названия ресторана-клуба «ГРАМ» (Театрального ресторана актеров Москвы) названиями блюд – для тех, кто в состоянии понять их происхождение: «[Ц]ыпленок табака «Наблюдения Ярмольника» (по фамилии актера, который в жанре театрального этюда изображал на эстраде цыпленка табака), салат из морепродуктов «На дне» (ср. название пьесы М. Горького)» и под. [Китайгородская, Розанова 2010: 116].

⁴¹ В направлении изучения и описания русской интонации, возглавляемом Е. Брызгуновой, принято использовать сокращение ИК для обозначения типов интонационных конструкций русского языка и нумеровать их от 1 до 7, условно говоря, по нарастающей – от абсолютно нейтральной интонации до наиболее эмоциональной [см. Брызгунова 1980: 96–122].

продовольственный универсам «Станем друзьями!»; кафе «Заходи!»; павильон «Ура!!! Мороженое!». Восклицательный знак может сигнализировать и о похвале-восхищении, напр.: магазин одежды «Вещь!»; магазин инструментов «Энтузиаст!»; магазин-салон необычных подарков и сувениров «Надо же!». Эмоционально окрашенное интонационное оформление предполагают и присутствующие на вывесках показатели диалогизации (формы императива, обращения, формулы приветствия): кафе «Гуляй, город!»; магазин сувениров «Здравствуйте!» и т.п. (см. подробнее [Китайгородская, Розанова 2010: 68–70]).

Магазин детских товаров.

Очевидно, что в рассмотренных номинациях в первую очередь реализуется установка на общность фоновых знаний, а содержащиеся в этих названиях слова оценочного, уменьшительного-ла-

скательного, шутливого характера обладают экспрессивными коннотациями в сознании тех, для кого привычно русское культурно-языковое пространство.

В номинативном дизайне российских городов присутствуют и единицы контаминированного характера, включающие иноязычную и русскую части, которая может быть передана как кириллицей, так и латиницей, напр.: магазины теплой верхней одежды “ZimaLand” от русск. *зима* и англ. *land* – ‘земля’; название павильонов-баров «Шаурлэнд», образованное по сходной модели; название магазинов детских товаров «Sweet мама», включающее англ. *sweet* – ‘ласковый, любимый’; магазин натуральных продуктов для большого города «Бабушка» – иллюстрация синтеза традиционного и современного образа жизни; кафе быстрого питания «Закусити» – название, прозрачно обыгрывающее возникающую у носителей русского языка ассоциацию с императивом *закусите*; рестораны и магазины «New Васюки» (англ. *new* – ‘новый’ и русский топоним *Васюки*, связанный в сознании носителей русского языка с романом «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова); рестораны «Mishka.food» (с использованием популярного русского имени и англ. *food* – ‘еда’). В таких названиях реализуется креативное межъязыковое взаимодействие: они представляют собой новые формы адаптации иноязычных слов в русском языке и демонстрируют тенденцию сближения процессов заимствования и собственно русской номинации [Марсакова 2012: 234–235].

Имена международных торговых марок, присутствующие в российских городах, не затмевают большого количество знаков «своей» культуры в языковом оформлении города, тем более что «свое» значительно легче и эффективнее, чем при использовании латинского шрифта, поддерживается кириллическим алфавитом.

Конкуренцию между иностранной и русской лексикой в городской номинации в настоящее время можно усмотреть в том, что

Фасад торгового центра в Калининграде.

за «иномарками» сохраняется ореол престижности, они нередко ассоциируются с более деловым типом общения (напр., кафе и рестораны «Market Place», «Стейк-хаус», «Duo Gastrobar», «Тоскана гриль», «Restaurant Schengen», салон-парикмахерская «Persona Grata» и под.), в то время как аутентичные российские урбанонимы в большей степени воспринимаются как знаки-приглашения в своё, непринужденное пространство коммуникации. В особенности это применимо к названиям торговых объектов, рассчитанных на среднестатистических неамбициозных потребителей, на посетителей рынков, закусочных, предполагающих максимально демократическую атмосферу общения, в создании которой эффективно используются языковые ресурсы.

Следует отметить также прием локализации⁴², или лингвокультурной адаптации известных брендов к российским условиям. Реализацию этого приема можно увидеть, например, в названиях салонов оптики «Вижу» (вместо *Vision Express, Eagle Vision*), суши-баров «Суши-вёсла» (название японского блюда омонимично русскому императиву от глагола *сушить*, причем фразеологизм *сушить вёсла* означает 'переставать грести, подняв весла над водой' [Федоров 2008] и употребляется обычно в форме команды к окончанию работы); кафе «Sushki» (обыгрывание фонетического сходства слов *суши* и русского *сушки*); сети ресторанов «Котлета-хаус» (сочетание названия традиционного русского блюда со ставшим в последние годы типичным компонентом урбанонимов *хаус* – 'дом'), «Жар-пицца» (контаминация имени русского сказочного персонажа и названия блюда), кафе «Триста Бариста» (фонетиче-

⁴² Локализация информации в сфере маркетинга понимается как альтернатива буквальному переводу названия или сообщения о рекламируемом или продаваемом «продукте»: это перевод с опорой на модель иной культуры, т.е. с одновременной адаптацией материала к иноязычному рынку с учетом местного социально-экономического и лингвокультурного контекста [см. Declercq 2011].

Рыночные павильоны в Калининграде.

ская аккомодация неологизма *бариста*, от итал. *barista* – ‘специалист по приготовлению кофе’ с помощью типичной для русских игры в рифмы, ср. упомянутые выше *крошка-картошка*, *любовь-морковь* и под.), ресторан восточной кухни «Рис Лапша» (с указанием традиционных ингредиентов кухни этого типа, названных по-русски) и др.

Таким образом, российские «городские тексты», с точки зрения их исследователей, «решают не только практические задачи (ориентировать, указывать), но и (что особенно важно) культурные, такие как хранить память об истории города, служить энциклопедией и своеобразным учебником культуры во всем ее многообразии» [Михайлова 2015: 102].

Безусловно, тому, что городские объекты не остаются безымянными (а это именно так, и сразу поражает приезжих, привыкших к

меньшей интенсивности городской номинации) способствует обширный креативный потенциал русского языка. Вместе с тем рост российского начала в урбанистическом языковом оформлении поддерживает и укрепляет позитивную осознанную самоидентификацию – как общенациональную, так и территориальную. По утверждению М. Зиновьевой, комплекс национальных идентификаций русских обнаруживает себя через анализ типологии русских *пространств*: природы, экономики, политики, истории, этнографии, конфессии, художественной культуры и т. д. [Зиновьева 1999: 124–125]. Очевидно, сюда же может быть включено и русское урбанистическое пространство – языковая, речевая ткань, обнаруживаемая в общении города с его жителями.

По этому поводу показательна позиция российских социологов-урбанистов, обращающих внимание на проблему разобщенности, формируемой городской средой, и предупреждающих, что отсутствие чувства включенности в единое социальное и коммуникативное пространство препятствует ощущению причастности и возможности самоотождествления с местом проживания. Развивая идеи креативного города Ч. Лэндри, исследователи призывают к правильной оценке ресурсности территориальной идентичности как фактора социальной активации и мобилизации: «Территориальная идентичность индивида означает принятие ответственности за благополучие места жительства, соотнесение своих интересов и устремлений с интересами и устремлениями города» [Чернявская 2011: 24–25, 274; см. также: Желнина 2015].

В нынешних российских городах лексические знаки-урбанонимы (эмоционально окрашенные, экспрессивно-игровые, оценочно-регулятивные, с оттенком родственно-дружеской фамильярности) обеспечивают эффект причастности к «своей» национальной лингвокультурной среде, соответствуют установкам русской коммуникативной культуры и все чаще выступают маркерами об-

раза места для общения в кругу «своих», «посвященных» – то есть тех, кто осведомлен относительно регламента и тональности такой коммуникации и готов принять в ней участие.

По мысли В. Карасика, «множество осознаваемых и неосознаваемых ориентиров поведения, концентрированного опыта, прецедентных явлений лежит в основе любого коммуникативного действия», именно «культура задает стандарты поведения и определяет границы креативности индивидуума. Любой акт коммуникации есть подтверждение идентичности культурно-языкового сообщества» [Карасик 2007: 333–334].

Завершая анализ коммуникативно релевантных русских вербальных ресурсов, можно констатировать, что распространенность в русском общении интенсифицирующих лексических средств, элементов родственного кода, стремление к нюансировке разнообразных оттенков говорения как основы интерперсонального взаимодействия, своеобразные языковые черты городского пространства – все это манифестации коммуникативной культуры, для которой особенно актуальна идея «соучастного бытия», значим «идеал взаимности» [Владимирова 2015], что обеспечивается общением среди «своих», в то время как вербальное взаимодействие с «другими» русским дается сложнее. «Другому» следует преодолеть барьер формальности и, по возможности, стать «своим», иначе ему чрезвычайно трудно не только в полной мере ощутить глубокие и привлекательные стороны русского межличностного общения, но даже и поверить в неременное их наличие.

Глава 3. Очерк литовской коммуникативной культуры в сопоставлении с русской⁴³

*Ты литовка, поэтому должна
вести себя образцово...*

(ИЗ РАДИОИНТЕРВЬЮ)

§1. Коммуникативный портрет литовцев в связи с понятием «национальный характер»

Социальные психологи говорят о том, что общение, которое по сути своей неразрывно связано с поведением, является центральной категорией, позволяющей изучить многие аспекты этнической психологии [Петрова 2003: 223]; отмечается также, что не только вербальную, но и невербальную коммуникацию регламентируют социальные нормы, вытекающие из особенностей национального характера народа [Залюбовская 2003: 244].

Отношение ученых к понятию «национальный характер» неоднозначно – в первую очередь, отмечается возникающая опасность излишнего обобщения и стереотипизации национальных моделей поведения [об этом: Allik, Mõttus, Realo и др. 2009; Стефаненко 2003, 2012; Кон 2003; Гачев 1988 и др.]. Тем не менее, это понятие вполне применимо как общий термин для обозначения системы ценностей, психологического склада, проявлений менталитета нации [Леонтович 2005: 155–156]. Сходного мнения придерживается литовский этнолингвист А. Гудавичюс (A. Gudavičius), начинающий одну из глав книги «Этнолингвистика» уравниванием менталитета и народного характера („Tautos

⁴³ В этой главе использованы материалы статей [Лихачева 2010; 2007а; 2007b; 2005].

mentalitetas (tautinis charakteris“) [Gudavičius 2000: 151]. Анализ работ литовских философов, культурологов, социологов разных периодов также показывает, что различные трактовки понятия «национальный, или народный характер» не отменяют признания того, что «присущие народам композиции психических свойств, именуемые характером народа или индивидуальностью народа, существуют» (*tautomis būdingos psichinių savybių kompozicijos, vadinamos tautiniu charakteriu arba tautine individualybe, egzistuoja*) [Žakaitis 2011: 37].

Очень точное определение национального характера приведено в книге К. Касьяновой «О русском национальном характере»: «Это «общество внутри нас», существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний» [Касьянова 1994]. Обыденное сознание воспринимает существование национального характера как аксиому:

Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде, даже самого краткого. Оно укрепляет убеждение, что люди этой общности во многих отношениях сильно отличаются от нашей: об этом свидетельствуют черты их жизни и быта, порой даже внешний облик людей, их поведение и пр. У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия или они проистекают из одной общей и глубокой причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном характере? Может быть, поняв этот характер, мы без труда поймем все особенности данного народа? Национальный характер оказывается ключом к объяснению жизни народа и даже его истории (Н. Ерофеев, 1982 – цит. по: [Тер-Минасова 2000: 137]).

Собственно филологическими источниками, подтверждающими существование национального характера, могут служить фольклорные произведения, национальная классическая литература, анекдоты, осно-

ванные на стереотипном представлении о том или ином народе, национальный язык, названный русским философом И. Ильиным «фонетическим, ритмическим и морфологическим выражением народной души» [об этом: Тер-Минасова 2000: 146–147].

Литовская исследовательница С. Папаурелите-Кловене (S. Paupurėlytė-Kloviėnė) также полагает, что реальность феномена национального характера, еще до выделения его конкретных черт, доказывается собственно языковыми конструкциями, которыми различные аспекты духовной жизни вербализуются в литовских текстах: *литовский характер, литовский менталитет, литовская мораль, литовская нравственность, литовский дух, душа и сердце* (*lietuviškas charakteris, lietuviškas mentalitetas, lietuviška moralė, lietuviška dorovė, lietuviška dvasia, siela ir širdis*) [Папаурėlytė-Kloviėnė 2009: 246].

Литовская коммуникативная культура и коммуникативное поведение как целостная система пока не описаны, однако понятие «коммуникативное поведение» (в литовском варианте *komunikacinis elgesys*) используется в работах, посвященных отдельным аспектам коммуникативного поведения: например, в двуязычной статье Й. Паужи [Pauža 2007] о формировании адекватного коммуникативного поведения учителя, работающего в поликультурной аудитории; в статье Е. Мацявичюте [Macevičiūtė 2005] о коммуникативном поведении литовских менеджеров во время официальных и домашних приемов иностранных гостей; в диссертации И. Бальчюнене [Balčiūnienė 2009], с помощью лонгитюдного наблюдения анализирующей влияние коммуникативного поведения родителей на усвоение ребенком грамматических структур родного языка и др.

Согласно положениям социальной психологии, каждая этническая группа является уникальной, но в то же время представленная в ее национальном характере и воспринимаемые как ти-

пичные черты в большей или меньшей степени присущи и другим народам. «Уникальна структура характерологических особенностей нации. Но все элементы, входящие в эту структуру, являются общими» [Кон 2003: 143–144]. Поэтому, говоря об отражении национального характера в литовской коммуникативной культуре, мы имеем в виду не некие уникальные, не обнаруживаемые у других народов проявления, а лишь степень их значимости в общении литовцев между собой или с представителями других народов. Иными словами, представляется важным определить комплекс коммуникативно релевантных черт, связанных с национальным характером литовцев. Однако, как и любая национальная специфика, своеобразие национального характера народа отчетливо проявляется лишь на фоне сравнения с национальным характером другого народа. Этот тезис четко сформулирован литовским философом Р. Григасом (R. Grigas):

Так же, как и в менталитете, в национальном характере аккумулируются человеческие ценности, которые в чистом виде ни один исследователь не может нащупать, не может прикоснуться к ним, – они проявляются в виде конкретных чувств, в оформлении мыслей и особенно в поведении, деятельности. В осознании и описании того и другого явления особая роль принадлежит не «своему», а «другому» миру. Только в сравнении с этим «другим» миром и благодаря его познанию национальный характер выводится из состояния «вещи в себе» и превращается в объект <...> анализа...» (*Kaip ir mentalitete, nacionaliniame būde yra akumuliuotos žmogiškosios vertybės, kurių grynojo pavidalo joks tyrėjas negali paliesti, apčiuopti – jos pasireiškia konkrečiomis žmogaus jausmų, minčių raiškos ir ypač elgsenos bei veiklos formomis. Ir vienam, ir kitam reiškiniui suvokti bei išriškinti, ypatingas vaidmuo priklauso ne „savajam“, o „kitam“ pasauliui. Tik lyginimo su tuo „kitu“ pasauliu ir jo pažinimo dėka nacionalinis būdas išvedamas iš „daikto savyje“ būsenos, pavirsta svastyčių <...> objektu*) [Grigas 2002: 10].

В настоящей книге в качестве этого «другого» мира выступает мир русской коммуникативной культуры.

Для анализа черт, которые сами литовцы считают определяющими в их национальном характере и способах общения, отличающими их от других народов и, в частности, от русских, воспользуемся фрагментами из высказываний ученых, журналистов, политиков, участников интернет-форумов, публикаций и комментариев к ним, где обсуждаются вопросы литовского характера и литовской менталитета, в том числе – с элементами самокритики и самоиронии.

- Основной чертой литовского национального характера, очевидной в сравнении с русским характером, и, соответственно, основной коммуникативной установкой литовцев, может быть названа сдержанность (*santūrumas*) [см. Urbanavičius 2013; Papatūrytė-Klovienė 2009; Паужа 2007 и др.]. Не случайно *литовская сдержанность* как устойчивая, но неоднозначно оцениваемая национальная характеристика, постоянно упоминается в медийных публикациях, напр.: “Литовская сдержанность – против итальянского темперамента” (“Lietuviškas santūrumas – prieš itališką temperamentą”) – о проигрыше литовских танцоров в конкурсе по спортивным танцам [kauno.diena.lt]; “Покой и сдержанность – литовский стиль” (“Ramybė ir santūrumas – lietuviškas stilius”) [jurgosblogas.lt]; “Амбиции расширения бизнеса в Литве – по-литовски сдержанные” (“Lietuvos verslo plėtros ambicijos – lietuviškai santūrios”) [Spinter tyrimai 2016] и т.п.

В работах литовских авторов отмечается существенный для понимания различий в русском и литовском характерах момент, получивший отражение в фольклорных жанрах:

[Д]аже сказки литовцы и русские рассказывают по-разному. Стиль литовских сказок отличает благородство и гораздо большая сдержанность (выделено мной – А.Л.). Литовцы – смиренны и даже

самую жестокую реальность жизни передают мягко. Зло надо оплакать, а не бороться с ним» (...net tas pačias pasakas lietuviai ir rusai pasakoja skirtingai. Lietuvių pasakų stilius – kilnus ir daug santūresnis. Lietuviai – romūs ir net žiaurią gyvenimo realybę išreiškia švelniai. Blogi reikia apraudoti, o ne su juo kovoti) [Saulytis].

К подобному выводу приходит литературовед и публицист из эмигрантской среды Ю. Бразайтис (J. Brazaitis), сопоставивший литовский и русский варианты аналогичных сказок: он говорит об умеренности литовской сказки (*lietuviškos pasakos saikingumas*), о стремлении к более мягкому, непрямому повествованию (*pastangos surasti būdą pasakyti tuos pačius dalykus švelniau, aplinkiniais, netiesioginiais žodžiais*), чем в русских сказках [Brazaitis 1961]; ср. также характеристику Р. Григаса: «наша склонность к лиризму» (*mūsų polinkis į lyrizmą*) [Grigas 2003].

[eskizai.org/paveiksleliai/]

Не случайно одним из традиционных воплощений «литовскости» является деревянная фигурка Скорбящего Спасителя, называемая в Литве Рупинтоелис – *Rūpintojėlis*: «[У]поминание этого термина у большинства литовцев ассоциируется с символом народа и государства, считается, что через него выражается народный характер, душа литовца» (...tik paminėjus tą terminą, daugumai lietuvių šis atvaizdas pirmiausia asocijuojasi su tautos ar valstybės simboliu, manoma, kad per jį išreiškiamas tautos charakteris, lietuvio siela) (Surdokaitė 2010: 139–140).

В противоположность литовской сдержанности, доминирующим свойством русских считается открытость. Именно эту черту как наиболее яркую в русском характере на фоне нацио-

нальных характеров жителей 49 стран называет международная исследовательская группа, обобщившая мнения почти 4 тысяч респондентов всех регионов России [Allik, Mõttus, Realo и др. 2009: 18]. Интересно, что другое исследование, посвященное стереотипному представлению у жителей шести сопредельных с Россией стран, в том числе Литвы, о себе, своих соотечественниках и русских, демонстрирует парадоксальное, на первый взгляд, явление: в оценках литовцев «типичный» представитель их этнической группы выглядит хуже, чем они сами – в самооценках. При этом, оценивая самих себя выше, чем своих соотечественников, литовцы по некоторым показателям как бы ориентируются на рейтинг, определенный ими же для русских. Так, по признаку «экстравертированность» (*extraversion*) «типичный» литовец оценивается в 46,78 баллов (в работе используется международная шкала, о которой подробнее – в [Realo, Allik, Lönnqvist и др. 2009]), в то время как собственную экстравертированность респонденты оценивают в 53,24, а экстравертированность «типичного» русского – в 51,84 баллов. Признак *легкость/приятность в общении* (*agreeableness*), соответственно – 45,87, 46,93 и 46,51 [там же: 238]. Кроме того, литовцы считают себя *более несчастливymi* (*distressed*) и *менее адаптивными* (*maladjusted*) по сравнению с «типичными» русскими [там же: 245]. В целом результаты исследования позволяют говорить об определенном влиянии доминирующей соседней нации на существующие национальные автостереотипы [там же: 246].

В работах литовских лингвистов также отмечается, что корреляция между открытостью, искренностью и эмоциональностью в литовском сознании связывается именно с русскими⁴⁴:

---

⁴⁴ В связи с этим любопытно мнение, высказанное в интервью «Российской газете» ведущим российских теленовостей, родившимся в Литве и регулярно здесь бывающим, москвичом Эрнестом Мацкявичюсом. С его точки зрения, русские в

Открытость неотделима от эмоциональности и искренности, которые в литовской языковой картине мира также приписываются русскому национальному характеру (*Atvirumas neatsiejamas nuo emocionalumo ir nuoširdumo, kurie lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje taip pat priskiriami rusų nacionaliniam charakteriui*) [Papurėlytė-Klovienė 2010].

Представителями западных культур коммуникативная открытость русских воспринимается как безосновательная фамильярность:

Для подобного контакта с другим человеком им (европейцам – А.Л.) понадобилось бы гораздо больше усилий и времени. Откровенные рассказы русских «о жизни» или о своих переживаниях (в том числе и интимных) они воспринимают как покушение на свой душевный покой и равновесие, как своего рода психологическую агрессию. <...> Для них это не ценность, а своего рода психологическая незрелость, инфантильность, вариант душевного стриптиза. Словом, они гораздо более замкнуты и сдержанны, чем средний россиянин» [Сергеева 2006b: 161].

Литовская коммуникативная культура в данном случае в большей степени тяготеет к западноевропейскому стандарту и к соблюдению принципа личной автономии, для литовцев важна защита границ «своего» пространства [об этом: Zavjalova, Ryžakova 2004:

большой степени, чем литовцы, открыты и в национальном вопросе: «Меня всегда воспринимали как литовца из-за внешности и такого вильнюсского говорка, который свойственен даже русскоязычным людям, живущим в Вильнюсе. Этот говорок казался акцентом, и меня считали чистокровным литовцем. – Не испытывали ли вы когда-нибудь негативного к себе отношения? – Наоборот, только доброжелательное. <...> В Литве люди более сдержанны. Там ощущается определенная национальная разобщенность. На улице и русские, и литовские дети играли вместе, но когда русские ребята приходили в гости в литовские семьи, то со стороны родителей возникала некоторая настороженность. Но это не проявление национализма, скорее, особенность национального темперамента» [Лебедева 2005].

26]. По данным 2007 г., 38,5% опрошенных литовцев считают закрытость своим наиболее типичным качеством [Žakaitis 2011: 38].

- Внутренней сдержанностью обусловлена и такая установка литовской коммуникативной культуры, как соблюдение формальной вежливости:

По-настоящему культурный человек всюду и всегда ведет себя сдержанно, общается со всеми вежливо. Стараются никому не надоедать, никого не обижать (*Tikrai kultūringas žmogus visur ir visada laikosi santūriai, bendrauja su visais mandagiai. Stengiasi niekam neįkyrėti, kitų neužgaulioti*), – пишет на своем интернет-сайте учитель одной из литовских гимназий [Urbanavičius 2013].

Ср. также: В общении славян больше энергетика. Мы боимся громче говорить, смеяться и т.п. (*Slavų bendravime daugiau bendravimo energetikos. Mes bijome garsiau kalbėti, juoktis ir t. t.*) [Žinių radijas]⁴⁵.

В русском общении формальной вежливостью часто пренебрегают: например, у русских не принято долго и развернуто извиняться, позволяется грубый тон со всеми категориями собеседников, в связи с чем многие представители западноевропейского коммуникативного стиля отмечают неэтикетность русского общения [об этом: Стернин 2004: 11–13]. Вместе с тем грубость ни в коей мере не поощряется русской коммуникативной культурой, и на рефлексивном уровне имеет в русском сознании отрицательную оценку, однако на уровне реального общения эта установка

---

⁴⁵ Ср.: «Внешне литовцы кажутся более спокойными и сдержанными, но на самом деле внутри бурлят страсти <...> люди в Москве более открытые и эмоциональные. В Литве, например, люди едут в автобусах в полнейшей тишине, все друг друга стесняются. А в Москве шумно разговаривают, ругаются, кто-то громко компостирует талончик, а кто-то даже песни поет» (из интервью с Э. Мацкявичюсом [Лебедева 2005]).

легко забывается, грубая речь воспринимается как «вынужденная и допустимая мера воздействия – *довели меня*» [там же: 13]. Схожее объяснение неоднозначной оценке грубости носителями русской коммуникативной культуры предлагается В. Дементьевым. Он пишет об отмечаемой представителями западных культур агрессивности в русском общении, что обусловлено отсутствием запрета на грубые слова:

[В] русской культуре, в отличие от многих других, как будто бы отсутствует и запрет на некоторые п р я м ы е ситуации агрессивного коммуникативного поведения – если обращение к «грубым словам» продиктовано *дружескими* чувствами – ср. паремии типа *милые бранятся – только тешатся*. Это дружеское чувство обязательно: без него такое же по форме агрессивное поведение однозначно осуждается [Дементьев 2013: 254].

- В рассуждениях литовцев об идеальном национальном характере ключевыми являются понятия «нравственность», «мораль» (*dorovė, moralė*) [Papaurelytė-Klovienė 2009]. В официальном и обыденном общении это должно проявляться в соблюдении определенных, одобряемых обществом, норм и приличий. Для литовцев важно, чтобы те, с кем им приходится общаться, вели себя, «как положено», однако едва ли не более существенно для них самих не выходить за рамки приличий и научить этому своих детей. Например, литовка, с десятилетнего возраста живущая в Америке, куда эмигрировала ее семья, рассказывает в радиоинтервью, что с детства слышала от родителей разные варианты одного и того же наставления:

Ты литовка, поэтому должна вести себя примерно... Ты должна быть образцовой... Твое поведение должно быть образцовым (*Tu esi lietuvaitė, tad turi elgtis pavyzdinai... Tu turi būti pavyzdinga... Tavo elgesys turi būti pavyzdingas*) [Lietuvos radijas].

Литовцы придают большое значение мнению о них окружающих. Забота об этом в большой степени детерминирует внесемейное общение и поведение литовцев (семейное, по-видимому, тоже, но это требует отдельного изучения) и серьезно ограничивает их эмоциональные проявления. Всегда вести себя примерно – это и значит, по мнению литовцев, быть образцовым литовцем: нравственным, порядочным, доброжелательным человеком, соблюдающим этикетные нормы, не вызывающим претензий у окружающих.

В 2007 г. в журнале “Baltic Outlook” была напечатана статья преподавателя Вильнюсского университета, американца Вильяма Пэйна (W. Payne) “Laughing and Dancing in New York and Vilnius” («Смеемся и танцуем в Нью-Йорке и в Вильнюсе»). Автор пишет⁴⁶:

Возвращаясь в Нью-Йорк после пребывания в Вильнюсе, я всегда испытываю некоторый культурный шок. <...> В Нью-Йорке индивидуализм и отсутствие конформизма есть норма жизни. Каждый божий день вы можете столкнуться с бабушкой, щеголяющей с торчащими вверх волосами, серьгой в ноздре и в кожаных брюках в обтяжку⁴⁷. Вряд ли кто-то этому удивится или станет комментировать. Одеться так в Литве – в любом возрасте – это настоящий вызов. Требуется сильная воля, чтобы не обращать внимания на насмешливые взгляды окружающих или чтобы подавить внутреннее беспокойство из-за того, что состояние твоего рассудка может вызывать у них сомнение. <...> В то время, как жителей Нью-Йорка можно обвинить в чрезмерном усердии выделиться из толпы, здесь люди часто ощущают сковывающее давление: надо не привлекать к себе внимания и вести себя в точности так, как все вокруг. Трудно установить, в чем корни этого явления, следствие ли это литовско-

⁴⁶ Из-за большого объема цитаты текст приводится лишь в моем переводе.

⁴⁷ Этой яркой особенностью нью-йоркской жизни посвящен документальный фильм «Всегда стильные» (2014) („Amžinai stilingos“), снятый литовкой Линой Плэплите (Lina Pliplytė).

го деревенского быта или советского коллективизма. Как бы там ни было, но никогда в жизни мне не указывали, как я должен ходить, жевать, одеваться, зевать и даже дышать, – так, как меня наставляли в Вильнюсе. Почти каждое утро, собираясь в Вильнюсский университет на работу, я слышал высказывания: «Ты что, с ума сошел? Ты что, хочешь, чтобы над тобой смеялись? В Литве так не одеваются!» Сначала я воспринимал это как идиосинкразию моей литовской подруги, вероятно, обладавшей хорошим вкусом. Но она утверждала, что «делать, как все» есть часть понятия «быть литовцем» [Рауне 2007: 74–75].

Вильям Пэйн охарактеризовал культурные различия между двумя городами, которые легко транспонируются и на российские города, и в таком случае полученная оппозиция охватывает не только литовцев, но и русских, для которых, возможно, в несколько меньшей степени, но все же характерна «постоянная оглядка на то, «что скажут или подумают о них другие люди» [Сергеева 2006а: 83]⁴⁸.

Косвенное объяснение культурного шока, описанного Пэйном, можно найти в монографии «Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения»:

Американцы достаточно терпимы к проявлению различий, в связи с чем многие нормы (например, касающиеся внешнего вида) менее жестки, чем в российском обществе. Поэтому американцев, приезжающих в Россию, оскорбляет манера русских рассматривать их на улице или в общественном транспорте [Леонтович 2005: 295–296].

Кроме того, наличие речевого акта замечания, его частотность в коммуникативном поведении позволяют квалифицировать как литовское, так и русское общение как регулятивные, в то время как в американском коммуникативном поведении речевой акт за-

⁴⁸ Ср. также ценностные установки английской культуры «Следует вести себя умно» и русской – «Следует вести себя красиво» [Карасик 2004: 172].

мечания практически не представлен; то же можно сказать и о непрошенных советах [Шилихина 1997; 2004].

- Регулятивность в литовском коммуникативном поведении имеет свои особенности. Так, при общении с незнакомыми или малознакомыми людьми литовцы в большинстве случаев избегают прямого, непосредственного выражения собеседнику своих претензий, недовольства, осуждения, однако считают своим долгом и правом высказывать критику в отношении третьих лиц, не соответствующих, по их мнению, общественным представлениям о порядочности или о каких-либо других положительных качествах человека. В работе С. Папаурелите-Кловене это качество обозначено как литовское морализаторство, или праведничество (*lietuviškas teisuoliškumas*) [Papaurėlytė-Klovienė 2009: 251].

Российские исследователи также отмечают, что у русских совершенствование деятельности и поведения других воспринимается как естественное, нормальное явление. Подобное поведение объясняется такими чертами русского национального характера, как «стремление к правдоискательству и бескомпромиссность в оценке поведения окружающих» (К. Касьянова, 1994 – цит. по [Шилихина 2000]). Но существенное отличие русского коммуникативного поведения от литовского заключается в том, что в русском общении преобладает прямая регулятивность:

Русский человек может открыто, в лицо предъявить претензии как знакомому, так и незнакомому ему человеку, может потребовать соблюдения определенных норм или правил, например, «А почему вы...». С точки зрения западноевропейцев, русские постоянно вмешиваются в дела других людей [Стернин 2004: 15].

В литовской коммуникативной культуре актуальные для литовцев представления о соблюдении приличий способствуют

определенной поведенческой самоцензуре и косвенной регулятивности, при которой в большей степени проявляется непрямая (например, в виде «безадресных» комментариев, замечаний, укоров, намеков) коррекция поведения других. В литовском общении не принято резко и категорично выражать свое отношение не только к собеседнику, но и к обсуждаемым предметам или событиям [см. об этом: Kučinskaitė 1990; Urabanavičius 2013]. Соответственно, для литовцев в меньшей степени приемлемо характерное для носителей русской культуры коммуникативное давление, т.е. коммуникативная тактика, направленная на достижение цели общения любыми средствами, на подавление мнения собеседника и изменение его поведения в соответствии с интересами говорящего. Такое давление может оказываться вербальными и невербальными средствами, независимо от социального статуса коммуникантов [Шилихина 2000].

- Внешняя уступчивость и осторожность в литовском характере прямо коррелируют с присущими литовцам упрямством (*lietuviškas užsispyrimas*), подозрительностью (*įtarus lietuvių charakteris*) и недоверчивостью (*lietuviai nepatiklūs*), о чем упоминается и в автохарактеристиках литовцев [Papurėlytė-Klovienė 2009]. Ср. также:

Мы настроены слишком критически, слишком часто ищем темные стороны во всем. Мы подозрительны (*Mes esame per kritiški, per dažnai ieškome tamsumo visuose dalykuose. Esame įtarūs*) [Šimtininkaitė 2012];

Литовцы думают, что все хотят их обмануть (*Lietuviai mano, kad visi nori juos apgauti*) [Žinynėlis];

Литовцы упрямо противятся любым попыткам навязать что-либо со стороны <...> интуитивно сопротивляются внешнему давлению (*Lietuviai atkakliai priešinasi bet kokiems mėginimams primesti ką nors iš išorės <...> intuityviai priešinasi išoriniam spaudimui*) [Saulytis];

Мы гораздо лучше выглядим с точки зрения иностранцев, чем в своих собственных глазах. Мы интересные, порядочные люди, только очень упрямые, придерживаемся дурацких установок, которые не хотим менять (*Mes atrodome daug geriau kitataučių akimis negu savo pačių akimis. Esame įdomūs, dori žmonės, tik labai užsispyrę, laikomės kvailų nuostatų, kurių nenorime keisti*) (известная телеведущая Эдита Милдажите (E. Mildažytė) в интервью [ve.lt/naujienos/]).

Изменение собственной позиции под чужим давлением, так же, как и вступление в конфликт, рассматриваются литовцами как риск, которого лучше избежать. В этом отношении, по мнению американского культуролога Дина Фостера (D. Foster), литовцы сходны с эстонцами и латышами: нелюбовь к риску свойственна всем балтам [Foster 2004: 207]. На это же качество указывают и литовские исследования:

[Л]итовцы уступчивы, податливы, не придают особого значения собственной персоне, склонны к примирению <...> С другой стороны, эти качества по существу не являются негативными, поскольку иногда позволяют избегать конфликтов (...*lietuviai yra nuolankūs, nuolaidūs, taigi, labai nesureikšmina savo asmenybės svarbos, linkę nusileisti <...> Kita vertus, savybės nėra iš esmės blogos, nes kartais leidžia išvengti konfliktų*) [Papurėlytė-Klovienė 2009: 246].

В противоположность литовцам, русские в общении часто проявляют безапелляционность и категоричность в выражении несогласия или формулировке проблемы:

Русским непонятна европейская манера «не замечать» что-то неприятное, что не соответствует нормам поведения и морали, не реагировать на это ни взглядом, ни словом, ни действием. Они считают «делом чести» активно вмешаться, прокомментировать, «исправить ситуацию». Бездействие в неподобающей ситуации расценивается ими как знак трусости, равнодушия и эгоизма, что

традиционно в России считается скверными человеческими качествами [Сергеева 2006а: 83].

Ценность бесконфликтного общения для русского обыденного сознания не столь значительна, как для представителей западного коммуникативного стандарта (И. Стернин 2001 – об этом [Леонтович 2005: 161]), к которому в определенной степени можно отнести литовское нормативное коммуникативное поведение⁴⁹.

- Эмоциональность – еще одна существенная черта литовского характера, заметно проявляющаяся в литовской коммуникативной культуре. Но по сравнению с открытой русской эмоциональностью у литовцев это качество выражено умереннее.

В данном случае показателен взгляд со стороны представителя западной коммуникативной культуры. Описывая культурную специфику народов разных стран мира, Дин Фостер отмечает, что балтийские народы в общении опираются на довольно широкий контекст, осторожно относятся к новым связям и раскрываются лишь в долговременных взаимоотношениях, а их сомнения выдает даже стиль речи. Но по сравнению с эстонцами и латышами литовцев можно назвать наиболее открытыми и разговорчивыми, более прямолинейными, теплыми и эмоциональными [Foster 2004: 208–209]. Характеризуя русских, Фостер также обращает внимание на зависимость их стиля общения от контекста, что выдает даже меняющийся диапазон голоса (от нежного до драматично-

---

⁴⁹ Литовская установка на бесконфликтность хорошо иллюстрируется мнением бывшего гражданина России, ныне живущего в Литве: «Повздорил с литовским жителем... Всякое бывает. Были разные мнения, жаркий спор... Прошло полгода. Житель подошел и попросил прощения за то, что был излишне эмоционален... И я попытался вспомнить, когда же у меня кто-нибудь в России прощения попросил... Не вспомнил...» [Мохин 2015].

го) и активность жестикуляции. Отмечается прямолинейность и открытость русских в проявлении чувств и эмоций: не считается невежливым повысить голос, если того требуют обстоятельства, русские прямо говорят о том, что им что-то не нравится [там же: 408–410]. Таким образом, Д. Фостер усматривает определенную близость в коммуникативных проявлениях русских и литовцев: зависимость общения от контекста, оценочность, эмоциональность. Тем не менее, последнее качество в сравниваемых коммуникативных культурах проявляется в разной степени: русская эмоциональность, в восприятии ученого, превышает западные стандарты, литовская же выделяется на фоне того, что наблюдается у балтийских соседей.

По мнению литовцев, их эмоциональность слабо подкреплена внутренней решимостью, волей, зависима от внешнего окружения (*viduje lietuvis neturi pakankamai ryžto, valios, kuri galėtų jo emocijų pasaulį paremti*) [см. Genys 2016]. Очевидно, это одна из причин того, что проявления коммуникативной эмоциональности у литовцев чаще всего ограничены представлениями о приличиях, о стандартах поведения в обществе. Переходя эти границы, литовцы испытывают стыд, неловкость, либо, будучи не в состоянии совладать с собой, все-таки проявляют «литовские эмоции – ярость, исступление» (*lietuviškos emocijos – įtūžis, įniršis*) [BTV]⁵⁰. Неудиви-

⁵⁰ Именно такие эмоции отмечает в себе Э. Мацявичюс (о нем – см. сноску 44), отвечая в интервью на вопрос: «В чем проявляется Ваш литовский характер?»: «Если вывести меня из себя, все накопленное внутри быстро доходит до критической линии и запускается смертельный электрический разряд – в течение 5-10 минут я не помню себя от ярости. А потом всё проходит, и снова можно накапливать» [Лебедева 2005].

Схожими самонаблюдениями делится российский актер Сергей Пускепалис, выросший в семье болгарки и литовца: «Отец, как положено литовцу, был сдержанным, но внутренне очень эмоциональным, а мама просто излучала радость жизни. Кого во мне больше? Я, как тот король у Григория Горина: то один во мне

тельно, что эмоциональность как национальная черта воспринимается литовцами неоднозначно:

Эмоциональность, может, и украшала бы наш национальный характер, если бы ее уравнивали рациональные, хорошо интегрированные и целенаправленные действия. Если бы эмоциональность литовца не проявлялась как всплески радости индивидуалиста, отмежевывавшегося от коллективного дела, или как другая крайность – причитания пессимиста...» (*Emocionalumas gal ir puoštų mūsų nacionalinį charakterį, jeigu jį atsvertų racionalūs ir gerai integruoti bei kryptingai organizuojami veiksmai. Jeigu lietuvių emocionalumas nepasireikštų nuo kolektyvinio veiksmo atsiribojančio individualisto džiugesio plūpsniais arba kitu kraštutiniu – pesimisto aimana...*) [Grigas 2003].

• Своеобразные проявления литовской эмоциональности можно усмотреть в большем, чем у русских, коммуникативном пессимизме литовцев. Так, для литовцев характерно желание поплакаться и посетовать на жизнь (*mūsų lietuviškas charakteris toks, kad reikia paverkti ir pasiguosti*), чрезмерная самокритичность (*lietuviams būdinga savigrauža* – букв. ‘самоедство’) [Lietuvos radijas]. В социологических исследованиях литовской идентичности также отмечается, что при ответах на вопрос «Что для вас значит быть литовцем?» (*Ką jums reiškia būti lietuviu?*) респонденты отмечают, среди прочих, коммуникативно значимую черту национального характера – слишком большую дозу пессимизма (*per didelė pesimizmo dozė*) [Taljūnaitė 2006: 13].

заговорит, то другой. Например, могу взорваться, столкнувшись с глупостью» (*Tėtis, kaip ir dera lietuviui, buvo santūrus, bet viduje labai emocingas, o mama tiesiog tryško gyvenimo džiaugsmu. Kurio manyje daugiau? Aš kaip tasai Grigorijaus Gorino karalius: tai vienas manyje prabyla, tai kitas. Pavyzdžiui, galiu užsipliksti, susidūręs su kvailumu*) [faktai.lt].

Журналистка Лайма Лавасте (L. Lavaste) назвала одну из глав своей иронической книги-инструкции «Мы. Литовцы: учебник, как понимать литовцев и пользоваться ими» („Mes. Lietuviai: vadovėlis, kaip suprasti lietuvius ir jais naudotis“) «Рожденные быть несчастными» („Gimę būti nelaimingi“) [Lavaste 2012: 146–147].

В статье под названием «Ты счастлив? Конечно, нет. Ведь ты – литовец» („Ar Tu laimingas? Aišku, kad ne. Juk Tu – Lietuvis“) с сожалением констатируется, что в мире литовцы воспринимаются как грустные, всегда чем-то недовольные, завистливые (*pasaulis jau žino, kad lietuviai yra liūdni, nuolat kažkuo nepatenkinti, pavydūs*) [Šimtininkaitė 2012].

- Устойчивый национальный пессимизм не может не вызывать у литовцев беспокойства, однако наиболее неприятной характеристикой для них чертой сами литовцы считают завистливость (см., напр., интервью с поэтом Томасом Венцловой [Laučius 2007]; с писательницей Р. Шерелите [Šerelytė 2006 и др.]). «Диагноз – литовец: зависть» (*Diagnozė – lietuvis: pavydas*) – так был назван радиоанализ понятия *литовскость* (*lietuvybė*) [Lietuvos radijas]. Ср. также автохарактеристики литовцев в интернет-публикациях, ориентированных на иностранцев, напр.:

Литовцу грустно, если у соседа все хорошо (*Lietuviui liūdna, kai kaimynui sekasi*);

Литовская поговорка «Друг познается в беде» на самом деле означает, что настоящей друг должен быть в беде (*Lietuviška patarlė “Draugą nelaimėje pažinsi” iš tikrųjų reiškia, kad tikras draugas turėtų būti nelaimėje*) [Žinynėlis nepažįstantiems lietuvių] и т.п.

Апелляцию к чувству зависти видим и в названиях публикаций:

Как удобрять огурцы, чтобы урожаю и сосед позавидовал (*Kaip tręšti agurkus, kad derliaus ir kaimynas pavydėtų*) [manonamai.lt];

Другой день рождения со столичной баскетбольной школой, которому позавидуют все гости (*Kitoks gimtadienis su SKM, kurio pavydės visi svečiai*) – о возможности необычно и в спортивном духе отметить день рождения ребенка [skm.lt];

Kokio vasaros savaitgalio su šeima Jums pavydėtų draugai?

Tradiciniu tapęs tobulėjimo savaitgalis šeimai vyks ir šią vasarą!

Jau trečią vasarą iš eilės organizuojamas ne šiaip įprastas dviejų dienų seminaras, tačiau smagus, linksmas ir tuo pačiu naudingas savaitgalis visai šeimai gamtoje, kaimo turizmo ir poilsio sodyboje.

(‘Какому вашему летнему семейному уик-энду позавидовали бы друзья?’)⁵¹

[saviugdosmokykla.lt].

По мнению Лаймы Лавасте, литовцы счастливы только тогда, когда ощущают зависть к себе:

Литовцу недостаточно того, чтобы ему было хорошо. Нужно, чтобы еще и другому было плохо. <...> Такова литовская формула счастья. <...> Зависть для нас, литовцев, – это двигатель, толкающий нас вперед, заставляющий постоянно бдительно отслеживать ситуацию вокруг и хотя бы на время забывать о своих бедах... (*Lietuviui negana, kad jam būtų gerai. Reikia, kad dar ir kitam būtų blogai. <...> Tokia esanti lietuviška laimės formulė. <...> Pavydas yra mūsų, lietuvių, variklis, stumiantis mus į priekį, verčiantis nuolat budriai stebėti situaciją aplinkui ir nors trumpam pamiršti savo bėdas...*) [Lavaste 2012: 143–144].

Следует обратить внимание на то, что зависть – эмоция по сути «немая», сопровождающаяся аффективными переживаниями и не предполагающая обязательной вербальной дискредита-

⁵¹ Поразительно, что здесь идея зависти рекламируется школой самосовершенствования, и таких заголовков немало.

ции объекта зависти. В этом случае с очевидностью проявляется установка литовской коммуникативной культуры на соблюдение определенной дистанции между коммуникантами. Можно предположить, что чувство зависти у литовцев возникает вследствие осознания проницаемости персональных границ, как реакция на «покушение» на их личную зону психологического комфорта, что, естественно, крайне отрицательно воспринимается представителями во многом индивидуалистической коммуникативной культуры. Впрочем, сегодняшний литовский индивидуализм может быть охарактеризован как деформированный (*deformuotas individualizmas*) из-за сопутствующего ему состояния апатии, разочарования, равнодушия к окружающим и к общественным проблемам в целом [об этом: Grigas 2003].

- Исследователи также отмечают такие противоречащие эмоциональности коммуникативные проявления литовцев, как взаимная отчужденность (*tarpusavio susvetimėjimas*), равнодушные (*abejingumas*) [Papaurelytė-Klovienė 2009: Grigas 2003], синдром закрытых разобщенных людей и недостаточная готовность оказать помощь (*uždaryų susvetimėjusių žmonių sindromas, padedančiojo elgesio stoka*) [Lietuvos radijas]. Эти особенности своего коммуникативного поведения литовцы оценивают критически:

Литовцы мало интересуются окружающими, друзьями, их радостями, счастьем или несчастьями, а если и интересуются, то часто лишь по необходимости, неискренне. Литовцы часто скупы на доброе слово или похвалу другому (*Lietuviai mažiau domisi aplinkiniais, draugais, jų džiaugsmams, laimėms ir nelaimėms, o jei ir domisi, tai neretai tik iš reikalo, nenuoširdžiai. Lietuviai dažnai pagaili gero žodžio ir pagyrimo kitam*) [Šimtininkaitė 2012].

• Одновременно с негативными национальными особенностями литовцы в качестве значимых и положительно оцениваемых коммуникативных черт отмечают собственные общительность и гостеприимство:

Литовцы рады общению и ценят его. Отсюда и другое качество – хлебосольство. Угостить другого – не повинность, а возможность пообщаться (*Lietuviai bendravimu džiaugiasi ir jį vertina. Iš to kyla kita savybė – vaišingumas. Pavaišinti kitą – ne prievolė, bet galimybė pabendrauti*) [Saulytis]. См. также [Papurėlytė-Klovienė 2009; Čepaitienė 2007: 257].

Особенно заметными эти качества литовцев становятся в условиях проживания в других культурах, ср.:

[3]а три года проживания в Шотландии я успела заметить, что литовцы гораздо гостеприимнее и хлебосольнее, чем шотландцы (...*per trejus metus gyvenimo Škotijoje aš spėjau pastebėti, kad lietuviai yra daug svetingesni ir vaišingesni žmonės nei škotai*) [Šimtininkaitė 2012].

В русской коммуникативной культуре гостеприимство также является важнейшим императивом⁵², и для русских общитель-

---

⁵² Следует, однако, заметить, что в международных индексах гостеприимства и доброжелательности Россия находится на довольно низких позициях: «Мы занимаем в рейтинге 131-ю строку по степени дружелюбности местного населения к иностранным туристам. Это третье место с конца <...>. Это как-то не очень вяжется с мифом об исконном русском гостеприимстве» [Тарасевич 2009]. При этом русский комплиментарный автостереотип остается вполне устойчивым, об этом свидетельствуют выводы международной компании, производящей в разных странах социологические опросы о предпочтительном туристическом климате: «38 процентов опрошенных россиян уверены в том, что иностранцам будет комфортно в России»; у иностранцев, однако, другое мнение: так, «турки и китайцы отдали русским 9 процентов голосов, англоязычные и скандинавские страны – один процент. Итальянцы и испанцы – 2 процента. Максимум голосовавших признали самыми гостеприимными как раз Испанию, Италию и США» [Фанайлова 2015].

ность хозяев гораздо важнее их хлебосольства, при условии, что общение интересно и искренне [Прохоров, Стернин 2006: 107]. Вообще слова *общение* и *общаться* в значениях, понятных для русских, (в отличие от носителей других европейских языков, – по крайней мере, английского, немецкого – об этом [Зализняк 2005: 280]) несут в себе «идею очень неформального взаимодействия»:

Общаться по-русски значит приблизительно ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’. <...> Слово *общаться* содержит, кроме того, идею некоторой бесцельности этого занятия и получаемых от него *удовольствия* или *радости* (ср. устойчивое сочетание *радость общения*, а также характерные фразы типа *С ним общаться — никакого удовольствия*, *Ты получишь большое удовольствие от общения с ними* и т. п.) [там же: 280–281].

В значении литовского слова *bendrauti* (‘общаться’) содержится то же указание на близкие, теплые отношения – ср. его словарные толкования: ‘приятельствовать, дружить; состоять в отношениях с кем-то’ (*bičiuliauti, draugauti; santykiauti*) [LKŽ]. Вместе с тем, литовцы не склонны к бесцельному, легкомысленному, пустому, с их точки зрения, времяпрепровождению, для них общение есть то же, что для других народов развлечение (*lietuviams bendravimo laikas reiškia tą patį, ką kitų tautų žmonėms pramogos*) [Saulytis]. Возможно, этим объясняется и тот факт, что в Литве практически не представлен национальный анекдотный жанр, не развита современная смеховая и праздничная культура:

Юмор наш народ понимает, некоторые – даже сублимный, но создавать его не умеют. <...> В плачевном состоянии литовского юмора виноваты не ведущие передачи, а менталитет и традиции народа... (*Humorą mūsų tauta supranta, kai kurie net subtilų, bet kurti jo nemoka. <...> Dėl apverktinos lietuviško humoro būklės kalti ne laidų vedėjai, o lietuvių tautos mentalitetas ir tradicijos...*) [Jančys 2013];

Такое же мнение прозвучало в одной из радиобесед «Спасибо, что пришли» („*Ačiū, kad atėjote*“): «(до недавнего времени) Литва в смысле юмора была пустыней, провинцией» (*Lietuva humoro prasme buvo dykynė, provincija*) [ŽR].

В одном из радиорепортажей из Лондона литовский радиожурналист так описал разницу в рождественских настроениях англичан и литовцев:

Англичане умеют праздновать, им не нужны особые поводы для веселья. А литовцам не нужны особые поводы для грусти (*Anglai moka švęsti, tam, kad linksmintųsi, jiems nereikia ypatingų priežasčių. O lietuviams nereikia ypatingų priežasčių, kad liūdėtų*) [LR].

Для литовцев большой коммуникативной ценностью обладает содержательное, духовное общение. Р. Григас не без иронии передает мнение британского специалиста по кросс-культурному взаимодействию Р.Д. Льюиса о стиле литовского общения в сравнении с латышским:

Гостеприимные хозяева могут задержать гостя до утра <...> Покажите им, что вы не бесчувственны. Включитесь в их духовные разговоры – это любимое времяпрепровождение (литовцев). <...> (Для латышей) даже внешнее проявление чувств или легкомысленность могут стать преградой для доверия (*Vaišingi šeiminkai gali užlaikyti svečių iki paryčių <...> Parodykite, kad nesate bejausmiai. Įsijunkite į jų dvasingus pokalbius – tai mėgstamas laisvalaikio užsiėmimas. <...> (Latvians) net išoriškas jausmų reiškimas ar lemgvabūdiškumas gali būti kliuvinys pasitikėjimui*) [Grigas 2003: 27].

Однако даже молодые люди с сожалением говорят о дефиците глубокого общения в нелитовской среде. Например, студентка шотландского университета отмечает, что в этой стране ей не хватает более духовного и глубокого общения:

Разговор с литовцем всегда содержательнее, богаче и интеллектуальнее. <...> Можно даже пошутить, что в то время, как шотландцы наслаждаются сплетнями, обсуждением жизни других людей и другими поверхностными разговорами, литовцы анализируют глобальные проблемы, рассуждают о вопросах мира и свободы (*Pokalbis su lietuviu visada yra prasmingesnis, turtingesnis ir intelektualesnis. <...> Būtų galima net pajuokauti, kad kai škotai mėgaujasi apkalbomis, kitų žmonių gyvenimų aptarimais ir kitokiais paviršutiniais pokalbiais – lietuviai tuo tarpu analizuoja globalines problemas, svarsto taikos ir laisvės klausimus*) [Šimtininkaitė 2012].

Исследователи русского общения также описывают реакцию иностранцев, не понимающих привычной для русских тяги к длительным застольям и посиделкам. Близки к литовским и тематические предпочтения русских – их мало привлекает беспроblemное общение в домашней обстановке или в гостях, свойственное Западу, ср.:

Американцы удивляются и порой негодуют на затягивание русскими общения, русские же обижаются на чересчур краткое общение, которое зачастую демонстрируют американцы. Вместе с тем русские действуют в данном случае как представители коллективистской культуры, в которой общение – важнейшее средство установления отношений, а американцы – как представители индивидуалистической культуры, которые подходят к общению преимущественно прагматически;

«Русская беседа, – пишет английская исследовательница, – всегда нетривиальна – через несколько минут предметом обсуждения становится смысл жизни, может начаться философская дискуссия» [об этом: Прохоров, Стернин 2006: 14, 210].

При этом важно подчеркнуть, что русская компания никогда не ограничивается лишь обсуждением серьезных, глубоких тем. Здесь очень важную роль играет юмор, а бытовая и деловая не-

улыбчивость русских никак не коррелирует с их общением в дружеском кругу:

В этих условиях русское общение становится веселым, доброжелательным и остроумным. <...> Ценятся веселые, жизнерадостные собеседники, рассказчики анекдотов. Если рассказывали много анекдотов, шутили, все много смеялись – это был, с точки зрения русского человека, прекрасный вечер [там же: 217–218].

- Дружеское общение, само понятие «дружба» занимают особое место как в русской, так и в литовской коммуникативных культурах. Именно с друзьями литовцы позволяют себе быть во многом откровенными. Специалисты называют литовцев персоналистами, жаждущими связи не со всеми, а с конкретными, близкими им людьми:

Для литовцев дружба имеет оттенок интимности. <...> Не человечество, а та или иная личность находит путь к сердцу литовца. Литовец не может любить безликое человечество, для выражения любви ему необходим конкретный человек. Это явно видно по тому, как литовцы участвуют в благотворительной деятельности. Анонимная щедрость не так популярна среди литовцев, как в других странах, например, в Германии и Соединенных Штатах. Литовская филантропия помогает не человечеству или народу, а конкретному человеку. <...> Как гуманист, ценящий дружбу и общение, литовец отличается от западного соседа – немца, а как персоналист он сильно отличается от восточного соседа – русского. Последний любит человечество в целом. Персонаж одного из романов Ф. Достоевского прекрасно формулирует эту русскую черту: «Я так люблю все человечество, что мог бы умереть за него, но мне трудно целый день переносить человека в своей комнате»⁵³. Литовец, напротив,

---

⁵³ В цитируемой статье неточно передается диалог-размышление персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» о понятии «деятельная любовь».

ищет человека, которому он мог быть открыт свое сердце и который хотел бы в ответ открыть свое. Русский может быть откровенным с целой толпой, а литовец – ни за что. Чувство общности гораздо более характерно для русских, чем для литовцев. <...> Литовское мировоззрение можно было бы назвать персональным гуманизмом (*Lietuviams draugystės sąvoka turi intymumo atspalvį. <...> Ne žmonija, bet viena ar kita asmenybė atrakina lietuvio širdį. Lietuvis negali mylėti bevedės žmonijos; jam reikia konkretaus žmogaus savo meilei išreikšti. Tai aiškiai matosi iš to, kaip lietuviai dalyvauja socialinėje labdaroje. Anoniminis dosnumas nėra toks populiarus tarp lietuvių, kaip kitose šalyse, pavyzdžiui, Vokietijoje arba Jungtinėse Valstijose. Lietuvių filantropiškumas padeda ne žmonijai ar tautai, bet konkrečiam asmeniui. <...> Kaip humanistas, vertinantis draugystę ir bendravimą, lietuvis skiriasi nuo vakarų kaimyno vokiečio, o kaip personalistas, jis smarkiai skiriasi nuo rytų kaimyno ruso. Pastarasis myli žmoniją bendrai. Vieno F. Dostojevskio romano veikėjas puikiai įvardija šį rusų bruožą: „Taip myliu žmoniją, kad galėčiau už ją mirti, tačiau man sunku ištisą dieną pakęsti žmogų savo kambaryje“. Lietuvis, priešingai, ieško žmogaus, kuriam galėtų atverti širdį ir kuris norėtų jam atverti savąją. Rusas gali būti atviras su visa minia, o lietuvis – nė už ką. Bendruomeniškumas kur kas būdingesnis rusams negu lietuviams. <...> Lietuvių pasauležiūrą galima būtų pavadinti personaliniu humanizmu) [Saulytis].*

Обозначение литовцев как «персоналистов», отличающихся как от западных, так и от восточных соседей, по существу соответствует их промежуточной позиции между индивидуалистическими и коллективистскими культурами [Mockaitis 2002: 72]. С учетом этой двойственности литовского характера могут быть интерпретированы и особенности литовского интерперсонального взаимодействия, в том числе дружеского.

Схожесть русского и литовского отношения к дружбе, по видимому, обусловлена тем, что и русская культура сочетает в себе коллективистские черты и стремление к персональному общению

(по Дементьеву – см. гл. 2). Но в русском сознании *друг* – это не просто любимый собеседник, как у литовцев, друг – это практически член семьи, что еще раз подтверждает важность для русской коммуникативной культуры идеи родства:

В принципе такой тип отношений яснее передается словами «брат» или «сестра». Для русских «друг» – это близкий и родной человек, который порой ближе родственника. Вот почему в России плохо приживается институт консультаций у психоаналитиков: в них нет нужды, если у тебя есть друг [Сергеева 2006b: 105–106]⁵⁴.

Вообще говоря, представление о русской готовности ко *всеобщей* любви и дружбе вряд ли остается актуальным (во всяком случае, на уровне обыденных межличностных отношений), и в работах современных российских авторов можно обнаружить другие рассуждения на эту тему. Так, российский социолог и культуролог К. Касьянова относит любимый русскими тип общения к диффузным, в отличие от конкретного типа (Касьянова отмечает, что дихотомия «конкретное общение» – «диффузное общение» выделена американским социологом Т. Парсонсом) [Касьянова 1994]. По ее словам, при конкретном общении человек выбирает себе социальное окружение, полезное для реализации собственных целей, и каждый человек хорош и нужен только в определенных обстоятельствах и для определенного занятия. Принципы диффузного общения иные:

[В] каждом человеке значение имеют только твердые и неизменные характеристики его «я», все же остальное – сфера его деятельности на данный момент, социальное положение, материальное благопо-

---

⁵⁴ Этноспецифическая семантическая близость русских слов *брат/братья* и *друг/друзья* на материале русских поэтических текстов и их переводов рассматривается Т. Владимировой [2015].

лучие и даже его конкретные интересы – не столь важны. Человек, склонный к диффузному общению, тщательно подбирает себе социальное окружение. Завоевать его расположение трудно: он долго и придирчиво «проверяет» нового знакомого, ведь ему нужно установить не просто отдельные поступки и интересы будущего приятеля или друга, но самое главное – тенденцию этих поступков и интересов, чтобы «добраться» до его «я», до неизменных принципов, до ценностей. Зато, если он уже «принял» новичка в «свои», то значит, настроился на долгую и верную дружбу и *этого же ожидает* от своего партнера. Установившаяся тесная связь затем очень устойчива, и если разрывается, то весьма болезненно и только в крайних обстоятельствах [Касьянова 1994]⁵⁵.

Русские и литовцы в тесном дружеском общении реализуют потребность не только в собственном душевном самораскрытии, но и в ответном аналогичном шаге собеседника-друга. По-видимому, и русских, и литовцев можно, вслед за К. Касьяновой, охарактеризовать как отличающихся «социальной интровертивностью», «повернутостью в себя», что в интерперсональном плане следует оценивать положительно, т.к. сильным качеством интроверта является стремление устанавливать глубокие и прочные отношения с окружающими его людьми, хотя их количество может быть совсем небольшим [Беседа с Ксенией Касьяновой].

Для литовцев дружба – так же, как и для русских, – это выбор близкого человека на долгие годы, и отношения с ним, несомнен-

---

⁵⁵ Представление о нарушенных ожиданиях в дружбе удачно сформулировано вильнюсским русскоязычным поэтом В. Люблинским (2016): *Чем реже мы встречаемся, мой друг, / Тем меньше тем для долгих разговоров, / Пространства для советов, жарких споров / О том, как мир меняется вокруг. / Остались мы с тобой друзьями, вроде, / Но каждый ныне в личной скорлупе – / Всё больше о политике, погоде – / И ничего, по сути, о себе. / Ни слова больше о семье, работе, / Как дань пришедшей из Европы моде. / Дни нашей дружбы явно сочтены. / Остались мы с тобой друзьями, вроде... / Для тех, кто видит нас со стороны.*

но, будут отличаться от тех, которые можно назвать приятельскими или дружескими в современной трактовке посетителей социальных сетей.

При этом русские, познакомившись, стараются как можно быстрее сократить этап формального общения и перейти к более непринужденному контакту, они слабо владеют типами и формами лично-нейтральной персональной коммуникации, плохо оценивают неэмоциональность и неискренность в общении [см. Дементьев 2013; Стернин 2004], а «сдержанность при выражении эмоций в русском обществе скорее осуждается, расценивается как лицемерие, скрытность, нежелание поделиться своими проблемами» [Жельвис 2012]. Такие черты русских вызывают удивление у представителей западных коммуникативных культур, заявляющих о том, что «искренность русских, отсутствие традиции сохранять формальную доброжелательность со всеми, дает возможность иностранцу безошибочно определять отношения русских друг к другу и к иностранцам: если кто-то из ваших коллег стал вас не любить, вам не составит труда это заметить» [Стернин 2004: 12].

В литовской коммуникативной культуре легкое вступление в общение не означает скорого перехода к общению близкому и открытому. Можно сказать, что литовцы в значительно большей степени, чем русские, тяготеют к обмену праздноречивыми репликами, они, в отличие от русских, не проявляют заметного любопытства в вопросах личного характера – это наблюдается даже в многолетнем общении с соседями, давними знакомыми, коллегами по работе и т.п. В течение долгого времени может соблюдаться коммуникативная дистанция, соответствующая этикетно-поверхностному – ровному, умеренно-приветливому, не ориентированному на развитие эмоционально-интимной фазы общению. По словам доктора психологии В. Легкаускаса (V. Legkauskas),

[Л]итовцы любят глубокие отношения и с большим подозрением смотрят на проявления дружбы, возникающие сразу. В этом есть определенное преимущество, потому что так мы чувствуем себя в большей безопасности, можем больше довериться окружающим. <...> литовцы искренни, но до этой искренности нужно дойти, а это требует много времени и усилий (*Lietuviai mėgsta gilius santykius ir labai įtariai žiūri į draugiškumą, atsirandantį iš karto. Tai lyg ir tam tikras privalumas, nes mes tada jaučiamės saugiau, galime labiau pasitikėti aplinkiniams.* <...> *lietuviai yra nuoširdūs, bet iki to nuoširdumo reikia prieiti, o tai užima daug laiko ir atima daug pastangų*) (см. интервью с психологом [Kairiūnaitė 2015]).

Подобные особенности литовской дружбы отмечают и живущие в Литве иностранцы:

Всякий раз, как кто-то называл меня другом, я чувствовал, что я это заслужил, что эта связь крепкая и сохранится навсегда. Для литовцев характерно четкое разграничение друзей и просто знакомых. (*Kiekvieną kartą, kai mane kas nors pavadindavo draugu, jausdavau, kad tai kažkas, ką užsitarnavau, kad šis ryšys – stiprus ir išliks amžinai“.* *Lietuviams įprasta aiškiai nubrėžti liniją tarp draugų ir tiesiog pažįstamų*) [Grigaliūnaitė 2016].

- В интернет-опросах литовцы называют и такие светлые черты национального характера, как *оптимизм* (*optimizmas*), *уверенность в себе* (*pasitikėjimas savimi*), *веселость* (*linksmumas*) [Spinter tyrimai 2005]. Однако эти черты скорее можно отнести к рефлексивным, желаемым, поскольку последнее качество – так же, как связанные с уверенностью в себе и оптимизмом *умение радоваться жизни* (*tokėjimas džiaugtis gyvenimu*) и *доброжелательность* (*geranoriškumas kitų žmonių atžvilgiu*), в современных текстах никогда не сопровождаются определением ‘литовский, -ая’ [об этом: Рапурелютė-Klovienė 2009: 250].

Отмеченные качества литовского характера, вероятно, объясняют не все коммуникативные проявления литовцев, тем не менее они могут послужить основой системного описания литовской коммуникативной культуры.

§2. Вербальные показатели дистанции общения в литовском коммуникативном стиле

Как производное от национального характера литовское речевое поведение также отличается определенной сдержанностью по сравнению с речевым поведением русских. Это проявляется, с одной стороны, в органичной внутренней установке литовцев на большую дистанцию в коммуникации, чем у русских, а с другой – в некоторой смягченности всей тональности общения. Об этом свидетельствует и диапазон интонационного оформления литовской речи, который отличается меньшей контрастностью по сравнению с русским интонационным рисунком [см. Кундротас 2004]⁵⁶. Мелодика литовской речи нередко прямо не коррелирует с эксплицированным или коннотативным смыслом высказываний: даже самые категоричные, инвективные или язвительные по содержанию суждения обычно облакаются в просодически смягченную форму – по сравнению с русской речью, которая, по выражению Александра Гениса, «строится на пере-

---

⁵⁶ Связь просодической организации речи и менталитета представителей определенной культуры усматривается и другими исследователями. Так, Л. Фомиченко полагает, что «свойственное английскому языку понижение тона в ядерном слоге как проявление автономности личности, индивидуализма отсутствует в русском языке ввиду того, что эта черта чужда русскому менталитету». В американском английском «ровная шкала со средним ровным понижением на ядерном слоге» может трактоваться как свидетельство некатегоричности мышления и демократичности в отношении к описываемым фактам (Л. Фомиченко, 1998 – цит. по [Леонтович 2005: 280]).

падах эмоций, объединяется тональностью и требует для записи почти нотной грамоты» [Генис 2013]⁵⁷.

- Литовские коммуникативные нормы поощряют несколько меньшую вербальную экспрессивность во взаимодействии участников общения, чем это свойственно русским.

В русской коммуникативной практике принято эмоционально и категорично высказывать свое несогласие с собеседником, что невозможно в большинстве западных культур. Русские прямо указывают на моменты, вызывающие у них иную, чем у оппонента, оценку, отвергая контраргументы, а зачастую и высмеивая позицию собеседника. В споре в репликах с обеих сторон преобладает изъяснительное или повелительное наклонение: *Да ты/Вы просто не знаешь/-ете!*, *Ты/Вы не прав/-ы*, *Давайте посмотрим правде в глаза!* и т.п. [Стернин 2004: 18]. Русская тактика в споре такова: «чтобы сохранить лицо, необходимо любой ценой переспорить оппонента, если надо, то запрещенными приемами, то есть той же грубостью» [Жельвис 2012]. Впрочем, по-видимому, подобная тактика далеко не полностью покрывает любые русские споры. С точки зрения О. Леонтович, при межличностном взаимодействии русских проявляется не столько их склонность к конфликтному общению, сколько эмоциональная вовлеченность в процесс коммуникации, к тому же «содержательный и реляционный конфлик-

---

⁵⁷ Характерно восприятие специфики звучания русской и литовской речи жительницей Литвы и россиянином. Студентка-русистка Вильнюсского университета, впервые посетившая Россию, рассказывала с недоумением: «Мне там почему-то все время казалось, что они мною или еще чем-то недовольны. Хотя чисто лексически ничего плохого они не говорили». Житель Москвы, по работе часто бывающий в Литве, сообщает о своих впечатлениях: «Мне сначала все время казалось, что литовцы во всем сомневаются. Например, спрашиваешь, в котором часу встреча, когда позвонить, отвечают так неуверенно, как будто это вообще не обязательно. Теперь уже привык. Понимаю, что это темперамент такой».

ты далеко не всегда сопутствуют друг другу, что нередко удивляет иностранцев – они не могут понять, почему после бурного спора русские вновь улыбаются друг другу и продолжают дружеское общение» [Леонтович 2005: 162].

Литовцы в ситуациях несогласия с собеседником, если оценивать их с позиций носителей русской коммуникативной культуры, могут показаться конформистами, избегающими явного вербального противостояния. Во многом такое впечатление складывается из-за собственно языкового оформления несогласия. Как уже упоминалось, литовская коммуникативная культура, в отличие от русской, не поощряет открытых словесных столкновений, что обуславливается и такими уже упоминавшимися чертами национального характера, как склонность к компромиссам и не любовь к конфликтам (см. §1 этой главы). У литовцев формулирование суждения или оценки чего-либо, выражение собственного мнения чаще оформляется в модальности неуверенности, напр.: *Manyčiau / Galvočiau / Galbūt / Gal vertėtų / Būčiau linkęs galvoti...* ('Я полагал бы / Я думал бы / Может быть / Может, стоило бы / Я был бы склонен думать...'). Возможно нанизывание индикаторов некатегоричности мнения, с их помощью передается не только семантика пожелания в отношении действий других лиц, но и обозначение собственного ментального состояния, ср.: *Manyčiau / galvočiau, kad reikėtų iš pradžių galbūt visapusiškai išnagrinėti tą problemą* ('Я думал бы/я полагал бы, что нужно сначала, может быть, всесторонне проанализировать эту проблему'). В споре литовцы также гораздо чаще, чем русские, начинают фразы с формул типа *sakučiau* ('я бы сказал'), *būčiau linkęs manyti* ('я был бы склонен думать'), *nebūčiau tiek įsitikinęs* ('я не был бы так уверен') и т. п. (см., напр., рекомендации в [Urbanavičius 2013]). Между тем, в коллективном споре или словесном конфликте национальные этикетные и риторические

нормы часто нарушаются: выступая вместе с единомышленниками и ощущая их поддержку, литовцы ведут себя весьма активно. Например, наблюдения показывают, что в литовских телевизионных дискуссиях значительно чаще, чем в русских, возникают ситуации, которые можно назвать «перекриком»⁵⁸: это ситуации одновременного говорения на повышенных тонах, когда участники спора не слушают друг друга и ведущего.

- Однако в целом литовское общение значительно более этикетно, чем русское. Этикетность общения понимается нами как способ установления границы коммуникативной дистанции, с помощью которого поддерживаются традиционные для данного речевого коллектива формы межличностных отношений [см. Карасик 2002: 90]. При этом вежливость и этикетность нельзя считать полностью совпадающими понятиями. Вслед за В. Дементьевым, возможно разграничить вежливость как косвенно-речевое явление, факультативное «украшение» речи, и речевой этикет как обязательное для нормальной коммуникации явление, имеющее прямое выражение:

Из этого, между прочим, следует, что этикетные смыслы всегда выражены и при этом всегда выражены именно так, в такой форме, какая требуется <...>. Так, в русской речи ничем другим нельзя заменить обращение на Вы, если отношения между собеседниками имеют официальный характер [Дементьев 2013: 248].

В литовской коммуникативной культуре этикетность поддерживается как спецификой этнического характера, так и конвенциональными языковыми средствами выражения национальных

---

⁵⁸ Это обозначение впервые использовано в бакалаврской работе О. Барановской, написанной под моим руководством и защищенной в Вильнюсском университете в 2005 г.

представлений о нормах приличия и вежливости. Соблюдению приемлемой для литовцев коммуникативной дистанции способствует разнообразие форм обращения, позволяющих начиная с приветственных реплик точно маркировать статус собеседника и соответствующее отношение к нему. Во-первых, в литовской системе склонения, в отличие от русской, сохраняется форма звательного падежа (*šauksmininkas*), специализирующаяся на функции обращения. Во-вторых, литовское паспортное именование человека не включает отчества, поэтому по-литовски невозможно обратиться ни аналогично русским *Александр Михайлович!*, *Татьяна Петровна!*, ни *Михалыч!*, *Петровна!* и т. п.

В литовском общении наблюдается несколько большая, чем у русских, формализованность важнейшего – начального этапа коммуникативного акта: для литовцев значимыми факторами, определяющими градус общения, являются социальные роли собеседников, степень их знакомства, ситуация общения, в меньшей степени существен возраст и пол коммуникантов. К близким или хорошо знакомым людям обычно обращаются по имени – вне зависимости от возрастных различий между говорящими. При неблизком общении в литовской коммуникативной культуре есть ограничения на использование некоторых демографических номинаций (о типах номинаций см. [Гак 1999: 74–75]). Типичными являются демографические номинации, называющие коммуниканта по профессии или занимаемой должности *Mokytoja!* ('Учительница!'), *Vedėja!* ('Заведующая!'), *Direktoriau!* ('Директор') и т.п. Не приняты обращения вроде русских *женщина*, *мужчина*, а номинации с указанием пола и возраста возможны в неофициальной обстановке только при обращении к младшему собеседнику или собеседнице: *jaunuolį, vaikinę* – обращение к юноше, *panele* – к девушке [см. Šerpaitienė 2007: 84, 256–257, 264].

Набор русских номинаций в сфере небытового общения менее разнообразен, чем литовский, в русской культуре непопулярны общие вокативы, являющиеся знаком общения на социальной дистанции (об этом подробнее см. §4 главы 2). Вне близкой среды наиболее поддерживаемым нынешним русским коммуникативным сознанием является обращение по имени-отчеству – без акцентирования интерперсональных связей участников общения. Такое обращение коррелирует с разными коммуникативными интенциями, годится для называния адресата с вариативными личностными параметрами, оно уместно как в симметричных, так и в асимметричных ситуациях общения: «Сказав *Николай Петрович*, мы помечаем, возможно, возраст (старший), возможно, статус (начальник), возможно, официальность обстановки и во всяком случае уважительность, почтительность к человеку; сказав *Господин Воронин*, мы переходим к сугубой официальности и обстановки, и собственного отношения» [Формановская 2002: 119]. В бытовой ситуации обращение *Господин!* / *Госпожа!* к незнакомому человеку (напр.: – *Господин, вы выходите у метро?*) русскими воспринимается как слишком холодное [Формановская 2002: 144–145].

При обращении как к единичному, так и ко множественному адресату, в литовской небытовой коммуникации доминируют умеренно-экспрессивные конструкции, специализирующиеся на выражении почтительно-вежливого отношения к адресатам речи при возможном элиминировании субстантивного элемента обращения: *Gerbiamieji / malonūs / brangūs draugai / kolegos / klausytojai / žiūrovai!* ('Уважаемые / милые / дорогие друзья / коллеги / слушатели / зрители!'); *Gerbiamieji!* ('Уважаемые!'), *Mielieji!* ('Милые!'), *Brangieji!* ('Дорогие!').

Вообще для литовцев уже при обращении важно не столько назвать того или тех, к кому обращена речь, сколько обозначить

свое расположение или почтение к собеседнику или целой аудитории. Подчеркнутое уважение может быть выражено добавлением к номинации по должности эпитета ‘уважаемый, -ая’: *Gerbiamas dekane!* (‘Уважаемый декан!’) или трехчленной конструкцией, напр.: *Gerbiamas pone dekane!* (‘Уважаемый господин декан!’). Такие конструкции не оцениваются в литовской коммуникации как вычурные, так же как в обыденных ситуациях (в магазине или в транспорте) неудивительным кажется употребление звательных форм слов *ponas* и *ponia*. Литовцами, которым присуща «осторожная», или «сдержанная вежливость» [Паужа 2007: 27], употребление подобных апеллятивов воспринимается в первую очередь не как знак *официальности*, а как свидетельство неформальности, что для литовского коммуникативного сознания весьма существенно.

В литовском языке существует (хотя и считается уходящей) особая этикетная единица – местоимение вежливости *tamsta*, отчасти аналогичное русскому ‘вы’ (при этом в литовском языке так же, как и в русском, различаются формы *tu* – ‘ты’ и *jūs* – ‘вы’) и этимологически восходящее к выражению «Ваша милость», однако не относящееся в современной литовской речи ни к книжному стилю, ни к историзмам. *Tamsta* входит в разряд личных местоимений и применимо как к лицам мужского, так и женского рода и, наряду с прилагательными *gerbiamas / gerbiamasis, gerbiama / gerbiamoji* (‘уважаемый, уважаемая’), может выступать в качестве определения в вокативных словосочетаниях, например: *Tamsta mokytojai!* (‘Уважаемый учитель!’). Данную форму удобно использовать при обращении к незнакомому человеку или к знакомому, имя которого вылетело из головы, а также при обращении на ‘ты’ с соблюдением приемлемой для литовцев проксемики, ср.: *Gal tamsta galëtumët man padëti?* (‘Не могли бы вы мне помочь?’, букв. ‘Может быть, вы могли

бы мне помочь?»), *Kaip tamsta gyveni?* ('Как живешь?', букв. 'Как, уважаемый, живешь?'). Местоимение *tamsta* часто выполняет анафорическую функцию – это дает возможность говорящему избежать повторной прямой номинации собеседника, например: *Laba diena, Laima! Kaip būtų gerai, kad tamsta pas mus užeitumėt!* ('Добрый день, Лайма! Как было бы хорошо, если бы вы/уважаемая к нам зашли / зашла!'); *Labas, Tomai! Kur tamsta važiuoji?* ('Здравствуй, Томас! Куда (уважаемый) едешь?'). Данное литовское местоимение употребляется при вежливом обращении не только к одному лицу, но и к нескольким, т. е. обладает формой множественного числа: *Ar tamstos jau išvažiuojate?* ('Вы (уважаемые) уже уезжаете?') [Валецкене 1985: 161; см. также: konsultacijos.vlkk.lt].

Те же формы вежливости часто используются при иронически подчеркнутым выражении уважения, например:

Ar **tamsta** manote, kad jūs, eilinis policininkas, galite pasakyti kažką naudingo ir naujo man, aukšnio atestato turėtojai ir vienam geriausių savo kurso absolventui (turimas omeny pirmas mano baigtas universitetas)? Gaudykite geriau vagis, **gerbiamasis**, – kiekvienas turi dirbti savo darbą.

(‘Что же вы, **уважаемый**, думаете, что вы, рядовой полицейский, можете сказать что-нибудь полезное и новое мне, владельцу золотого аттестата и одному из лучших абсолювентов курса (имею в виду первый университет, который я окончил)? Лучше ловите воров, **уважаемый**, – каждый должен выполнять свою работу’)

(Из комментария студента юридического факультета Вильнюсского университета: на сайте [INFOLEX.LT-diskusijos])

В работе «Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства» М. Кронгауз пишет о том, что обращение в языковом общении играет определяющую роль наряду с самим

сообщением: «Оно является особым культурно и социально обусловленным способом взаимодействия говорящего и адресата, способом создания особого коммуникативного пространства до начала разговора и поддержания или изменения его в процессе общения» [Кронгауз 1999: 133].

Литовское коммуникативное поведение в большей степени, чем русское, регламентировано ситуацией общения и социальным контекстом, поэтому обращение осуществляется избирательно, с большим учетом ролевых отношений партнеров по коммуникации. Используя определение Кронгауза, можно говорить о том, что рефлексивно литовцы стремятся к формированию и поддержанию, условно говоря, светлого коммуникативного пространства⁵⁹, обеспечивающего психологически комфорт-

⁵⁹ Этому способствуют и разнообразные суффиксы уменьшительно-ласкательной семантики, вносящие в литовскую речь стилистические нюансы нежности, мягкости, оттенки незначительности, т.е. выполняющие эмоционально-оценочную функцию. Причем диминутивы образуются практически от любого литовского существительного [Paulauskienė 1994: 66]. Приведу примеры из современной речевой практики: врач спрашивает немолодую пациентку: – *Kiek Jums pilnų metukų?* (букв. ‘– Сколько Вам полных годков?’); член правительства в интервью: *Daugiau pinigėlių skirta socialiniams darbuotojams* (букв. ‘Больше денег предназначено для социальных работников’); пациент оплачивает услуги стоматологической клиники, кассир спрашивает: – *O iš prekyčių nieko nereikės?* (букв. ‘– А из товарчиков ничего не нужно?’); из радиобесед: *Nekokybiška duonelė greitai pelyja* (букв. ‘Некачественный хлебушек быстро плесневет’); *Gyvūnėlių (kačių) mylėtojai galės atnešti jiems maistelio padėti* (букв.: ‘Любители животных (в диминутиве; о кошках) смогут принести положить еды (в диминутиве) для них’); рубрикация товаров в торговых центрах: *Vaikų maistelis* (букв. ‘Детское питание’) и т.п. Наиболее продуктивны уменьшительные образования от имен существительных женского рода. Так, различные специальные учебные заведения (по изучению иностранных языков, танцам, рисованию, пению и под.) для детей младшего возраста в Литве называют *mokyklėlės* (букв. ‘школочки’), а занятия в них – *ramokėlės* (букв. ‘урочки’); небольшие пекарни – *kepnyklėlės* (букв. ‘пекаренки’); очень частотно название лиц женского пола по национальности с помощью диминутива: *lietuvaite, lenkaitė* (букв. ‘литовочка’, ‘полечка’) и под. И количество таких образований в современном литовском языке имеет тенденцию к увеличению [Бразаускайте 2000: 24].

ную дистанцию и не предполагающего ни излишней фамильярности, ни демонстративной отчужденности между участниками общения.

- Названные особенности литовского коммуникативного сознания, возможно, наиболее заметно проявляются в лексико-синтаксическом оформлении просьб, приглашений, пожеланий.

У русских просьба часто связана с категорией коммуникативного давления: «Допускается настаивание на своей просьбе, употребление грубых слов, использование угрозы, множественное повторение просьб, требовательная интонация. Прямые указания преобладают над косвенными формами побуждения» [Стернин 2002b: 13].

Набор литовских языковых средств, используемых в типизированных коммуникативных ситуациях, демонстрирует приоритет некатегоричной – желательной или предположительной – модальности, выражаемой формами косвенного склонения. Согласно рекомендациям литуанистов, обращение к кому-либо с просьбой (приглашением и т. п.) должно начинаться с этикетного слова, а не с глагола (как это принято в русской коммуникации), называющего действие, о котором идет речь в просьбе. Ср.: лит. *Prašom parodyti* ('Пожалуйста, покажи', букв. 'Просим показать') – русск. *Покажи, пожалуйста*; лит. *Prašyčiau pakartoti* ('Пожалуйста, повторите', букв. '(Я) просил бы повторить') – русск. *Повторите, пожалуйста*. Носители русского языка (а также немецкого, английского) акцентируют то, о чем говорится в просьбе, в то время как для литовской (и польской) ментальности важнее с помощью слов вежливости наладить отношения с собеседником [Čerapaitienė 2007: 264]. Препозиция этикетного слова считается «выражением литовской вежливости» (*lietuviško mandagumo raiška*) [Urbanavičius 2013].

Литовцы избегают категоричности и в сфере письменной официальной коммуникации. Например, просьбы или приглашения обычно начинаются аналогом малоупотребимого русского интенсификатора вежливости 'любезно': *Maloniai prašome / kviečiame* ('Любезно просим / приглашаем'). Так же, как в досоветской России, письменное обращение к вышестоящим инстанциям в Литве именуется не *заявление*, а *prašymas* – 'просьба, прошение'. Соответственно, содержание такого обращения, чего бы оно ни касалось, может передаваться не только в виде прямой просьбы, но и просьбы-пожелания, напр.: *Prašau / Prašyčiau leisti man dalyvauti susitikime* ('Прошу / Просил бы разрешить мне участвовать во встрече'). Представителям русской коммуникативной культуры покажется удивительным, что при официальных просьбах именно второй вариант считается предпочтительным:

Обращаясь с просьбой к руководителю учреждения в письменной форме, лучше использовать вежливую форму сослагательного наклонения: *Просил(-а) бы разрешить мне уйти в неоплачиваемый отпуск... Просил(-а) бы выделить мне путевку в санаторий* (*Kreipiantis raštu į įstaigos vadovą, ko nors prašant, taip pat geriau tiktų tariamosios nuosakos mandagumo forma: Prašyčiau leisti mane nemokamą atostogų... Prašyčiau skirti man sanatorinį kelialapį...*) [Urbanavičius 2013; см. также: Švedienė 2011].

Обращение за получением необходимой информации к незнакомому человеку в работах литуанистов выделяется как «специфическая форма просьбы» – *pasiteiravimas* [Čeraitienė 1996: 30–31] (от слова *pasiteirauti* – 'поинтересоваться, осведомиться'). Такая просьба у литовцев, так же, как и у русских, начинается с извинения. Однако, как уже отмечалось в связи с характеристикой русского вербального стиля, «говорящий по-русски прямым обращением к слушающему в большей степени вовлекает его в решение

своей проблемы» [Гак 1999: 80]. Русские формулы извинения – *извините* или *простите* – содержат косвенный призыв к активности адресата речи, поскольку формально касаются того, к кому говорящий обращается. В то же время наиболее распространенная литовская формула извинения *atsiprašau* не содержит прямого призыва к адресату, поскольку называет действие самого говорящего – глагол в форме 1-го лица. Подобные русские конструкции узуально маркированы: *извиняюсь* считается сниженной формой, *прошу меня простить* имеет оттенок официальности, *прошу прощения* в словарях помечена как стилистически нейтральная, но не обиходная, а вежливая форма извинения [СРРЭ 2001: 203, 425, 432].

Настрой на «светлое» этикетное общение обуславливает важность для литовского коммуникативного сознания ритуала пожелания. Если в кафе вы оказались за одним столиком с незнакомым человеком, он, уходя, не просто попрощается, но и пожелает вам *Skaniai pabaigti!* (букв. ‘Вкусно закончить!’). Работники магазинов, как правило, завершают общение с покупателями словами *Geros dienos!* (‘Хорошего дня!’) или *Gero vakaro!* (‘Хорошего вечера!’). Если работники российских звучащих СМИ призывают аудиторию *Оставайтесь с нами!*, в литовском эфире, помимо такого же призыва, часто звучит пожелание-приглашение, формально касающееся обеих общающихся сторон: *Likime kartu!*, *Vakarokime kartu!* (‘Останемся вместе!’, ‘Проведем вечер вместе!’).

Прощаясь со знакомыми, литовцы просят их передать семье (жене, детям...) не *привет*, как это делают русские, а пожелания (*linkėjimai*). В литовском этикетном общении вообще нет понятия «привет». Наиболее стилистически близкими русским *приветам*, которые могут звучать при встрече и прощании, являются литовские *Labas!* (‘Здравствуй! / Здравствуйте!’) и *Iki!* (‘Пока!’, букв. ‘До!’). В пожеланиях отражается и присущая литовцам нелюбовь

к пустому времяпрепровождению. Так, в текстах традиционных литовских поздравлений в связи с праздниками, юбилеями и т.п., причем не только при официальном, но и близком общении, часто присутствует пожелание «значимого, содержательного года, праздника⁶⁰, содержательной работы» и т.п. (*prasmingų, turiningų metų, švenčių, prasmingų darbų*), существуют интернет-страницы с пожеланиями этого типа, напр.: *Prasmingi gimtadienio palinkėjimai draugams* ('Содержательные пожелания друзьям с днем рождения') [*gimtadienis.info*]. Для русской коммуникативной культуры такие пожелания нехарактерны, а потому и труднопереводимы.

Этикетные речевые действия (вне зависимости от их национально-культурной специфики) имеют чрезвычайно высокую социальную ценность [Формановская 2011: 54]. Реальное понимание этой ценности и отражение этого понимания в общении в литовской коммуникативной культуре заметно выше, чем в русской.

§3. Русская составляющая литовской вербальной коммуникации

Описывая литовское языковое и коммуникативное сознание, следует, во-первых, отметить, что в течение последних десятилетий оно определяется разноречивыми тенденциями. С одной стороны, в современные официально-деловой и письменный стили речи хлынуло большое количество лексических единиц и грамматических конструкций из языковых запасников, ведется большая нормотворческая работа, пополняется национальный терминологический фонд. С другой стороны, обнаруживаемые носителями

---

⁶⁰ Не исключение и встреча Нового года, в принципе воспринимаемая как безусловно веселый праздник, предполагающий отвлечение от насущных проблем. Однако и в этом случае нередким является пожелание «содержательного праздника».

языка лексические лакуны должны быть закрыты – и они (вопреки официальной языковой политике государства) восполняются иноязычной лексикой. Источники заимствований в каждом конкретном случае связаны и с функциональными сферами языка, и с теми обыденными коммуникативными ситуациями, в которых используется подобная лексика. Причем во втором случае речевые единицы оказываются вплетенными в коммуникативное сознание как органичные части самих типов общения. Все еще устойчивая ниша существует у русских «вплетений», обращение к которым в одних случаях обуславливается эмоциональным градусом коммуникативных ситуаций, в других – социально-стилистическими их параметрами. Рассмотрим взаимодействие русского и литовского коммуникативных сознаний в обозначенном ракурсе.

Существование русских лексических элементов в нынешней речевой практике литовцев достаточно парадоксально⁶¹. В неофициальном общении русские слова могут даже не осознаваться как заимствования, поскольку частью литовцев эта лексика давно освоена. В то же время минимизация функций русского языка в Литве и сокращающийся процент населения, хорошо им владеющего, приводит к тому, что литовцами, выросшими в постсоветские годы, русские вкрапления воспринимаются либо как элементы конфликтных ситуаций или индикаторы невысокого социального статуса (обценная лексика), либо как вненациональные аксессуары речевой моды (сленг).

В этом разделе, помимо фактов живой речи, используются медийные материалы, включающие высказывания ведущих и участников различных телевизионных и радиопередач. Наблюдения над отмеченными здесь языковыми явлениями начиная с 2004 года, т.е. в течение более чем десятилетия, дают возможность не-

---

⁶¹ Отмечу, что речь не идет об исторических заимствованиях-русизмах.

которые из них оценить как уходящие, другие – как устойчивые. На основании этого критерия русские элементы, присутствующие в литовской речи, могут быть разбиты на два типа:

I. Уходящие русские лексические элементы.

- Лексические единицы, называющие отрицательные реалии советского периода или аналогичные современные явления: *barakai* ('баракы') – о временном жилье, например, об общежитии; *chruščiovkė* ('хрущевка') – о домах или квартирах плохой планировки и малой площади; *baracholkė* ('барахолка') – о вещевом рынке; *blatas, blatnojus* ('блат', 'блатной' – о связях, дающих возможность получить что-либо незаконным способом) и т. п. Русизмы могут выступать в качестве интенсификаторов, коннотирующих отрицательную реакцию на общественно значимые явления, например: *veikia kaip omonininkai* ('действуют, как омововцы') – о самозванных блюстителях порядка; *bespredelas, valdžios bespredelas* ('беспредел, беспредел власти') – о действиях, отношениях, выходящих за рамки допустимого; *caro ochrankos metodai* ('методы царской охраны') – о провокационных антисемитских публикациях в литовской прессе. Ср. также:

Ten Kaune rektorius yra car' i boch ... Aš visą laiką barabaninu vieną ir tą patį ... Kiek tėtis tas dolgostrojus? ('У них в Каунасе ректор – царь и бог ... Я все время барабаню одно и то же ... Сколько будет длиться этот долгострой?') – из публичного выступления ректора Вильнюсского университета;

Kodėl renkiesi nemokamus renginius? Gal jie ten, kaip rusai sako, chaltūrina? ('Почему ты ходишь на бесплатные мероприятия? Может они там, как русские говорят, халтурят?') – телеведущий спрашивается у людей на улицах об их мнении о бесплатных концертах;

Mes prieš vieną sojuzą stojom ginklu, dabar stosim prieš kitą sojuzą ('Мы против одного союза восстали с оружием, теперь восстанем про-

тив другого *союза*) – высказывание политика-евроскептика в теледебатах по поводу вступления Литвы в Евросоюз (при этом в литовском языке существует собственный эквивалент слову ‘союз’ – *sajunga*, соответственно, официальное именование Советского Союза – *Tarybų Sajunga*, а Европейского Союза – *Europos Sajunga* – см. следующий пример).

- Другая группа примеров демонстрирует использование в речи литовцев русских прецедентных текстов. Особенно показательны случаи, когда обращение к русским высказываниям сопровождается указанием на их этнический источник, что говорит об осознании говорящими происхождения текста:

Kodėl stodami į Europos Sąjungą mes turime galvoti, ką pasakys knygainia Marja Alekseвна (‘Почему, вступая в Европейский Союз, мы должны думать о том, что скажет княгиня Марья Алексевна?’) – отсылка к известной всем русским цитате из «Горя от ума» А. Грибоедова: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?»; из радиointервью члена Сейма Литвы;

Klausykite čia, kaip sako Odesoje (‘Слушайте сюда, как говорят в Одессе’) – член Сейма в телепередаче;

Rusai turi gerą posakį: „Na vkus i cvet tovariščej net“ (‘У русских есть хорошее выражение: на вкус и цвет товарищей нет’) – из радиообсуждения понятия «хорошая книга»;

Yra toks rusiškas posakis: „Gol’ na vydumki chitra“. Jis yra genialus! (‘Есть такое русское выражение: голь на выдумки хитра. Оно гениально!’) – дизайнер в радиопередаче о моде;

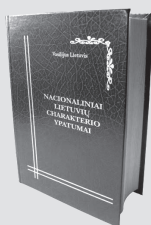
Ką jus vis, kaip rusai sako, vsio krugom da okolo? (‘Что вы все, как русские говорят, все кругом да около?’; правильный вариант ‘вокруг да около’) – слушательница радиодискуссии о литовской политической ситуации по телефону предъявляет претензии ее участникам;

O pas mus bus, kaip tame rusiškame anekdote pra čiukčiu: vienas prezidentas pa čiotnym, kitas – pa nečiotnym (‘А у нас будет, как в этом русском анекдоте про чукчу: один президент по четным,

другой – по нечетным’) – участник телевизионной дискуссии о грядущих президентских выборах;

Yra nuostabus rusiškas posakis: „Piat’ minut styda – i visio pošlo dalše“ (‘Есть прекрасное русское выражение: «Пять минут стыда – и всё пошло дальше»’) – ведущая телевизионного ток-шоу *Moterys ir vyrai* (‘Женщины и мужчины’).

Вместе с популярностью российских кинокомедий «Особенности национальной охоты» и «Особенности национальной рыбалки» в Литве широкое распространение получили и модификации их названий, ср.: *Nacionaliniai grybavimo upatumai* (‘Национальные особенности сбора грибов’) – анимационный сериал о литовских политиках, любимым занятием которых является пустословие, болтовня ни о чем; названия телепередач: *Nacionaliniai muzikos verslo upatumai* (‘Особенности национального музыкального бизнеса’), *Nacionaliniai gyvenimo Londone upatumai* (‘Национальные особенности жизни в Лондоне’⁶²) и т. п. Сравните сегодняшнее обращение к прецедентной модели:

 dovanusalis.lt

Knyga-baras „Nacionaliniai lietuvių upatumai“ puikiai tiks visiems lietuviams, kadangi šioje knygoje slypi tikrieji mūsų charakterio upatumai, apie kuriuos reikėtų žinoti mums visiems. Dovanokite ir stebinkite savo artimuosius ir draugus!

(‘Книга-бар «Национальные особенности литовцев» прекрасно подойдет всем литовцам, т.к. в этой книге содержатся истинные особенности нашего характера, о которых следует знать нам всем. Дарите и удивляйте близких и друзей!’)

(Интернет-магазин подарков [dovanusalis/lt])

⁶² Тема Лондона актуальна для Литвы, поскольку ежегодно множество литовцев эмигрируют в Великобританию.

В шуточных и ироничных медиатекстах возможны варианты, когда русская фраза переводится или произносится в оригинальном виде, и говорящими предполагается, что аллюзия понятна собеседникам:

Pilietė Mylova ištekėdama už piliečio Šylovo nepanoro keisti pavardės (‘Гражданка Мылова, выходя замуж за гражданина Шилова, не захотела менять фамилию’) – комический эффект построен на апелляции к русскому выражению ‘менять шило на мыло’ – т. е. ‘ничего не менять’;

Vsio, što bylo ne so mnoj – pomniu, / O kas buvo su manim – nieko (‘Всё, что было не со мной – помню, а что было со мной – ничего’) – для описания похмельного синдрома участником радиодискуссии цитируется строчка из известной песни с типичным для советских времен пафосом.

В главной новостной программе литовского телевидения репортаж о намерениях властей небольшого городка превратить его в инвестиционный центр Литвы сопровождается фрагментами из кинофильма «Двенадцать стульев» и комментарием ведущей:

O dabar apie tai, kaip Kupiškio valdžia ketina paversti Kupiškį Naujaisiais Vasiukais (‘А теперь о том, как власти Купишкиса собираются превратить Купишкис в *Новые Васюки*’) и далее: *Ostapo Benderio idėjos gyvos iki šiol* (‘Идеи *Остана Бендера* живы до сих пор’).

О близости русских прецедентных высказываний литовскому социуму в наибольшей степени свидетельствовала органичность их появления в спонтанной речи и в особенности – феномен при-своения этих текстов говорящими, например:

Kaip aš sakau: norim geriau, o būna – kaip visada (‘Как я говорю, хотим, как лучше, а выходит, как всегда’) – отсылка к ставшему крылатым высказыванию российского политика В. Черномырдина; телевизионная пресс-конференция спортсменов;

Kaip sakoma, pokoj nam tolko snitsia ('Как говорится, покой нам только снится') – известная строка из стихотворения А. Блока использована участником радиопередачи для оценки предвыборной ситуации;

O pas rusus, kaip mes mėgstame sakyti, za dušu beriot ('А у русских (о музыке), как мы любим говорить, за душу берет!') – рок-музыкант в телепередаче и т.п.

Обращение к русскому прецедентному фонду сохраняется и сегодня, вот некоторые примеры, записанные в 2015–2017 гг.:

Kaip ten sako rusai: „Čiort poputal“ ('Как там говорят русские: «Черт понутал»') – использование просторечной поговорки; из телевизионного обсуждения нелепой автоаварии в Вильнюсе [Lrytas TV];

– *Aš esu tas žmogus, kuris nori dalykus žinoti ne iš nuogirdų... – А-а, liubopytnaja Varvara?* ('– Я такой человек, который хочет вещи знать не по слухам... – А-а, любопытная Варвара?') – отсылка к русской поговорке «Любопытной Варваре нос оторвали»; ведущий радиопередачи [Žinių radijas];

– *А, tai jūs esate varlė keliauninkė? Buvo toks animacinis filmas* ('А, так вы лягушка-путешественница? Был такой анимационный фильм') – аллюзия к советскому мультфильму 1965 г. по сказке В. Гаршина в радиобеседе [Lietuvos radijas];

Kaip kadaise žadėjo Ostapas Benderis, šachmatų mintis, padariusi apskrities miestą Žemės rutulio sostine, pavers ją Taikomojo mokslo centru ir išras tarpplanetinio susisiekimo priemones: iš Vasiukų skris signalai į Marsą, Jupiterį ir Neptūną. O paskui – kas žino? – po galbūt kokių aštuonerių metų Vasiukuose įvyks pirmas viso pasaulio istorijoje tarpplanetinis šachmatų kongresas ('Как когда-то обещал Осман Бендер, шахматная мысль, превратившая областной город в столицу земного шара, сделает ее Центром прикладной науки и откроет межпланетные средства сообщения: из Васюков полетят сигналы на Марс, Юпитер и Нептун. О потом – кто знает? – может,

через каких-то восемь лет в *Васюках* пройдет первый во всемирной истории межпланетный шахматный конгресс’) – апелляция к сюжету «Двенадцати стульев» в ироническом радиокomentarии в программе о культуре [Lietuvos radijas];

Apie universitetų sujungimą jau daug metų kalbama, bet vežimas vis dar ten (‘Об объединении университетов уже много лет говорится, но воз все еще там’) – аллюзия к известному выражению «А воз и ныне там» из басни И. Крылова «Лебедь, Щука и Рак», называемому ситуация бездействия, топтания на месте [LRT].

В медиапрактике последних лет упоминание русских прецедентных феноменов так же, как и ранее, обусловлено тональностью и тематикой спонтанных или читаемых текстов (обычно шуточных или с нотками ерничества), но, возможно, в большей степени, чем 15–20 лет назад, связано с возрастным фактором: принадлежностью собеседников к средней или старшей возрастной группе.

II. Устойчивые русские лексические элементы.

• Сюда, во-первых, можно отнести некоторые единицы, используемые литовцами, скорее всего, неосознанно, что является результатом все еще привычного смешения кодов, развившегося в процессе длительного билингвального существования, при котором активными билингвами выступали именно литовцы. Например, в непринужденной литовской речи постоянно присутствуют фразы, подобные следующим:

Tai brangiai kainuoja, čiu ne milijoną (‘Это дорого стоит, чуть не миллион’) – из беседы в кафе;

Niekur čia, karoče, nepravažiuos (‘Нигде здесь, короче, не проедешь’) – из уличного телефонного разговора;

Mane gi už špargalkę išvarė (‘Меня же за шпaргaлку выгнали’) – школьница в радиопередаче об экзаменах;

*Davai aš šoksiu nuo tų turėklų, arba **davai** kartu.* – Не, аš tai nešoksiau, tu **davai** šok (‘–Давай я прыгну с этих перил, или вместе. – Нет, я не буду прыгать, ты *давай* прыгай’) – из диалога на пляже;

*Tu man viena, aš tau kita, tai **davai** susitariam* (‘Ты мне одно, я тебе другое, так *давай* договоримся’) – высказывание парламентария в телепередаче;

*Na ar patiko ta gydytoja? Dabar pas savo ir neisite? Matote, kaip sakoma, **net chuda bez dobra*** (‘Ну, понравилась эта врач? Теперь к своей и не пойдете? Видите, как говорится, *нет худа без добра*’) – из диалога в поликлинике и т.п.

• Еще одна категория русских слов и выражений, популярных в литовском общении, гораздо более многочисленна – это русская сниженно-экспрессивная лексика.

Согласно «Большому словарю русской разговорной экспрессивной речи», экспрессивы – это «слова и фразеологические единицы с общим содержанием сниженности, неофициальности, фамильярности, шутливости, насмешливой или грубой оценки, брани, издевки, непристойности» [Химик 2004].

С точки зрения количественного и функционального разнообразия нелитературной экспрессивной лексики русский язык можно условно охарактеризовать как «раскованный» в отличие от «сдержанного» литовского. Как уже отмечалось, по сравнению с русской, литовская коммуникативная культура не поощряет чрезмерной эмоциональности в общении, в особенности литовское общение не предусматривает изошренной вербализации негативных эмоциональных состояний говорящих [Urbanavičius 2013], а литовское общество предпочитает игнорировать существование языковых явлений, не отвечающих канонам официальной культуры [об этом: Zaikauskas 2007: 6].

В 2006 г. газетой L.T. – „Laikraštis tau“ (‘Газета для тебя’) была инициирована акция под названием *Gana keiktis rusiškai! Lietuviai*,

keikimės lietuviškai! ('Хватит ругаться по-русски! Литовцы, давайте ругаться по-литовски!'); там же был приведен небольшой список исконных бранных слов, кроме того, были выпущены «ликбезовские» майки для начинающих ругаться по-литовски [delfi.lt; см. также: *njuspeipis.lt*]. Однако аутентичный материал кажется литовцам «неконкурентоспособным» по сравнению с русским. Популярность русской обсценной лексики в Литве обсуждается и на телевидении:

Этот русский язык – он такой выразительный! <...> Русские более выразительны, чем литовцы. <...> Литовцы, видимо, довольно нежноговорящий народ» (*Ta rusų kalba – jinai tokia išraiškinga!* <...> *Rusai išraškingesni negu lietuviai.* <...> *Lietuviai, matyt, yra gana švelniakalbė tauta*), – говорили участники телепередачи „Šeštadienio rytas“ ('Субботнее утро'), посвященной живучести русской бранной лексики в литовском обществе [BTV].

Дискуссии показывают, что отвергать собственную бранную лексику литовцев заставляет ее неадекватность конситуации и недостаточная по сравнению с русской эмоциональная интенсивность. Таким образом, сами литовцы считают свой язык не предназначенным для манифестации негативных эмоций, направленных на другого, поскольку эти эмоции осуждаются литовской коммуникативной культурой. В то же время, по мнению литовских психологов, брань представляет собой вербальную разрядку и вполне безопасный способ снятия агрессии, переполняющей человека (...*tai saugus kelias agresijai išlieti...*) [BTV]⁶³.

---

⁶³ Языковеды дают филологическое истолкование этого феномена. Так, анализируя проблему оязыковления человеческих эмоций, один из российских лингвистов замечает: «[Т]от дикарь, который первый при выражении своей оценки-эмоции возмущения вместо удара булыжником употребил бранное слово-инвективу, положил начало цивилизации, а заодно и инвективизации языковой личности» [Шаховский 1998: 62].

Для русского общения характерна открытая вербальная «эмоционально-экспрессивная реакция на неожиданные и неприятные события, слова, действия и т.п.» [Мокиенко 1994]. Как ни парадоксально, но в русской коммуникативной культуре именно «бесцензурное» общение с использованием грубой или обценной лексики часто сигнализирует о дружеских взаимоотношениях (Л. Скворцов, 1996 – об этом [Седых 2002: 22]), о чем выше уже говорилось. Для русского дружеского общения приемлема и так называемая *псевдогрубость*, «когда грубая речь используется в дружеском дискурсе (“Привет, подонок, что-то тебя давно не было видно!”). Такая “панибратская грубость” помогает собеседникам сократить дистанцию. Здесь, естественно, нет речи о том, чтобы фрустрировать собеседника или испугать его, угрожать и т.п. Дружеский характер сказанного здесь обычно подчеркивается шутливым тоном» [Жельвис 2012].

Логично предположить, что литовцы предпочитают чужую грубую бранную лексику своей не только из-за стремления выразиться покрепче, но, главным образом, в силу традиционной внутренней установки на нежелательность прямого вербального противодействия другому. Негативная семантика своих бранных слов слишком очевидна, а русская обценная лексика либо вообще асемантична для большинства ее пользователей, либо значение таких слов достаточно туманно, а потому внутренний барьер не срабатывает⁶⁴.

⁶⁴ См. остроумный пример на студенческом сайте:

Mokykloje mokytoja bara mažylį.

– Tai labai blogas žodis! Kur tu jį girdėjai?

– Mano tėtė taip sako.

– Nedrįsk daugiau jo kartoti. Tu net nežinai jo reikšmės!

– Ot ir žinau! Tai reiškia, kad mašina neužsiveda.

(‘В школе учительница ругает малыша: – Это очень плохое слово! Где ты его слышал? – Мой папа так говорит. – Не смей больше его повторять. Ты даже не знаешь, что это слово значит. – А вот и знаю! Это значит, что машина не заводится’).

(Студенческая газета [njuspeipis.lt])

Как и бранная лексика, сленг⁶⁵ до недавнего времени также воспринимался литовскими языковедами лишь с позиций культуры речи: жаргонизмы объявлялись словами-паразитами, соответственно, не существовало и традиции их исследования и лексикографической фиксации. При переводе художественных текстов действовала установка на замену «вульгарной лексики» нормативными лексическими единицами. Лишь в последние годы исследователи стали обращать внимание на то, что «макулатура языка» в умелых руках мастера слова становится незаменимой речевой фигурой, стилистическим помощником, а литовские профессиональные переводчики признают, что «бедность» литовского языка в плане собственных жаргонизмов и бранных слов вынуждает их при переводе англоязычной литературы обращаться к русскому сленгу и обценным словам, утвердившимся в литовском языке и имеющим широкое употребление:

[Е]сли цель перевода состоит в том, чтобы как можно точнее передать разговорную речь такой, какова она в жизни, русские ругательства – наиболее правдоподобное тому соответствие» (...*jeigu vertimo tikslas yra kuo tiksliau perteikti šnekamąją kalbą tokią, kokia ji vartojama gyvenime, tai rusiškas keiksmas, ko gero, būtų tikroviškiausias atitikmuo*) [Kazijevaitė, Mikutytė 2004] (см. также [Balčiūnienė 2006]).

То же самое наблюдается и при дублировании на литовский язык западных фильмов – для воссоздания необходимого колорита часто используются русские жаргонизмы, напр.:

Диалог из фильма «Умница Уилл Хантинг», дублированного с английского языка: – *Jeigu vėl žiūri **pornūchą** mano mamos kambaryje, aš tave sukalsiu!* – *Aš neturiu **vidiako**.* – *Gal namuose yra antras **vidiakas***

⁶⁵ Понятия «сленг» и «жаргон» в этой книге не разграничиваются и используются как синонимы.

(‘– Если ты опять смотришь *порнуху* в комнате моей мамы, я тебя приблю! – У меня нет *видака*. – Может, в доме есть другой *видак*?’) [TV1];

Фраза из фильма «Беги, Лола, беги», дублированного с немецкого: – *Nueisiu pas Bolį ir pasiimsiu šimtą gabalų* (‘Пойду к Боли и возьму сотню кусков’, имеется в виду 100 тысяч) и т.п.

Название голливудского фильма “Bad Teacher” переведено как „**Afigiena** mokytoja“ [mieste.lt]. Ср.: „afigienas – puikus, įspūdingas, pribloškiantis“ [Zaikauskas 2007: 14]; «Офигенный, -ая, -ое. Одобр. Прекрасный, отличный, вызывающий восторг» [Никитина 2002: 417]. (Ср. название фильма в русском прокате – «Очень плохая училка»).

В настоящее время лингвисты не могут искусственно сдерживать, игнорировать или просто осуждать некоторые тенденции и новации в литовской речи: эти явления описываются и объясняются. Языковеды заговорили о влиянии телевизионной речи на литературный язык, полагая, что «перевод фильмов является важной предпосылкой для изучения воздействия экранной речи на использование и развитие современного литовского языка» (*filmų vertimas laikytinas svarbia prielaida tiriant ekrano kalbos poveikį šiuolaikinės lietuvių kalbos vartosenai bei raidai*) [Baravykaitė 2005: 7]. Создается база данных для словаря литовского жаргона, стало очевидно, что нельзя не замечать «законного» места жаргонной лексики в структуре коммуникативного сознания литовского общества. В 2007 г. появился экспериментальный словарь литовского жаргона – по словам его составителя, «вероятно, у нас единственных во всей Европе до сих пор не было печатного словаря жаргона» (*galbūt vieninteliai visoje Europoje ligi šiol neturėjome spausdintinio savo kalbos žargono žodyno*) [Zaikauskas 2007: 6]. Автор словаря утверждает, что жаргон не регулируется писаными правилами (решениями комиссии по языку, практическими рекомендациями по

культуре речи, словарями и др.), тем не менее эта разновидность языка обладает своей нормой – потребительской, которая регламентирует возможность употребления жаргона/нежаргона в определенных обстоятельствах⁶⁶:

Например, ненормально, когда восьмиклассник вильнюсской школы на вечеринке («тусовке») говорит с приятелями («чуваками, кентами, корешами, дружбаками») на правильном литературном языке или каком-либо говоре, ну, разве что «по приколу», «с понтом», т. е. шутя» (...*Pavyzdžiui, nenormalu yra Vilniaus mokyklos aštuntos klasės mokiniui vakarėlyje („tūsovkej“) šnekėti su draugužiais („čiuvakais, kentais, korišais, družbanais“) taisyklinga bendrine kalba arba tarmiškai, na, nebent „ant prikol“; „ant ponto“, t. y. pokštaujant*) [Zaikauskas 2005].

Характерно, что сленговые русизмы очень частотны в речи молодежи, в принципе не владеющей русским языком или владеющей им хуже, чем, например, английским. В обыденной речи нередки такие слова, как: *navarotai* ('навороты') как ироническое обозначение чрезмерного усложнения чего-либо (напр., о сюжете фильма), наличия избыточных деталей (напр., об одежде), а также с положительной коннотацией – о дополнительных функциях у автомобиля, телефона и др.; *čiotkas, čiotkai* ('четкий', 'четко') в том же значении, что и в русском сленге, т. е. 'превосходный,-о', 'прекрасный,-о'; *krūtas, krūtai* ('крутой', 'круто') с сохранением ис-

⁶⁶ Ср. с мнением российского лингвиста Б. Жельвиса о понятии «коммуникативная норма»: «[Н]ельзя говорить о нарушении «нормы вообще», ибо таковой вовсе не существует. Есть норма литературная и просторечная, норма диалектная и жаргонная, норма, характерная для данной социальной группы. Просторечие, жаргоны и т.д. не нарушают литературную норму, они только соблюдают свою собственную. О нарушении нормы в буквальном смысле можно говорить, когда, например, политический лидер в публичной речи наряду с традиционными ритуальными оборотами вдруг прибегает к жаргону (вспомним знаменитое «мочить в сортире») или, наоборот, носитель просторечия употребляет выражения, для этого стиля нехарактерные (ср. чеховское «Позвольте Вам, в некотором роде, выйти вон!»)» [Жельвис 2012].

ходной семантики обозначения высшей степени проявления признака, выражения одобрения и т.д.; *lievas, lieva* ('левый, -ая') как антонимичное предыдущим значениям выражение неодобрения; *babkės* ('бабки'), т. е. 'деньги'; *dubakas* ('дубак') о холоде; *lochas* ('лох') в значении 'слишком доверчивый человек, простак, дилетант'; *jolki* ('ёлки, чаще 'ёлки-палки' или 'ёлы-палы') – выражение, согласно словарям жаргона, способное выражать любые чувства; *bazarint, -i* ('базарить') – 'шуметь, устраивать беспорядок'; *zaviazvat* ('завязывать') в значении 'прекращать делать что-либо, заниматься чем-либо'; *tūsovkė* ('тусовка') как обозначение любого неформального общения, сборища людей, «своей» компании. В литовском языке появился и глагол *tūsinti* ('тусоваться') (см. подробнее: [Zaikauskas 2007; Legaudaitė 2002; Zavalova 2002]).

Подобные слова воспринимаются не как русизмы, а как элементы молодежного интержаргона, и отвечают стремлению молодежи к речевой выразительности, с помощью сленговых вкраплений коммуниканты демонстрируют чувство юмора и ироничность [см. Legaudaitė 2002] – взаимную и по отношению к окружающей жизни, редуцируют формальность общения.

Представляется, что именно эти качества делают русский сленг частью не только молодежной субкультуры. Такие выражения – с сохранением исходной формы или калькированные, как *nerėikia lia-lia* ('не надо ля-ля'), *važiuoja stogas* ('крыша едет'), *eiti na lieva* ('ходить налево' в значении 'изменять', 'делать что-то плохое'), *tepti slides* ('бежать', букв. 'смазывать лыжи', сходно со значением русского разговорного «наострить лыжи» – 'отправиться, уйти') и армейского жаргонизма «встать на лыжи» – 'убежать из части'), *nesiparink* ('не парься') и многие другие широко употребляются как подростками, так и взрослыми литовцами, они возникают и в речи официальных лиц, в радио- и телеинтервью и т.п. Вот некоторые примеры:

Tai buvo tam tikri razborai ('Это были определенные *разборки*') – коммиссар полиции в телерепортаже о преступной группировке;

Ar tai reiškia, kad yra, kaip rusai sako, kompromatas? ('Значит ли это, что существует, как говорят русские, *компромат*?') – ведущий радиопередачи в диалоге с заместителем Генпрокурора Литвы;

Nieko jie negalvoja, kaip sako rusai – im do lampečki! ('Ничего они не думают, как русские говорят, – им *до лампочки!*') – во время телевизионной пресс-конференции известный баскетболист говорит о спонсорах, отказавших команде в финансировании;

Jis (vygas) turi arba vogti, arba atkatuose dalyvauti ('Он (мужчина) должен либо воровать, либо в *откатах* участвовать') – гостя радиопередачи «Persona grata» рассказывает о сложностях самоутверждения современных мужчин;

Valdžia tik daro, kaip slenge sakoma, pakazūchq, t. y. parodomuosius veiksmus ('Власть только совершает, как в сленге говорится, *показуху*, т.е. показательные действия') – мнение слушателя радиопередачи «Актуальный вопрос» („Aktualusis klausimas“) и т.п.

Naujausi games ir jų **navarotai**
(‘Новейшие игры и навороты для них’)

(Рекламное объявление на сайте [forum.penki.lt/])

Современная геополитическая и культурно-языковая ситуация закономерно влияет и на собственно коммуникативные предпочтения жителей Литвы. Так, заметным проявлением социокультурных перемен можно считать тот факт, что в нынешней Литве вместо привычного в советские годы усвоения русского языка как полноценного средства общения чаще происходит присвоение отдельных элементов русского коммуникативного сознания и коммуникативного поведения, импортируемых вместе с российскими фильмами, телевизионными программами, явлениями мас-

совой культуры. Существенно то, что присвоению подлежат именно те фрагменты русского коммуникативного поведения, которые более всего не совпадают с национальными канонами общения литовцев, которые отвергаются или не поощряются национальной коммуникативной культурой и для чего в ней нет исконных коммуникативных ресурсов. В первую очередь это экспрессивные выражения и элементы молодежных социолектов.

По словам Б. Жельвиса [2012], «высказывание определяется не языком, а коммуникативным сознанием, язык же в данном случае есть всего лишь “строительный материал”». По-видимому, при недостатке собственного выразительного «строительного материала», литовское сознание присваивает то, что кажется необходимым для устранения лексико-стилистических и концептуальных пробелов в картине мира литовцев, но главное – для устранения коммуникативных лакун, без чего всесторонняя социальная интеракция в современной действительности представляется носителям языка неполной. При этом сегодняшние очертания литовской коммуникативной культуры дают основания предполагать, что со временем у активно формирующегося литовского сленга (в его резком, но не в самом непристойном варианте) есть шанс вытеснить из общения большинства литовцев русскую обценную лексику⁶⁷.

Другим коммуникативно значимым проявлением изменившихся социокультурных ориентиров литовского общества можно считать и все более редкое обращение к русским прецедентным текстам. Это объясняется отдалением Литвы от русского культурного пространства, нахождение в котором обеспечивало необходимый инвариант их восприятия, и апелляции к таким текстам

---

⁶⁷ В этом отношении я разделяю точку зрения, согласно которой «вербализация агрессивных эмоций неизбежно сохранится в человеческом обществе, хоть и, возможно, примет новые формы» [Карасик 2004: 15].

оказывались коннотативно окрашенными и понятными для носителей данной культуры [см. Русское культурное пространство 2004: 16].

* * *

В работах, посвященных теме национального характера, он нередко метафорически сравнивается с лицом, которое может восприниматься как яркое, отличное от других или, напротив, как тривиальное, неброское. Например, российский культуролог Светлана Лурье задается вопросом, «почему представители одного народа в сходной ситуации поступают сходным образом (проявляя таким образом свойства «национального характера») и каким образом каждый народ сохраняет „лица необщее выражение”, несмотря на то, что сами по себе люди весьма и весьма сходны?» [Лурье 2002]. К аналогичной метафоре обращается Юозас Бразайтис, формулирующий мнение «изнутри» литовской ментальности:

[Е]сть люди с фотогеничными лицами, а есть – с нефотогеничными. То же касается и народов. Люди и народы с фотогеничными лицами обладают чертами, сразу же бросающимися в глаза. А у других такие черты можно заметить, только если долго и пристально в них вглядываться. Литовский народ относится ко вторым, к нефотогеничным. (...yra žmonių fotogeniškais veidais, yra ir nefotogeniški. Taip pat ir tautų. Žmonės ir tautos su fotogeniškais veidais turi iš karto į akį krintančius bruožus. Kituose juos pastebėsi, tik ilgiau ir atidžiau įsižiūrėjęs. Lietuvių tauta priklauso prie antrųjų, prie nefotogeniškių) – этот взгляд из Америки в 60-е годы 20 в. остается актуальным и сегодня [Brazaitis 2013 (1961)].

Русских, по-видимому, можно отнести к «фотогеничным» народам, но от этого они не становятся более понятными носителям других коммуникативных культур, в частности, потому, что

в российской среде исторически сложился особый характер коммуникации, «которая реализуется в многообразных, подчас причудливых формах, часто непостижимых для представителей иных лингвокультур» [Леонтович 2007: 160]⁶⁸.

Сопоставление русской и литовской коммуникативных культур показывает, что обе коммуникативные культуры противоречивы. Наиболее заметно противоречивые черты русской и литовской культур проявляются в связи с отношением их носителей к «другому/-им».

Как уже отмечалось, с точки зрения русских, при взаимодействии с «другими» этап формального, этикетно-поверхностного общения не должен затягиваться. Формальная вежливость, часто воспринимаемая как излишняя, несовместима со сближением, без которого нет и «настоящего» общения. Следовательно, вектор русского общения направлен на *сокращение* коммуникативной дистанции, а меры, принимаемые для этого сокращения, могут варьировать от «пряника» до «кнута» в вербальном и невербальном смысле.

У литовцев при соприкосновении с «инаковостью» возникает потребность в *сохранении* коммуникативной дистанции и защите личного психологического и эмоционального пространства. При этом в литовской коммуникативной культуре соблюдение формальной вежливости мыслится как средство для сохранения status quo и обеспечения бесконфликтной социальной интеракции. Если же тактики бесконфликтности не срабатывают, возможны вынужденные нарушения границ привычного речевого поведения, расцениваемые, тем не менее, как срыв или провал в общении.

---

⁶⁸ Впрочем, по мнению русской писательницы Лены Элтанг, более 20 лет живущей Вильнюсе, понимать литовцев не менее сложно: «Литовский характер до сих пор остается для меня тайной» (*Lietuvių charakteris man iki šiol paslaptis*) [kauno.diena.lt].

Однако коммуникативная эмоциональность, речевая экспрессия у русских и литовцев также проявляются по-разному, точнее – в разной степени. В случае с русскими – это стабильная черта национального коммуникативного стиля. У литовцев – это нечастые вкрапления в относительно ровный в целом стиль общения.

Коммуникативные модели, демонстрирующие категоричность, импозитивность (навязывание собеседнику определенной реакции или действия), эмоциональную эгоцентричность, можно считать *показательными* для понимания особенностей склада мышления народа [см. Дементьев 2013: 12]. В связи с этим заметное присутствие в коммуникативном поведении представителей русской и литовской культур речевых актов замечания, непрошеного совета, коммуникативной оценочности выступает как важная общая черта обеих культур. Как литовское, так и русское коммуникативное поведение могут быть квалифицированы как регулятивные, в то время как в большинстве западных культур речевой акт замечания является малораспространенным, а прагматика совета отличается от русской и литовской. Но русские и литовские оценочность и регулятивность имеют свои особенности. В русском общении категоричность и императивность в малой степени зависят от степени знакомства с теми, чье поведение, по мнению представителей русской коммуникативной культуры, нуждается в коррекции. Литовские регулятивы имеют несколько иную интенцию и «целевую группу», чем русские: литовцы охотно корректируют неправильное или «нелитовское», с их точки зрения, поведение близких, но более осторожны и аккуратны в советах и замечаниях по отношению к незнакомым.

Типичные коммуникативные проявления русских таковы: общительность, открытость, искренность, душевность, эмоциональность vs. грубость, безапелляционность, категоричность,

коммуникативное давление, прямая регулятивность. В русской коммуникативной культуре традиционному коллективизму противостоит персональность как важнейшая коммуникативная ценность, максимальная контактность, включение собеседника в личное пространство говорящего (*воспринимай жизнь, как я*). Вместе с тем русские ясно ощущают свою *общность, совместность*: для приемлемой проксемической организации существования достаточно знаков своей культуры, в том числе – бытовой, общего жизненного и языкового пространства.

Типичные коммуникативные проявления литовцев таковы: сдержанность, уступчивость, приветливость, стремление к соблюдению этикетных норм vs. коммуникативная недоверчивость, завистливость, упрямство, пессимизм, косвенная и (реже) прямая регулятивность, стремление к нравоучениям. Литовский индивидуализм/персонализм сопровождается средней контактностью и противостоит коллективизму этическому (*веди себя, как все*). При этом литовцы не стремятся ни выделиться, ни слиться с другими, они ясно ощущают свою, личную *отдельность, отделенность* от других членов своего же социума, лишь в нерядовых ситуациях проявляя *общность*, или *совместность* с этим социумом.

Изучение русской и литовской коммуникативных культур позволяет увидеть, что у представителей обеих культур присутствует стремление к другому типу поведения: у русских – к коммуникативной умеренности, неагрессивности, толерантности, у литовцев – к коммуникативной открытости, большей эмпатии, оптимизму. Однако в реальном общении в обеих культурах наблюдается нарушение этих стремлений и воспроизведение привычных шаблонов поведения. Почвой для формирования таких парадоксальных сплетений могут являться серьезные расхождения между рефлексивными коммуникативными категориями (воспринимае-

мыми как нормативные) и бытийными (отражающими не то, как должно быть, а то, что в общении есть на самом деле).

Вероятно, не менее противоречивые черты обнаруживаются и в других культурах, но, по-видимому, это возможно в первую очередь, в социумах, переживших многочисленные социокультурные трансформации, прямым образом повлиявшие как на ценностные установки, в идеале поддерживаемые национальными коммуникативными культурами, так и на реальную коммуникативную практику представителей этих культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение *межкультурных* различий возможно, лишь когда хорошо познается *каждая* из сопоставляемых культур. Но методологический парадокс, сопровождающий анализ отдельно взятых коммуникативных культур, даже не преследующий контрастные цели, заключается в том, что описание *каждой* из культур *вне сопоставления* вообще невозможно. Этот принцип точно обозначен в формуле центра по изучению культур Г. Хофстеде: «Культура существует только в сравнении» (*Culture only exists by comparison*) [geert-hofstede.com.].

В данной книге представлен взгляд на русскую коммуникативную культуру в первую очередь глазами представителей самой этой культуры. При выборе подобной стратегии описания учитывалось утверждение этнопсихологов, согласно которому «более верным и непредвзятым оказывается взгляд на культуру изнутри, поскольку именно такой взгляд не имеет невольного этноцентрического искажения, основанного на другой национальной картине мира» [Лебедева 1999: 107]. Тот же принцип, насколько это было возможно, был применен к литовской коммуникативной культуре: ее анализ в основном строился на автохарактеристиках литовцев.

Основное внимание сосредоточено на вербальных проявлениях национального коммуникативного стиля, в связи с чем уточне-

но и само понятие коммуникативного стиля – как реализуемых в общении проксемических установок конкретного этнокультурного сообщества.

В работе проанализированы комплексы языковых средств, имеющих особую значимость в русском общении. В таком ракурсе выявленные языковые средства ранее не были описаны. В связи с этим уместно вспомнить высказанное в начале XXI в. в российской науке мнение о том, что на сегодняшний день мы недостаточно понимаем, что стоит за теми или иными семантико-коммуникативными особенностями русского языка, в том числе и на фоне других языков [Милославский 2002: 152–153]. Эта мысль продолжает оставаться актуальной, к тому же подобная оценка может быть дана и ситуации с описанием семантико-коммуникативных особенностей литовского языка.

Известно, что существенные национальные различия в общении могут сопровождаться их неприятием представителями другой культуры, вплоть до коммуникативного шока. Сложнее опознаются различия в относительно схожих по многим параметрам коммуникативных культурах (именно так можно охарактеризовать русскую и литовскую культуры): в общении их представителей действуют некоторые латентные нормативы, проявляющиеся не в виде резких глубоких различий двух культур, а потому часто воспринимаемые с позиций каждой из них лишь как девиации от собственных «правильных» норм. Однако, как показывают исследования, обнаруживаемые в другой этнической культуре и воспринимаемые как отдельные, единичные «отклонения» от своих, привычных норм, коммуникативные особенности обладают системным характером: они взаимодополняемы и в большей или меньшей степени проявляются в самых разных ситуациях общения. Одним из таких комплексных, значимых этнокультурных

феноменов, часто недооцениваемых при описании относительно близких культур, является оптимальная, комфортная для участников интеракции дистанция общения, даже если опознание различий в ее проявлении и соблюдении затруднено. В подобных случаях предустановка на коммуникативную близость народов способна действовать аналогично тому, как в отношении близких языков срабатывают «ложные друзья переводчика», и тогда не слишком яркие коммуникативные несовпадения могут оставаться не учтенными, что снижает степень взаимопонимания и бесконфликтности общения.

Участие в социолингвистических проектах в Литве и работа над этой книгой позволяют наметить перспективы дальнейших исследований. В частности, актуальным представляется выяснение того, исполняем ли мы все ту же «роль русского» или «роль литовца» вне русского или литовского общения, а также насколько и в чем именно эти роли претерпевают трансформации под влиянием окружения. Можно предположить, что те или иные показатели коммуникативной этнопринадлежности должны сохраняться в любой социокультурной среде. Так, русские в России и в Литве, русские и литовцы в других странах, по-видимому, сохраняют некоторые типичные черты своей коммуникативной культуры, в их общении должны так или иначе просматриваться определенные элементы национального коммуникативного стиля. При этом, скорее всего в общении с «другими» (носителями доминирующей или принимающей коммуникативной культуры) некоторые аспекты исконного или «привезенного» коммуникативного стиля могут сознательно контролироваться (например, тематика общения), а некоторые – в той или степени выдавать коммуникативную инаковость говорящих (например, коммуникативная эмоциональность, фамильярность, грубость, вежливость и т.п.) на местном фоне.

Логично также предположить, что у живущих вне исконной этнической среды русских или литовцев при общении среди «своих» (например, при встрече с соотечественниками) этностилевые манифестации являются (или, как минимум, могут являться) комплексными (охватывают или могут охватывать разные аспекты стиля коммуникации) и, соответственно, оказываются более очевидными. Верификация такого предположения потребовала бы специального исследования, которое, возможно, позволило бы выявить как наиболее слабые, уязвимые, так и наиболее устойчивые, а значит – существенные индикаторы коммуникативной этнопринадлежности тех, кто в силу самых разнообразных обстоятельств живет в неисконной культурно-языковой среде.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова Ю. 1995 – Психология среды: источники и направления развития. – In: Вопросы психологии, №2. – Москва: Школа-Пресс. С. 130–137.
- Арутюнова Н. 1999 – Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры.
- Баева Е. 2012 – Особенности итальянского коммуникативного поведения. (Невербальный компонент). – Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж: Воронежский университет; <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-italyanskogo-kommunikativnogo-povedeniya#ixzz3GPJQrVJ3>.
- Баженова И. 2003 – Гендерные аспекты невербальной коммуникации. – In: Общество и гендер. – Рязань; <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/bazhenova.htm>.
- Бердичевский А., Голубева А. 2015 – Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Бойкова И. 2002 – Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики (русско-немецкие параллели). – In: Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки. С. 100–110.
- Борисова Е. ИмPLICITная информация в лексике. – In: ИмPLICITность в языке и речи 1999 – Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – Москва: Языки русской культуры.
- Бразаускаене Е. 2000 – Грамматические особенности русского языка в Литве. – In: Русский язык сегодня. – Москва: Азбуковник. С. 19–25.

- Брызгунова Е. 1980 – Интонация. – In: Русская грамматика. Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – Москва: Наука. С. 96–122.
- Валецкене А. 1985 – Личные местоимения (*Asmeniniai įvardžiai*). – In: Грамматика литовского языка. – Вильнюс: Мокслас.
- Васильев Л. 1981 – Семантика русского глагола. – Уфа: Башкирский университет.
- Вежбицкая А. 2001 – Понимание культур через посредство ключевых слов. – Москва: Языки славянской культуры.
- Вежбицкая А. 1996 – Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари.
- Владимирова Т. 2015 – Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия. – In: Мир русского слова. №2. – Санкт-Петербург: РОПРЯЛ. С. 47–53.
- Володина Г. 2003 – А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи. – Москва: Русский язык. Курсы.
- Воронин С. 1982 – Основы фоносемантики. – Ленинград: Ленинградский университет.
- Гак В. 1999 – Человек в языке. – In: Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – Москва: Индрик. С. 73–80.
- Гауберген М. 2010 – Национальные стили коммуникации: сопоставительный анализ русской и французской лингвокультуры;
<https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/408354/1/conflict+%26+communicatie.doc>.
- Гачев Г. 1988 – Национальные образы мира. – Москва: Советский писатель.
- Генис А. 2013 – Уроки чтения. Камасутра книжника. – Москва: АСТ (электронное издание).
- Горелов И. 2006 – Невербальные компоненты коммуникации. – 2-е изд. – Москва: КомКнига.
- Горелов И., Седов К. 2001 – Основы психолингвистики. – 3-е изд., исп. и доп. – Москва: Лабиринт.
- Гугунава Д. 2003 – Гендиадис-«шмендиадис». О повторах-отзвучиях. – In: Русская речь. №5. – Москва: РАН. С. 46–49.

- Гудков Д. 2003 – Теория и практика межкультурной коммуникации. – Москва: Гнозис.
- Дементьев В. 2013 – Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. – Москва: Глобал Ком.
- Дементьев В. 2007 – Аспекты проблемы жанр и культура. – In: Жанры речи. Вып. 5: Жанр и культура. – Саратов: Наука; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-5>.
- Дементьев В. 1999 – Светская беседа: жанровые доминанты и современность. – In: Жанры речи. Вып. 2. – Саратов: Колледж; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2>.
- Дементьев В. 1997 – Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров. – In: Жанры речи. Вып. 1. – Саратов: Колледж; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1>.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – Москва: Метатекст, 1998.
- Дьякова Л., Стернин И. 2005 – Жанр разговора по душам и русская авторская песня. – In: Жанры речи. Вып. 4: Жанр и концепт. – Саратов: Колледж; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-4>.
- Емельяненко В. 2008 – На своем, на тарабарском... – In: РусскийМир.RU. №10. – Москва: Периодика. С. 16–20.
- Ермакова Р. 2002 – Коммуникативное поведение французов и русских в некоторых ситуациях бытового общения. – In: Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки. С. 27–32.
- Желнина А, 2015 – Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства. Журнал социологии и социальной антропологии

- гии. Т. XVIII. С. 45–59; http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_2/Zhelnina_2015_2.pdf
- Жельвис В. 2012 – «Анти-Грайс»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения. – In: Жанры речи. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. – Саратов; Москва: Лабиринт; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-8>.
- Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. 2005 – Ключевые идеи русской языковой картины мира. – Москва: Языки славянской культуры.
- Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. 2002 – Ключевые идеи русской языковой картины мира. – In: Отечественные записки, №3. – Москва; <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=219>.
- Залобовская Е. 2003 – Национальные различия в невербальной коммуникации. – In: Этническая психология. – Санкт-Петербург: Речь. С. 243–248.
- Захарова Е. 1999 – Коммуникативная норма и речевые жанры. – In: Жанры речи. Вып. 2. – Саратов: Колледж; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2>.
- Зиновьева М. 1999 – «Русскость» как имплицитная информация в лексике и фразеологии. – In: Имплицитность в языке и речи. – Москва: Языки русской культуры. С. 124–133.
- Карасик В. 2007 – Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма.
- Карасик В. 2004 – Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис.
- Карасик В. 2002 – Язык социального статуса. – Москва: Гнозис.
- Касаткина Р. 2004 – Частица *же* в роли текстового коннектора (на материале русской диалектной речи). – In: Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей / Отв. ред. Николаева Т.М. – Москва: Языки славянской культуры. С. 71–83.
- Касьянова К. 2003 – О русском национальном характере. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; <http://www.etnosy.ru/node/502>.

- Кашкин В. 2013 – Введение в теорию коммуникации. – Москва: Флинта.
- Кирилина А. 2013 – Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка в эпоху глобализации. – In: Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. №24(5). – Тверь: ТвГУ. С. 159–167.
- Китайгородская М., Розанова Н. 2010 – Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. – Москва: Языки славянских культур.
- Китайгородская М., Розанова Н. 1994 – Речевые одежды Москвы. – In: Русская речь. №2; №3. – Москва: РАН. С. 45–53; С. 50–59.
- Кон И. 2003 – Национальный характер – миф или реальность? – In: Этническая психология. – Санкт-Петербург: Речь. С. 139–144.
- Крейдлин Г. 2005 – Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – Москва: Языки славянской культуры.
- Крейдлин Г. 2001 – Кинесика. – In: Григорьева С., Григорьев Н., Крейдлин Г. Словарь языка русских жестов. – Москва–Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах. (Язык. Семиотика. Культура). С. 166–254.
- Крейдлин Г. 2000 – Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах. – In: Логический анализ языка: Языки этики. – Москва: Языки русской культуры. С. 341–352.
- Кронгауз М. 1999. – Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства. – In: Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – Москва: Индрик. С. 124–134.
- Куликова Л. 2006 – Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева.
- Куликова Л. 2004 – К понятию коммуникативного стиля. – In: Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. №1. – Воронеж: Воронежский университет. С. 34–39.
- Кундротас Г. 2004 – Типология интонационных систем (на материале русского и литовского языков). – In: Вопросы русского языкознания: Сб.

- Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: Сборник научных статей к юбилею Е.А.Брызгуновой. – Москва: Изд-во МГУ. С. 140–149.
- Ларина Т. 2013а – Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. – Москва: Языки славянских культур.
- Ларина Т. 2013б – Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения. – In: Cuadernos de Rusística Española, №9. – Гранада: Гранадский университет. С. 193–204.
- Ларина Т. 2009 – Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси. Серия: Язык. Семиотика. Культура.
- Ларина Т., 2005 – Английский стиль фатической коммуникации. – In: Жанры речи. Вып. 4: Жанр и концепт. – Саратов: Саратовский университет; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-4>.
- Левонтина И. 2009 – Особые события в современном русском языке (о названиях жанров времяпрепровождения вечеринка и событие). – In: Жанры речи. Вып. 6: Жанр и язык. – Саратов: Наука; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6>
- Левонтина И. 2004 – Ишь. – In: Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – Москва: Языки славянской культуры. С. 305–318.
- Леонтович О. 2007 – Введение в межкультурную коммуникацию. – Москва: Гнозис.
- Леонтович О. 2005 – Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Москва: Гнозис.
- Лихачев Д. 1987 – Заметки о русском. – In: Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Том 2. – Ленинград: Художественная литература. С. 418–494; <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/zam.htm>.
- Лихачева А. 2016 – Вербальные особенности городского пространства как часть национальной коммуникативной культуры. – In: Slavistica Vilnensis, 61. – Вильнюс: Вильнюсский университет. С. 161–172.

- Лихачева А. 2012а – Эмфатический тонус текста и особенности русского коммуникативного поведения. – In: Журналистика и культура русской речи. – Москва: Московский государственный университет, № 2. С. 16–23.
- Лихачева А. 2012b – Интенсификация высказывания как проявление русского коммуникативного стиля. – In: *Kalbotyra 57 (2) Slavistica Vilnensis*. – Вильнюс: Вильнюсский университет. С. 111–125.
- Лихачева А. 2012c – Интенсификаторы в русском тексте: аспекты описания в иноязычной аудитории. – In: *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet*. – Варшава: Варшавский университет. С. 851–858.
- Лихачева А. 2012d – Идея родства в русском коммуникативном сознании. – In: Язык и культура в современном мире: актуальные проблемы и тенденции развития. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики. С. 6–13.
- Лихачева А. 2011 – Лексика родства в русской коммуникативной культуре. – In: *Kalbų studijos / Studies about Languages*. № 19. – Kaunas: Kauno technologijos universitetas. С. 106–112.
- Лихачева А. 2010 – Русские экспрессивы в переводном тексте: дилеммы коммуникативной адекватности. – In: Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы. – Мадрид: Гранадский университет. С. 1272–1276.
- Лихачева А. 2009 – Креативные тенденции в языке: русские сленговые номинации речевых действий. – In: *Humaniora: Lingua Russica*. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. (Отв. ред. И.П.Кюльмоя). – Тарту: Тартуский университет. С. 284–302.
- Лихачева А. 2008а – О семантической параметризации русских номинаций говорения. – In: *Kalbų studijos / Studies about Languages*. №13. – Kaunas: Kauno technologijos universitetas. С. 21–26.
- Лихачева А. 2008b – Русские синестемические глаголы говорения. – In: *Respectus Philologicus*. №13 (18). – Kaunas: Vilniau suniversiteto kauno humanitarinis fakultetas. С. 222–230.

- Лихачева А. 2007а – Об особенностях литовской коммуникативной культуры в связи с понятием «национальный характер». – In: Коммуникативное поведение. Вып. 27: Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки. С. 4–16.
- Лихачева А. 2007б – Взаимодействие русского и литовского коммуникативного сознания: социокультурный аспект. – In: Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы. Т.2. – Санкт-Петербург – Гранада. С. 987–993.
- Лихачева А. 2005 – Под знаком сдержанности: о некоторых особенностях литовского коммуникативного сознания (в сопоставлении с русским). – In: Культура общения и ее формирование. Вып. 15. – Воронеж: Истоки. С. 90–95.
- Лич Э. (Leach E. R.) 2001 – Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. – Москва: Восточная литература, РАН.
- Лурье С. 2002 – В поисках русского национального характера. – In: Отечественные записки, №3. – Москва; <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=204>.
- Льюис Р. Д. (Lewis R.D.) 2001 – Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию (1996). Пер с англ. — 2-е изд. — Москва: Дело.
- Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст: введение в лакунологию. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2008.
- Марсакова Т. 2012 – Новое в «городской» номинации современного русского языка в аспекте преподавания иноязычным учащимся. – In: Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей XIV международной конференции. Вып. 16, ч. IV. (Отв. ред. А.В. Павловская). – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. С. 228–240.
- Меграбян А. (Mehrabian A.) 2001 – Психодиагностика невербального поведения. Пер. с англ. – Санкт-Петербург: Речь.

- Мёрдок Дж. П. (Murdock G. P.) 1997 – Фундаментальные характеристики культуры. Пер. с англ. – In: С. Левит (сост.) Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург: Университетская книга. С. 49–57.
- Маслова А. 2004 – Коммуникаема как компонент процесса общения. – In: Коммуникативное поведение. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж: Истоки. С. 53–70.
- Микаберидзе И. 2008 – Национально-культурная специфика взаимодействия вербального и невербального компонентов коммуникации (на материале русской и еврейской лингвокультуры). – Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар: Краснодарский университет; <http://cheloveknauka.com/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-vzaimodeystviya-verbalnogo-i-neverbalnogo-komponentov-kommunikatsii> .
- Милославский И. 2002 – Культура речи и русская грамматика. – Москва: СТУПЕНИ, ИНФРА-М.
- Михайлова Ю. 2015 – Городской медиадискурс как поликультурное пространство. – In: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, Т.2. – Санкт-Петербург: МАПРЯЛ. С. 99–102.
- Моисеев А. 1963 – Термины родства в современном русском языке. – In: Филологические науки, №3. – Москва. С. 120–132.
- Мокиенко Б. 1994 – Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. – In: Russistik / Русистика, № ½, – Berlin. С. 50–73; <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>.
- Москвин В.П. 2001 – Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. – In: Вопросы языкознания, №3. – Москва. С. 58–70.
- Мур И. Лингвистический ландшафт как средство анализа языковой ситуации и языковой политики в пост-советском пространстве. – In: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). Т.2. – Санкт-Петербург: МАПРЯЛ. С. 109–114.
- Нагорный И. 2001 – Пресуппозитивная функция модально-персуазивных частиц в высказывании; <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/nagornii.pdf>.

- Нэпп М., Холл Д. (Napp M. L., Hall J. A.) 2004 – Невербальное общение. Пер. с англ. – Санкт-Петербург: прайм-ЕВРОЗНАК; Москва: ОЛМА-ПРЕСС.
- Николаева Т. 2008 – Непарадигматическая лингвистика: история «блуждающих частиц». – Москва: Языки славянских культур.
- Николаева Т. 2000 – Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция. – In: Язык как средство трансляции культуры. – Москва: Наука. С. 112–131.
- Николаева Т. 1985 – Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – Москва: Наука.
- Овчинникова Т. 2009 – Пространственная метафора в семантике модальных частиц действительного происхождения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва; <http://www.linguanet.ru/science/dissertations/2009/Ovthinnikova%20Т.Е/Ovthinnikova%20Т.Е.pdf>.
- Павловская А. 2010 – Россия и русские (книга и DVD). – Москва: Центручебфильм; <http://narody.ru/filmyi-i-kniga-rossiya-i-russkie.html>.
- Петрова А. 2003 – Феномен общения с точки зрения этнопсихологии (к постановке проблемы). – In: Этническая психология. – Санкт-Петербург: Речь. С. 223–228.
- Пипер П., Стернин И. 2004 – О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры). – In: Коммуникативное поведение. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж: Истоки. С. 3–10.
- Плунгян В. 2013 – Дискурсивные слова. Москва: ПостНаука; <http://postnauka.ru/faq/8572>.
- Потапова Р. 1998 – Коннотативная паралингвистика. –2-е изд. – Москва: Триада.
- Правда Е. 2004 – Некоторые особенности коммуникативного поведения словаков. – In: Коммуникативное поведение. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж: Истоки. С. 25–39.

- Привалова И. 2007 – Речевые жанры сквозь призму культурных измерений. – In: Жанры речи. Вып. 5: Жанр и культура. – Саратов: Наука; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-5>.
- Прохоров Ю., Стернин И. 2006 – Русские: коммуникативное поведение. – 2-ое изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука.
- Резаи Азин М. 2013 – Русское коммуникативное поведение с позиции носителя персидского языка. – In: Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. – Воронеж: Воронежский университет. С. 211–215.
- Резникова Т. 2003 – Этнопсихолингвистическая специфика кинесических лакун. – In: Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ. С. 177–182.
- Рис Н. (Ries N.) 2005 – «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. Пер. с англ. – Москва: Новое литературное обозрение.
- Рогозная Н., Мацура А. 2001 – Японские невербальные средства общения. – In: Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Вып. 16. – Москва: МАКС Пресс. С. 66–76.
- Русское культурное пространство 2004 – Теоретические положения. Принципы описания. – In: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В.Захарченко, В.В. Красных. – Москва: Гнозис.
- Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение 2007 – Коммуникативное поведение. Вып. 27. Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки.
- Рытникова Я. 1997 – Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения. – In: Жанры речи. Вып. 1. – Саратов: Колледж; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1>.

- Санников В. 1999 – Русский язык в зеркале языковой игры. – Москва: Языки русской культуры.
- Седов К. 1997 – Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость». – In: Жанры речи. Вып. 1. – Саратов: Колледж; <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1>.
- Седых А. 2002 – Русские и французские диалогические стратегии. – In: Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки. С. 20–24.
- Сергеева А. 2006а – Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – 4-ое изд., испр. – Москва: Флинта: Наука.
- Сергеева А. 2006б – Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. – Москва: Русский язык. Курсы.
- Синекопова Г. 2015 – Языковые меньшинства в лингвистическом ландшафте Москвы. – In: Вестник Российского нового университета. Филологические науки. Серия «Человек в современном мире». №2. С. 45–49.
- Скляревская Г. 2004 – Метафора в системе языка. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Сковородников А., Копнина Г. 2008 – Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка. – In: Язык средств массовой информации. – Москва: Академический проект; Альма Матер. С. 521–539.
- Смирнова Е. 2005 – Гендерные и социокультурные особенности коммуникации. – In: Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», № 2. – Воронеж: Воронежский университет; <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2005/02/smirnova.pdf>.
- Стернин И. 2005 – Язык и национальное сознание. – In: Логос, 4(49). – Москва: Институт Гайдара. С. 156–171.
- Стернин И. 2004 – Основные особенности русской коммуникативной культуры. – In: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. – Варшава: Варшавский университет. С. 32–55.

- Стернин И. 2003а – К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения. – In: Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И.Карасика, Н.А.Красавского. – Волгоград: Перемена. С. 7–17.
- Стернин И. 2003б – Русское и немецкое коммуникативное поведение, и проблема межкультурной коммуникации. – In: Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания. Материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск. С. 177–180.
- Стернин И. 2002а – Коммуникативное и когнитивное сознание. – In: С любовью к языку. – Москва-Воронеж. С. 44-51; <http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm>.
- Стернин И. 2002б – Русское коммуникативное сознание. – In: Коммуникативное поведение. Вып. 3: Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: ИСТОКИ. С. 5–13.
- Стернин И. 2002с – О понятии «коммуникативный шок». – In: Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки. С. 10–19.
- Стернин И., Ларина Т., Стернина М. 2003 – Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: Истоки.
- Стернин И. 2000 – Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж: Гарант.
- Стефаненко Т. 2012 – Этнический стереотип это не всегда нечто отрицательное; <http://www.gumilev-center.ru/ehtnicheskijj-stereotip-eh-to-ne-vsegda-nechto-otricatelnoe/>.
- Стефаненко Т. 2003 – Национальный характер или ментальность? – In: Этническая психология. – Санкт-Петербург: Речь. С.154–157.
- Таннен Д. (Tannen D.) 2012 – Коммуникативный стиль нью-йоркских евреев. – Пер. с англ. – In: Социолнгвистика и социология языка. Отв. ред. Н.Б. Вахтин. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 292–309.

- Тер-Минасова С. 2008 – Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – Москва: Слово/Slovo.
- Тер-Минасова С. 2000 – Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово/Slovo.
- Триандис Г. (H. C. Triandis) 2007 – Культура и социальное поведение. Пер. с англ. – Москва: Форум.
- Туранский И. 1990 – Семантическая категория интенсивности в английском языке. – Москва: Высшая школа.
- Уайт Л. А. (White L. A.) 1997 – Понятие культуры. – Пер. с англ. – In: Антология исследований культуры. Том 1: Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург: Университетская книга. С. 17–48.
- Уфимцева Н. 2009 – Образ мира русских: системность и содержание. – In: Язык и культура. Вып. 4. – Томск: Томский государственный университет. С. 98–111. <http://voppsy.ru/issues/1990/902/902143.htm>.
- Фенина В. 2005 – Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах. – Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов: Саратовская государственная академия права.
- Формановская Н. 2011 – Коммуникативный контакт и его проявления. – In: Русский язык за рубежом. №1 – Москва. С. 51–57.
- Формановская Н. 2000 – Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. – In: Специализированный вестник КрасГУ, 2000, вып. 11. – Красноярск. С. 83–88; http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0070273.pdf.
- Химик В. 2004 – Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Предисловие. – Санкт-Петербург; <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm>.
- Храмова Г. 1999 – Глаголы речи в метакоммуникативных высказываниях. – In: Аспекты лингвистических и методических исследований. Архангельск. <http://www.pomorsu.ru/ScientificLife/Library/Sbornic2/article2.htm>.
- Чарыкова О., Попова З., Стернин И. 2012 – Основы теории языка и коммуникации. – Москва: Флинта: Наука.

- Чернявская О. 2011 – Город как коммуникативное пространство. – In: Город меняющийся: траектории развития и культурные пространства. Сб. статей. – Пермь: Высшая школа экономики. С. 24–34; <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/64374784>.
- Шатуновский И. 2001 – Язык сквозь призму языка – In: Russian Linguistics. Vol. 25, No 3. С. 335-354; <http://lingua.uni-dubna.ru/Doc/shatun32.rtf>.
- Шаховский В. 1998 – Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации. – In: Филологические науки, №2. – Москва: Грамота. С. 59–65.
- Шевченко Ю. 2002 – Французское невербальное коммуникативное поведение. – In: Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки. С. 50–56.
- Шейгал Е. 1981 – Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва.
- Шилихина К. 2000 – Коммуникативное давление в русском общении. – In: Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда – Воронеж; <http://tpl1999.narod.ru/WebTPL2000/ShilikhinaTPL2000.htm>.
- Шилихина К. 1997 – Модификация поведения собеседника в русской и американской коммуникативных культурах. – In: Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 8. – Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 178–185.
- Шмелев А. 2002 – Русская языковая модель мира. – Москва: Языки славянской культуры.
- Язык о языке 2000 – Под ред. Н.Д. Арутюновой/ Коллективная монография. – Москва: Языки русской культуры.
- Allik J., Mõttus R., Realo A., Pullman H., Trifonova A., McCrae R., Meshcheryakov B. et al. 2009 – How National Character is Constructed: Personality Traits Attributed to the Typical Russian. – In: Psychological Journal of International University of Nature, Society and Human “Dubna”, №1; http://psych.ut.ee/~jyri/en/RCPS3_Published-version2009.pdf.

- Balčiūnienė I. 2009 – *Pokalbio struktūros analizė kalbos įsisavinimo požiūriu*.
Daktaro dissertacija. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas.
- Balčiūnienė I. 2006 – Keiksmožodžių vertimas. Pranešimas, skaitytas LLVS
seminare-diskusijoje 2006-12-06; <http://www.llvs.lt/?recensions=229>.
- Baravykaitė A. 2005 – Filmų vertimo problematika. . – In: Kalbotyra, № 55(3). –
Vilnius; pp. 7–14; [http://www.leidykla.vu.lt/inetleid/kalbot/kalbot3/55_3/
straipsniai/str1.pdf](http://www.leidykla.vu.lt/inetleid/kalbot/kalbot3/55_3/straipsniai/str1.pdf).
- Braun F. 1988 – *Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various
Languages and Cultures*. – Berlin: Mouton de Gruyter.
- Brazaitis J. 2013 – Lietuvių charakterio vertybės (1961); Juozas Brazaitis. Lietuvių
charakterio vertybės (1961 m.) | Alfa.lt [http://www.alfa.lt/straipsnis/15079136/
juozas-brazaitis-lietuviu-charakterio-vertybes-1961-m#ixzz3ibdNMrBY](http://www.alfa.lt/straipsnis/15079136/juozas-brazaitis-lietuviu-charakterio-vertybes-1961-m#ixzz3ibdNMrBY)
- Cai D.A., Fink E. L. 2002 – Conflict Style Differences Between Individualists
and Collectivists. In *Communication Monographs*. Vol. 69, No1, pp. 67–87;
<http://www.galileoco.com/literature/CaiFink2002.pdf>.
- Chambers J.K. 2009 – *Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and Its Social
Significance*. Rev. ed. – Chichester, West Sussex: A John Wiley & Sons, Ltd.
- Chentsova-Dutton Y. E. Vaughn A. 2012 – Let Me Tell You What to Do: Cultural
Differences in Advice-Giving. – In: *Journal of Cross-Cultural Psychology*,
43, pp. 687–703; <http://jcc.sagepub.com/content/43/5/687>.
- Čepaitienė G. 2007 – Lietuvių kalbos etiketas: semantika ir pragmatika. –
Šiauliai: Šiaulių universitetas.
- Čepaitienė G. 1996 – Kalbos etiketas ir mokykla. – Šiauliai: Šiaulių pedagoginis
institutas.
- Declercq Ch. 2011 – Advertising and Localization. – In: *The Oxford Handbook
of Translation Studies*; [http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/
oxfordhb/9780199239306.001.0001/oxfordhb-9780199239306-e-019](http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199239306.001.0001/oxfordhb-9780199239306-e-019)
- De Mooij M. 2014 – Culture and Communication. – In: *Global Marketing
and Advertising: Understanding Cultural Paradoxes*, by M. De Mooij (4th
edition) – SAGE Publications, Inc., pp. 195-230.
- De Mooij M., Hofstede G. 2010 – The Hofstede Model. Applications to Global
Branding and Advertising Strategy and Research. – In: *International Journal*

- of Advertising, 29(1), pp. 85-110; http://mariekedemooy.com/articles/demooy_2010_int_journal_adv.pdf.
- Foster D. 2004 – Europos šalių etiketas. – Vilnius: Algarvė.
- Gender and Communication: Male-Female Differences in Language and Nonverbal Behavior; <http://www.berkeleymedia.com>.
- Green E., Deschamps J.-C., Páez D. 2005 – Variation of Individualism and Collectivism within and between 20 Countries. A Typological Analysis. – In: Journal of Cross-Cultural Psychology, Vol. 36, No. 3, May, pp. 321–339; <http://jcc.sagepub.com/content/36/3/321>.
- Grigas R. 2002 – Šiuolaikinio lietuvių nacionalinio būdo bruožai. Problemos apibrėžtis (Sociosofinė kritinė apžvalga). – In: Filosofija. Sociologija, №4, pp. 9–14; <http://www.lmaleidykla.lt/publ/0235-7186/2002/4/9-14.pdf>.
- Grigas R. 2003 – Šiuolaikinio lietuvių nacionalinio būdo bruožai: nerimą keliančios trajektorijos (Sociosofinė kritinė apžvalga). – In: Filosofija. Sociologija, №1; pp. 22–30; <http://www.lmaleidykla.lt/publ/0235-7186/2003/1/F-22.pdf>.
- Gudavičius A. 2000 – Etnologistika. – Šiauliai: Šiaulių universitetas.
- Gudykunst W., Ting-Toomey S. 1988 – Culture and Interpersonal Communication. – Newberry Park, CA: Sage, pp. 99–116.
- Hall E. T. 1981 – The Silent Language (1959). – New York: Anchor.
- Hall, E., T. 1976 – Beyond Culture. – New York: Doubleday.
- Hall E. T. 1966 – Hidden Dimension. – New York: Anchor.
- High and Low Context; <http://www.culture-at-work.com/highlow.html>
- Hofstede, G. (2012). National culture: Countries. <http://geert-hofstede.com/countries.html>; <http://geert-hofstede.com/lithuania.html>; <http://geert-hofstede.com/russia.html>.
- Kazijevaitė M., Mikutytė J. 2004 – Diena, kai inteligentams buvo oficialiai leista keiktis. – In: Literatūra ir menas, 2996; <http://www.llvs.lt/?item=58&lang=lt>.
- Knoblauch H. 2001 – Communication, Context and Culture. A Communicative Constructivist Approach to Intercultural Communication. – In: Di Luzio, Aldo, Susanne Günthner and Franca Orletti (eds.), Culture in

- Communication. Analyses of Intercultural Situations. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, pp. 3–33.
- Kučinskaitė A. Lietuvių kalbos etiketas. – Vilnius: Mokslas, 1990.
- Lavaste L. 2012 – Mes. Lietuviai: vadovėlis, kaip suprasti lietuvius ir jais naudotis. – Vilnius: Tyto alba.
- Legaudaitė J. 2002 – Jaunimo slengas – psichosocialinis fenomenas. Dakt. dis. santrauka. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas.
- Macevičiūtė E. 2005 – Communication Behaviour of Lithuanian ‚Hosts‘ in Meetings with Foreigners („Strangers“). – In: Informacijos mokslai: mokslo darbai. T. 35; <http://etalpykla.lituanistikadb.lt/fedora/get/LT-LDB-0001:J.04~2005~1367151234594/DS.002.1.01.ARTIC>.
- Matsumoto D. 2006 – Culture and Nonverbal Behavior; <http://davidmatsumoto.com/content/Matsumoto%20Chapter%2012%20Pages%20from%20Manusov%20II%20Proff-14.pdf>.
- Mestrie R., Swann J., Deumert A., Leap W. 2011 – Introducing Sociolinguistics (2-nd edition). – Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Miyamoto Y., Schwarz N. 2006 – When Conveying a Message May Hurt the Relationship: Cultural Differences in the Difficulty of Using an Answering Machine. – In: Journal of Experimental Social Psychology, №42. – Michigan: University of Michigan, Ann Arbor, pp. 540–547.
- Mockaitis A. 2002 – The National Cultural Dimensions of Lithuania. – In: Ekonomika, 59 (1, pp. 67–77; <http://etalpykla.lituanistikadb.lt/fedora/get/LT-LDB-0001:J.04~2002~1367180286448/DS.002.1.01.ARTIC>
- Oberg K. 1960 – Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. – In: Practical Anthropology 7, pp. 142–146.
- Payne W. 2007 – Laughing and Dancing in New York and Vilnius. – In: Baltic Outlook, October/November, pp. 72–76.
- Papaurėlytė-Klovienė S. 2010 – Kaimyninių šalių atstovai ir jų nacionalinio charakterio specifika lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje. – In: Lietuvių kalba, №4. – Vilnius: Vilniaus universitetas; <http://www.lietuviukalba.lt/index.php?id=146>.

- Papaurėlytė-Klovienė S. 2009 – Lietuvių nacionalinis charakteris lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje: ar galime vadintis darbščiaisiais pavyduoliais. – In: *Acta humanitara universitatis Saulensis*. T. 8. – Šiauliai: Šiaulių universitetas, pp. 244–252.
- Paulauskienė A. 1994 – Lietuvių kalbos morfologija. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- Pauža J. 2007 – Формирование коммуникативных компетенций учителя в ситуациях проявления речевого этикета в разноязычной среде / *Developing the Teacher's Communicative Competences in the Speech Etiquette Situations in the Multilingual Environment*. – In: *Mokytojų ugdymas / Teacher Education*, №. 7. – Šiauliai: Šiaulių universitetas, pp. 46-61; <http://etalpykla.lituanistikadb.lt/fedora/objects/LT-LDB-0001;J.04~2007~1367177780759/datastreams/DS.002.2.01.ARTIC/content>.
- Realo A., Allik J., Lönnqvist J.-E. et al. 2009 – Mechanisms of the National Character Stereotype: How People in Six Neighbouring Countries of Russia Describe Themselves and the Typical Russian. – In: *European Journal of Personality*, 23. John Wiley & Sons, Ltd., pp. 229-249; http://www.psych.ut.ee/~jyri/en/Realo-et-al_EJP2009.pdf.
- Samovar, L. A., & Porter, R. E. (Eds.). 1997 – *Intercultural communication: A reader* (8th ed.). – Belmont, Ca: Wadsworth Publishing Company.
- Sanchez-Burks J., Lee F., Choi I. et al. 2003 – Conversing Across Cultures: East-West Communication Styles in Work and Nonwork Contexts. – In: *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 85, No. 2, pp. 363–372.
- Smith P. B. 2011 – Communication Styles as Dimensions of National Culture. – In: *Journal of Cross-Cultural Psychology*, No. 42, pp. 216–233; <http://jcc.sagepub.com/content/42/2/216>.
- Taljūnaitė M. 2006 – Lietuvių tautinio tapatumo konstravimas sociologiniuose tyrimuose. – In: *Filosofija. Sociologija*, No. 2, pp. 8–17; http://elibrary.lt/resursai/LMA/Filosofija/Fil_008_017.pdf.
- Ting-Toomey S. 1999 – *Communicating Across Cultures*. – New York, London: The Guilford Press.

- Ting-Toomey, S., Gao, G., Trubisky, P., Yang, Z., Kim, H.S., Lin, S.L., & Nishida, T. 1991 – Culture, face maintenance, and styles of handling interpersonal conflict: A study of five cultures. – In: *International Journal of Conflict Management*, 2, pp. 275–292.
- Trager G.L., Hall E.T. 1954 – Culture and communication: A model and analysis. – In: *Explorations: Studies in Culture and Communication*. No. 3, pp. 137–149.
- Triandis H.C., Suh E.M. 2002 – Cultural Influences on Personality. – In: *Annual Review of Psychology*, vol. 53, pp. 133–60; <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic1230873.files/CulturalInfluences.pdf>.
- Zaikauskas E. 2005 – Bausti negalima pasigailėti. – In: *Spectrum*, №1. – Vilnius: Vilniaus univrsitetas; <http://www.flf.vu.lt/lkk/Apie%20zargona.htm>.
- Zavjalova M. 2002 – Skoliniai iš rusų kalbos dabartiniam lietuvių žargone: jų semantinių “aura” ir likimas. – In: *Liaudies kultūra*. №3 (84). Vilnius: LR Kultūros ministerija, pp. 24–31.
- Zavjalova M., Ryžakova S. 2004 – Lietuvių ir rusų požiūris vienu į kitus: kai kurie etnopsicholingvistinio tyrinėjimo rezultatai. – In: *Liaudies kultūra*. №2 (95). Vilnius: LR Kultūros ministerija, pp. 17–27.
- Žakaitis P. 2011 – Psichologiniai lietuvių etninio savitumo vertinimai. – In: *Tiltai*, №3. – Klaipėda: Klaipėdos universitetas, pp. 29–43; <http://etalpykla.lituanistikadb.lt/fedora/objects/LT-LDB-0001:j.04~2011~1367176222729/datastreams/DS.002.0.01.ARTIC/content>.

Лексикографические источники

- СРРЭ – Балакай А. Словарь русского речевого этикета. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2001.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2009; <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
- Ефремова Т. 2004 – Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – Москва: АСТ.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1999.

- МАС – Евгеньева А. (ред.) Словарь русского языка: В 4-х т.– Москва: Русский язык, 1981–1984.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка; <http://www.ruscorpora.ru/>.
- Никитина Т. – Так говорит молодежь: Словарь сленга. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998.
- ТСМС – Никитина Т. Толковый словарь молодежного сленга: Слова непонятные взрослым. – Москва: Астрель: АСТ, 2002
- ТСРОЖ – Ермакова О., Земская Е., Розина Р. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. Москва, 1999.
- РСС – Шведова Н. (ред.) Русский семантический словарь Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. 1 т. – Москва: Азбуковник, 1998.
- СРСВ – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Автор Н. Абрамов. ГРАМОТА.РУ, 2002; <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/>.
- Степанов Ю. 2001 – Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Академический Проект.
- СС – Никитина Т. Так говорит молодежь: Словарь сленга. Санкт-Петербург, 1998.
- СРС – Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90 годов) / Под ред. А.Н.Баранова. – Москва: Метатекст, 1997.
- ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л.Г. Бабенко. – Москва: АСТ–ПРЕСС, 1999.
- Федоров А. 2008 – Фразеологический словарь русского литературного языка. – Москва: Астрель: АСТ.
- Языковые изменения – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. /Под ред. Г. Складневской. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998.
- АВВУУ Lingvo – Электронный русско-английский словарь; <http://lingvopro.abbyonline.com/ru>

Katzner – Katzner, Kenneth. „English-Russian, Russian-English dictionary”. A Wiley–Interscience Publication, 1984.

LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas; <http://www.lkz.lt/startas.htm>.

Shlyakhov V., Adler E. 1995 – Dictionary of Russian Slang & Colloquial Expressions. BARRON’S, New York.

Zaikauskas E. 2007 – Kalbos paribiai ir užribiai: lietuvių žargono žodynelis. – Vilnius: Alma littera.

Российские медиа-материалы

Беседа с Ксенией Касьяновой по поводу книги «О русском национальном характере» (проведена С. Белановским). – Естественно-научный (характерологический) подход к изучению творческого процесса: научно-информационный интернет-ресурс; http://www.characterology.ru/characterology/nation-characterologic/item_4476.html.

Интернет-форум «Отличительные признаки российского человека»; <https://www.facebook.com/groups/295151290678859/>.

Лебедева Н. 2005 – «Кто-то громко компостирует талончик». – Российская газета; <http://www.rg.ru/printable/2005/10/03/ernest.html>.

Мохин А. 2015 – Может быть это дискриминация? – ru.DELFI.lt; <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/amohin-mozhet-byt-eto-diskriminacija.d?id=68825376>

Пальвелева Л. 2016 – «Ребенок “ослиной породы”». – Радио Свобода; <http://www.svoboda.org/content/article/27614929.html>.

Тарасевич Г., 2009: Рейтинг гостеприимства. – Русский репортер; http://www.rusrep.ru/2009/12/news_turizm/.

Тащилин А. 2012 – «Пушкин сам использовал сленг». – Газета.Ru; http://www.gazeta.ru/science/2012/07/12_a_4678653.shtml.

Фанайлова Е., 2015: Приключения иностранцев в России. – Радио Свобода; <http://www.svoboda.org/a/27019461.html>.

Шаббаева Т. 2010 – «Мы последние в очереди на покаяние». – Российская газета; <http://www.rg.ru/2010/11/01/prilepin-site.html>.

<http://www.stranamam.ru/>
<http://mamocheck.net/v-chem-sila-sestra/>
<https://www.facebook.com/>
<https://groups.google.com/forum/#!topic/bilingual-online/oIqop35MUbg>
<https://ok.ru/>
<https://www.vkusny.spb.ru>

Литовские медиа-материалы

- Genys D. 2016 – Formuojame lietuvišką charakterį? – Olimpinių panorama; https://issuu.com/borninidea/docs/olimpine_panorama_2016_06.
- Grigaliūnaitė B. 2016 – Kaip atrodo lietuviai užsieniečių akimis: išskyrė keletą būdingiausių bruožų. – Tiesa; <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=71156216>.
- Jančys A. 2013 – Geras lietuviškas humoras – tik už spygliuotos tvoros; <http://www.lrytas.lt/komentarai/geras-lietuviskas-humoras-tik-uz-spygliuotos-tvoros-201304021731.htm>.
- Kairiūnaitė A. 2015 – Lietuviams nebūdingas draugiškumas avansu. – Manasis aš / LRT.lt; <http://psichika.eu/blog/lietuviams-nebudingas-draugiskumas-avansu/>.
- Laučius V. 2007 – T. Venclova: „Lietuviams trūksta bajoriško tvirtumo“; <http://www.delfi.lt/news/ringas/lit/tvenclova-lietuviams-truksta-bajorisiko-tvirtumo.d?id=13930573>.
- Rašytoja L. Eltang: lietuvių charakteris man iki šiol paslaptis; <http://kauno.diena.lt/naujienos/laisvalaikis-ir-kultura/kultura/rasytoja-leltang-lietuviu-charakteris-man-iki-siol-paslaptis-606810#.VOITZyZs6jg/>.
- Saulytis G. – «Maža, bet plačios širdies tauta»; <https://1drv.ms/u/s!AgEAPYbVssPrgnv798ui8vvKwJkX>.
- Šerelytė R. 2006 – “Blogas darbas turi būti išpirktas geru” Į Baltosios anketos klausimus atsako rašytoja Renata Šerelytė; <http://lzinios.lt/lzinios/print.php?idas=102367>.
- Šimtininkaitė G. 2012 – Ar Tu laimingas? Aišku, kad ne. Juk Tu – Lietuvis. – In: Sociumas: Klaipėdos universitetas; <http://sociumas.wordpress.com/2012/12/19/ar-tu-laimingas-aisku-kad-ne-juk-tu-lietuvius/#more-3231>.

- Švedienė R. 2011 – Ar mokame gražiai padėkoti ir paprašyti?; <http://alkas.lt/2011/12/11/ar-mokame-graziai-padekoti-ir-paprasyti/>
- Urbanavičius A. 2013 – Svetainė „Gerbkime žodį“; <http://on.lt/author/Algimantas+Urbanavi%C4%8Dius/>
- <http://jurgosblogas.lt/wp/2014/01/ramybe-ir-santurumas-lietuviskas-stilius/>
- <http://kauno.diena.lt/naujienos/sportas/kitos-sporto-sakos/lietuviskas-santurumas-pries-italiska-temperamenta-456436>
- http://ualgiman.dtiltas.lt/geras_zodis_ir_savitvarda.html
- <http://faktai.lt/lietuva/formatas-a3-tesia-propagandine-veikla-lietuvoje-sveciuose-aktorius-s-puskepalis/>
- <http://forum.penki.lt/Topic55935-130-1.aspx>
- <http://www.gimtadienis.info/draugu-gimtadienis/sveikinimai/prasingipalinkejimai.html>
- <http://dovanusalis.lt/knyga-baras-nacionaliniai-lietuviu-charakterio-ypatumai>
- <http://www.manonamai.lt/mano-sodas-ir-kiemas/darzas/kaip-tresti-agurkus-kad-derliaus-ir-kaimynas-pavydetu.d?id=68561550>
- <http://www.njuspeipis.lt/straipsniai/kitu-kampu-13/lt/keiksmazodziai-----kasdienes-ydos-ar-emocine-iskrova--255.html>
- <http://saviugda.blogspot.com/2013/07/kokio-vasaros-savaitgalio-su-seimajums.html>
- <http://www.skm.lt/skm-naujienos/kitoks-gimtadienis-su-skm-kurio-pavydesvisi-sveciai>
- <http://www.ve.lt/naujienos/visuomene/sociumas/koks-tas-lietuviskas-charakteris-3-795884/>
- <http://eskizai.org/paveiksleliai/2012/07/atradimai-007jbutksmaz-194x300.jpg>
- INFOLEX.LT-diskusijos – <http://www2.lat.lt/portal/start.asp?act=disk&fwd=komentarai.asp%3FdiskID%3D3631%26view%3D23%26groupID%3D1>
- mieste.lt – <https://dailycard.lt/e-mieste/>
- Sprinter tyrimai 2016 – <http://www.spinter.lt/site/lt/vidinis/menutop/9/home/publish/ODUwOzk7OzA=>

Sprinter tyrimai 2005 – <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/83-proc-gyventoju-didziuojasi-esantys-lietuviai.d?id=7026748>

Trumpas vadovas į Lietuvą atvykstantiems Vakarų europiečiams; [http://www.omni.lt/?i\\$9359_102463\\$z_174488](http://www.omni.lt/?i9359_102463z_174488).

Valstybinės lietuvių kalbos komisijos konsultacijų bankas; <http://konsultacijos.vlkk.lt/lit/98757>.

Žinynėlis, nepažįstantiems lietuvių; <http://lpi.lt/25406-einyndlis-nepaedyistants-lietuviei.html>.

Программы литовского радио и телевидения (2004–2017)

Lietuvos radijas – государственное радио Литвы

LRT – государственный телеканал Литвы

Žinių radijas – радиостанция

BTV (Baltijos televizija) – телеканал

LrytasTV („Lietuvos ryto“ televizija) – телеканал

TV1 – телеканал

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абашев В. 155
Абгарян Н. 32
Абрамова Ю. 35
Аксенов В. 106
албанцы 33
американцы 8, 10, 36, 45, 47, 48, 56, 88, 112, 181, 182, 195
американская культура 85
американский коммуникативный стиль 57, 81
американское коммуникативное поведение 65
американское общение 59, 77, 78, 89
англичане / британцы 21, 43, 45, 47, 59, 60, 87, 112, 194
английская культура 34, 78, 86, 182
английский коммуникативный стиль 81, 91, 92
английское коммуникативное поведение 65, 85
английское общение 71, 83, 89

английский (язык) 37, 57, 86, 109, 112, 114, 120, 130, 193, 202, 211, 225, 227

арабы 33, 37, 45
арабская культура 34
аргентинцы 46
армянская культура 32
Арутюнова Н. 114

Б

Баева Е. 34
Баженова И. 134
Бальчюнене И. / Balčiūnienė I. 173, 225
Белов В. 121, 124
Беловодская А. 65
Береснева Л. 79
Бердичевский А. 11
Блок А. 220
Бойкова И. 92, 93
болгары 33, 187
болгарский язык 112
Бразайтис Ю. / Brazaitis J. 176, 231
Бразаускаене Е. 210
бразильцы 46
Брызгунова Е. 163

- В**
- Валецкене А. 209
- Васильев Л. 134
- Васнецов В. 161
- Вежбицкая А. 71, 122, 126
- вежливость 21, 63, 65, 66, 79, 93, 120, 133, 179, 205, 208, 232, 239
- Венцлова Т. / Venclova T. 189
- Вепрева И. 155
- вербализация 22, 47, 73, 89, 135, 173, 222, 230
- вербальная/-ое/-ые/-ый 9, 14, 24–26, 28, 33, 34, 57, 59–61, 85, 86, 94, 108, 155, 170, 190, 203, 223, 224, 232, 237
- коммуникация / общение 27, 171, 214
- оценка 89, 108
- (коммуникативное) поведение 24, 26, 28, 39
- компоненты / средства коммуникации / общения 26, 28, 34, 42, 58–60, 184
- показатели дистанции общения 202
- (коммуникативный) стиль 57, 59, 81, 82, 89, 91, 131, 212
- Владимирова Т. 114, 170, 198
- вокатив
- демографический 126
  - общий 126, 131, 207
  - социальный 124
  - вокативные словосочетания 208
  - вокативные формы 120
- Володина Г. 105
- Воронин С. 133, 149, 207
- время монокронное / полихронное 46
- Высоцкий В. 101
- вьетнамцы 47
- Г**
- Гак В. 91, 117, 132, 206, 213
- Гаршин В. 220
- Гауберген М. 81, 83, 84, 132, 133
- Гачев Г. 171
- гендиадис 158
- Генис А. 112, 202, 203
- Гиляровский В. 161
- глаголы речи 133, 134, 150–152
- говорение 48, 58, 133, 147, 149, 150, 152, 170, 205
- акты говорения 149
- (сленговые) глаголы / номинации / обозначения говорения 14, 94, 133–135, 137, 147, 149–152, 154
- голландцы 112
- Голубева А. 11
- Горелов И. 26, 40, 41
- город 9, 35, 129, 155, 156, 158, 160, 165, 168, 169
- городская/-ие/-ое/-ой лексика 156
- номинации 155, 156, 165, 169
- общение 163, 169
- объекты 9, 25, 155–159, 168
- просторечие 131
- пространство 14, 25, 94
- тексты 163, 168
- греки 32–34, 45, 47

Грибоедов А.
Грибоедов А. 217
Григас Р. / Grigas R. 47, 174, 176, 188,
191, 194
Григорьев Н. 34, 38
Гутунава Д. 158
Гудавичюс А. / Gudavičius A. 15, 171,
172
Гудков Д. 12

Д

датчане 46
Дементьев В. 20, 61, 70–72, 74, 76,
77, 79, 81, 82, 84, 155, 180, 198, 200,
205, 233
Де Моой М. / De Mooij M. 19, 43, 47,
49, 53, 55, 82, 84
диминутив 71, 210
    диминутивные формы 122, 160
дискурс 19, 49, 50, 56, 92, 224
    дискурсивные слова 104, 110
дистанция коммуникативная /
    общения 21, 27, 35, 36, 42, 51, 60,
68, 70, 78, 82, 91, 93, 130, 131, 191,
200, 202, 206, 211, 224, 232, 239
    интимная 35, 43
    персональная 35, 36, 43
    психологическая 35, 74, 91
    публичная 35, 43
    социальная 35, 43, 51, 53, 126, 207
    физическая 35, 78
Довлатов С. 106, 107, 119
Донцова Д. 121
Достоевский Ф.М. 84, 98, 121, 196
Дьякова Л. 74

Е

евреи 32, 34
    еврейский коммуникативный
        стиль 81
египтяне 34
Емельяненко В. 154
Ермакова О. 135
Ермакова Р. 87
Ерофеев Н. 172
Ерофеева Е. 155
Ефремова Т. 99, 100, 102, 103, 105

Ж

Жельвис В. 200, 203, 224, 227, 230
Жеребцова П. 51, 52
жестикуляция 31, 34
жесты 9, 27–29, 32–34, 39, 40
    изобразительные /
        пантомимические 29–31,
34, 40
    коммуникативные 38, 40
    мимические 27
    побудительные 40
    симптоматические 38
    указательные / дейктические
        29, 30, 38
    этикетные 38, 40

З

Зализняк А. 76, 114, 122, 193
Залюбовская Е. 33, 171
Захарова Е. 82
звукоподражательные слова 159
Земская Е. 135, 155, 158
Зиновьева М. 169

И

- Иванов Вяч. 155
Ильин И. 173
императив 60, 92, 164, 165, 167, 192
    императивность 66, 68, 86, 108, 233
импозитивность 233
индийцы 37, 47
интенсивность 58, 68, 95–97, 100, 169
    интенсификатор 96, 100, 107, 108, 163
    интенсификация 95, 99, 103, 107
инофоны 113, 130
иранцы 84
    иранский коммуникативный стиль 81, 84
испанцы 34, 45, 111, 192
    испанская культура 34
итальянцы 24, 34, 45, 47, 175, 192
    итальянская культура 34

К

- каламбур 161
    каламбурный 161, 162
Карасик В. 19, 20, 27, 55, 75, 79, 81, 113, 124, 126, 128, 131, 170, 182, 205, 230
Касаткина Р. 99, 105
Касьянова К. 61, 172, 183, 198, 199
Кашкин В. 17, 45, 46, 49, 50
кинесика 27
Китайгородская М. 115, 125, 128, 155, 156, 158, 162–164
китайцы 24, 47, 192
    китайская лингвокультура 56

китайское коммуникативное поведение 65

по-китайски 54

- Кирилина А. 155
коммуникативная/-ое/-ые/-ый давление 63, 108, 184, 211, 234
жанр 76, 77, 79
идеал 69, 76
категория 21, 22, 62–64, 70, 92, 211, 234
намерение 63, 82, 85, 113
норма 22, 62, 68, 85, 113, 129, 203
пессимизм 68, 188, 189, 234
пространство 155, 169, 209, 210
ситуация 24, 25, 58, 67, 128, 211, 215
сознание 19–22, 62–64, 73, 75, 94, 207, 208, 213–215, 226, 229, 230
стандарт 8, 24, 64, 69, 178, 186, 187
стиль / этностиль 21, 59
установки 182, 235
ценности 27, 71, 80, 194
шок 7, 8, 238
эмоциональность 63, 82, 89, 90, 152, 187, 233, 239
эталон 69
корейцы 24, 34, 47
Кон И. 171, 174
конфликтность / бесконфликтность 67, 186, 232, 239
Копнина Г. 96
Красильникова Е. 155
Крейдлин Г. 19, 26, 27, 29, 31, 34, 38–40, 134
Кронгауз М. 97, 114, 128, 130, 209, 210
Крылов И.А. 221

Куликова Л. 36, 44, 55, 57, 58, 60, 81
культура

- адаптивность культуры 54
- высококинетичная 34
- высоконтекстная 44, 45, 53, 57, 82, 84
- диалогическая 43
- индивидуалистическая 49, 51, 53, 85, 87, 191
- интегративность культуры 54
- коллективистская 49–51, 53, 80, 82, 84, 197
- контактная 36, 37, 42, 60, 65, 70
- моноактивная 46, 48
- монологическая 43
- неконтактная 36, 37
- низкокинетичная 34, 45
- низкоконтекстная 44, 45, 49, 57
- оппозитивность культуры 71, 77, 78
- полиактивная 46–48
- реактивная 46–49,
- среднекинетичная 42
- тип культуры 43, 45–47, 53–55, 84

культурный шок 7, 8, 181, 182

Кундротас Г. 202

Л

Лавасте Л. / Lavaste L. 189, 190

Лакофф Р. / Lakoff R. 109

лакуны 111

- коммуникативные 230
- культурно-эмотивные 111
- лексические 215
- психологические 111

характерологические 111

эмотивные 112

Ларин Б. 155

Ларина Т. 7, 20, 34, 36, 55, 59–61, 81–83, 86, 92, 108, 109, 129

Лассан Э. 65

латиноамериканцы 37, 46, 111

латыши 185, 186

латышское коммуникативное
поведение 65

Лебедева Н. 178, 179, 187, 237

Левонтина И. 76, 79, 80, 82, 105, 114, 122

Легкаукас В. / Legkauskas V. 200

Леонтович О. 10, 12, 19, 23, 27, 36, 37, 40, 42, 43, 48, 59, 76, 81, 89–91, 171, 182, 186, 202–204, 232

Лермонтов М.Ю. 40, 41

лингвистический ландшафт 155

лингвокультура 7, 56, 232

лингвокультурная общность /
сообщество 8, 61, 62, 76, 108

лингвокультурная среда 169

лингвокультурный контекст 167

Лихачев Д.С. 128, 129

Лихачева А. 65, 95, 113, 137, 150, 171

Лич Э. / Leach E.R. 17, 19, 26, 37

локализация (информации) 167

Лотман Ю. 71, 155

Лурье С. 231

Лэндри Ч. 169

Льюис Р. Д. / Lewis R.D. 46–48, 53, 194

Люблинский В. 199

М

- Макарова В. 65
Марковина И. 15, 111, 112
Марсакова Т. 156, 165
Маршак С. 161
Маслова А. 90
Мацкявичюс Э. 177, 179, 187
Мацумото Д. / Matsumoto D. 18
Мацура А. 33
Мацявичюте Е. / Macevičiūtė E. 173
Меграбян А. / Mehrabian A. 34
межкультурная/-ое/-ые
    коммуникация 7, 8, 10–12, 45.
    контакты 8, 12, 54
    общение / взаимодействие 12,
        25, 62, 81
    пространство 23
    различия 237
Мёрдок Дж. П. / Murdock G. P. 18,
    22, 54
Микаберидзе И. 32, 81
Милдажите Э. / Mildažytė E. 185
Милославский И. 238
Михайлова Ю. 168
модели описания
коммуникативной культуры 24, 25
    аспектная 24
    параметрическая 24, 64, 70
    ситуативная 24
Моисеев А. 114, 116, 117
Мокиенко Б. 224
Москвин В. 153
Мохин А. 186
Мур И. 155

Н

- Нагорный И. 105
национальный характер 14, 15, 111,
    171–175, 180, 201, 204, 231
    русский 70, 74, 175, 176, 178, 183
    литовский 173–176, 186–188, 197,
        202, 232
невербальная/-ое/-ые/-ый 25, 26,
    30, 33, 45, 58–60, 232
искренность 40
коммуникация 27, 59, 171
лексика 38
семиотика 27, 34
общение 27
(коммуникативное) поведение
    18, 24, 27, 28, 34, 35, 39, 68
действия 31
знаки 31
компоненты / средства
    коммуникации/общения
        13, 26–28, 34, 36–38, 41, 42,
        58–60, 68, 184
параметры / элементы
    культуры 37, 38
(коммуникативный) стиль 14, 59
немцы 45, 46, 56, 59, 60, 80, 89, 92,
    196
немецкая культура 56, 60, 82
немецкий коммуникативный
    стиль 56, 81
немецкий язык / по-немецки
    92, 93, 109, 114, 133, 151, 193,
    211, 226
немецкое коммуникативное
    поведение 65

Нэпп М. / Napp M. L. 27, 29, 32, 34,
35, 37
Никитина Т. 135, 226
Николаева Т. 97, 105, 107, 109–111
норвежцы 46
норвежская культура 34

О

Оберг К. / Oberg K.
обращение 71, 91, 92, 115, 116, 118–123,
124–133, 164, 205–212
глаголы обращения 148
функция обращения 116, 123,
126, 127, 206
общение
дружеское 196, 224,
личное (персональное,
неофициальное) 73
неличное (официальное,
ритуальное) 73
открытое / закрытое 73
оценочность (общения) 17, 63,
68, 72, 96, 132, 153, 187, 233
светское 67, 73
объем общения 69
тематика общения 63, 67, 84, 239
формальность / нефор-
мальность (общения) 51, 53,
59, 66, 70, 74, 170, 228
обценная лексика 136, 215,
223–225, 230
овимбунду 33
ориентация на собеседника 68
Осипов Б. 136, 154

П

Павловская А. 64
пакистанцы 47
Пальвелева Л. 52
Папаурелите-Кловене С. /
Papaurelytė-Kloviėnė S. 173, 175,
178, 180, 183–185, 191, 192
паралингвистика 56
паралингвистическое
оформление речи 55
паравербальные средства
(общения) 58
Парсонс Т. 198
Паужа Ю. / Pauža J. 65, 173, 175, 208
Паустовский К. 122
персональность 71–73, 80, 234
Петрова А. 165, 171
Платонов А. 124
Плёмлите Л. / Plioplytė L. 181
Плунгян В. 110, 111
Попова З. 17, 32, 73
Поспелова А. 113
Потапова Р. 29
прецедентность 75
прецедент 130
прецедентная модель 218
прецедентные высказывания 219
прецедентный текст / феномен
97, 103, 161, 217, 221, 230
прецедентный фонд 220
Привалова И. 37, 53, 57, 58, 78, 81, 92
Прилепин З. 100, 101, 106
принципы описания коммуни-
кативного поведения 23–24
принцип контрастивности 24
принцип системности 23

- проксемика 35, 208
    психологическая 91, 108, 133, 208,
    проксемическая организация
        коммуникации /общения 37, 42, 78, 94, 234, 238,
Прохоров Ю. 15, 20–23, 26, 37, 39, 40, 42, 43, 61–65, 69, 82, 89, 109, 128, 132, 193
Пускепалис С. 187
Пушкин А.С. 98, 103, 109, 157, 159, 161
Пэйн В. / Райне W. 181, 182
- Р**
разговор по душам 21, 67, 74–78
Распутин В. 120
регулятивность 63, 66, 108, 133, 183, 233
    косвенная 234
    прямая 183
Резаи А. М. 81, 85
Резникова Т. 45
Рис Н. / Ries N. 129, 130, 133, 155
Рогозная Н. 33
родство 113–116, 117, 118, 120, 122
    идея родства 113, 132, 198
    лексика родства 114, 116–118, 122, 126, 129, 130–132, 139
    названия / номинации родства 115, 119, 121, 132
    родственный код 129, 131, 170
    термины родства 115–117, 119–122, 124, 128–131,
    фиктивное родство 121, 124, 132
Розанова Н. 115, 125, 128, 155, 156, 158, 162–164
- Розина Р. 135
Рытникова Я. 81
- С**
Санников В. 158, 161
светскость 79
    светская беседа / светский разговор 71, 77–80, 85
    светская болтовня 74
    светская вежливость 41
Седов К. 40, 41, 82
Седых А. 81, 90, 224
семанги 33
сербы 90, 127
    сербская культура 42,
    сербский стиль общения 90
Сергеева А. 61, 70, 74, 75, 178, 182, 186, 198
Синекопова Г. 155
синестемия 149
    синестемические глаголы речи 150
Сиротинина О. 155
Скляревская Г. 153
Сковородников А. 96
сленг 23, 98, 135, 147, 149, 152–154, 215, 225, 230.
    литовский сленг 230
    сленгизмы 137, 151, 152
    сленгизация 133
    сленговые выражения / единицы / лексемы/ номинации 134–137, 147–154, 228,
    сленговые русизмы / русский сленг 227, 228

- словаки 42, 43, 90, 91
     словацкий коммуникативный
         стиль 90
     словацкий язык 90
 Смирнова Е. 19
 совет 67, 70, 87, 88, 133, 233,
     непрощенные советы 88, 145, 183
 Сорокин Ю. 15, 111, 112
 социализация личности 23
 социальная интровертированность 199
 Степанов Ю. 17
 стереотипы 23, 56, 62, 111, 131, 171, 173
     автостереотипы 53, 177, 192
     гетеростереотипы 53
     коммуникативные 23, 32
     общения 23
     поведения 90
     стереотипизация 23, 81, 171
 Стернин И. 8, 15, 17, 20–26, 32, 37, 39,
     40, 42, 43, 55, 56, 58, 61–65, 69,
     73, 74, 81–83, 86, 89, 92, 108, 109,
     128, 129, 132, 179, 183, 193, 195, 200,
     203, 211
 Стернина М. 81, 83, 86, 92, 108, 109,
     129
 Стефаненко Т. 171
 Стругацкие А. и Б. 106
- Т**
- тайваньцы 47
 такесические средства 37
 Таннен Д. / Tannen D. 55, 58
 Тарасевич Г. 192
 Тащилин А. 97
 Тер-Минасова С. 10, 12, 19, 130, 172, 173
- Токарева В. 105, 106
 Толстая Т. 115
 Толстой Л.Н. 84, 98
 тревел-райтер, тревел-райтинг 23
 Триандис Г. / Triandis H.C. 11, 19, 32,
     50, 51, 53, 57
 Трубачев О. 114
 Туранский И. 96, 107
 турки 33, 47, 192
     по-турецки 114
- У**
- Уайт Л. А. / White L.A. 54, 55
 Улицкая Л. 106
 урбанонимы 167
 уровни описания коммуника-
     тивных категорий 21–22
     бытийный 21, 22, 235
     духовный 21
     рефлексивный 21, 179, 234
 Успенский Б. 71
 Уфимцева Н. 153
- Ф**
- фатика 71, 77
     фатический жанр 77, 78
     фатическое общение 77
 Фанайлова Е. 192
 Федоров А. 158, 167
 Фенина В. 77, 78
 Филин Ф. 114
 финны 47, 56
     финское коммуникативное
         поведение 65
 Флорин С. 112

Фомиченко Л. 202
Формановская Н. 115, 207, 214
Фостер Д. / Foster D. 185–187
французы 32, 34, 45, 83, 87, 112
    французская культура 32, 83, 87
    французский коммуника-
        тивный стиль 81, 90
    французский язык 32, 91, 132
    французское коммуникативное
поведение 34, 65

Х

Химик В. 222
Холл Д. / Hall J.A. 27, 29, 32, 34, 37
Холл Э. / Hall E.T. 11, 35, 44, 46
Хофстеде Г. / Hofstede G. 49, 53, 237
Храмова Г. 133, 134, 152

Ч

Чамберс Ж. / Chambers J.K. 8, 9, 19,
    85, 123
Чаплин Ч. 25
Чарыкова О. 17, 32, 73
Чернявская О. 169
Чехов А.П. 161, 227
чилийцы 34
Черномырдин В. 219
Чичинскайте Р. 65

Ш

Шабаетва Т. 100
Шарифуллин Б. 155
Шатуновский И. 152
Шаховский В. 95, 223
шведы 46, 47

Шведова Н. 115
швейцарцы 46
Шевченко Ю. 32, 34
Шейгал Е. 95, 96
Шерелите Р. / Šerelytė R. 189
Шилихина К. 20, 82, 85, 109, 183, 184
Шмелев А. 76, 114, 122
Шукшин В. 121, 159

Э

экспрессивность 89, 95, 96, 104,
    107–109, 133, 158, 159, 165, 169, 203,
    207, 224
    мера экспрессивности 96, 102
    экспрессивная лексика /
        экспрессивы 96–97, 108,
        222, 230
    эспрессивная тональность 100,
        103
    эспрессивная функция 104
    экспрессия 154
Элтанг Л. 232
эмфатический 97, 109, 112
эстонцы 185, 186
    эстонская культура 34
    эстонское коммуникативное
        поведение 65
этикет 14, 70, 112, 200, 205, 208, 211,
    213, 232
    речевой этикет 116, 126, 214
    этикетность 24, 68, 179, 205
    этикетные нормы / правила 66,
        85, 181, 204, 234
этнокультура
    этнокультурная специфика 79,
        81, 94, 113

этнокультурные группы /
общности / сообщества 36,
93, 238
этнокультурный феномен
238–239
этнолингвокультура 57, 92

Ю

Юганов И., Юганова Ф. 135, 152

Я

Якубинский Л. 155
Янко-Триницкая Н. 158
японцы 33, 34, 36, 45, 47, 109
японская культура 45, 84
японский коммуникативный
стиль 56
японское коммуникативное
поведение 84

А

Adler E. 153
Allik J. 53, 171, 177

В

Backhaus P. 155
Baravykaitė A. 226
Berlo D. 11
Braun F. 116, 119, 120, 121
Brislin R.W. 11

С

Cai D.A. 55
Chentsova-Dutton Y. E. 88, 89
Choi I. 55

Č

Čepaitienė G. 206, 211, 212

Д

Declercq Ch. 167
Deschamps J.-C. 50, 51
Deumert A. 18

F

Fink E. L. 55
Fowler R. 155

G

Gao G. 55
Genys D. 187
Gorter D. 155
Green E. 50, 51
Grigaliūnaitė B. 201
Gudykunst W. 55

J

Jančys A. 193

K

Kairiūnaitė A. 201
Katzner K. 109
Kazijevaitė M. 225
Knoblauch H. 19
Kučinskaitė A. 184

L

Labof W. 155
Landry R. 155
Laučius V. 189
Leap W. 18
Lee F. 55
Legaudaitė J. 228
Lönnqvist J.-E. 53, 177

M

Mestrie R. 18
Miyamoto Y. 19
Mikutytė J. 225
Mockaitis A. 197
Möttus R. 171, 177

P

Páez D. 50, 51
Paulauskienė A. 210
Porter R. E. 46

R

Realo A. 53, 171, 177
Ries N. 129, 155
Ryžakova S. 178

S

Samovar L. A. 46
Sanchez-Burks J. 55
Saulytis G. 176, 184, 192, 193, 197
Schwarz N. 19
Shlyakhov V. 153

Sibata T. 155

small talk 9, 71, 77, 78, 92

Smith P. B. 50, 55

Spolsky B. 155

Suh E.M. 50

Swann J. 18, 19

Š

Šimtininkaitė G. 184, 189, 191, 192, 195

Švedienė R. 212

T

Taljūnaitė M. 188

Ting-Toomey S. 34, 55, 57

Trager G.L. 11

travel writer, travel writing 23

Trubisky P. 55

turn-takers 29

U

Urbanavičius A. 175, 179, 204, 211,
212, 222

V

Vaughn A. 88, 89

Z

Zaikauskas E. 222, 226–228

Zavjalova M. 178, 228

Ž

Žakaitis P. 11, 172, 179

RUSŲ KOMUNIKACINĖ KULTŪRA IR JOS VERBALINĖS APRAIŠKOS LYGINANT SU LIETUVIŲ IR KITOMIS KOMUNIKACINĖMIS KULTŪROMIS

SANTRAUKA

Problemos, susijusios su nacionalinės-kultūrinės komunikacijos specifikos aprašymu, mūsų laikais tapo ypač aktualios. Globalūs emigracijos ir imigracijos procesai, veiksmingos įvairių šalių politikų ir verslininkų partnerystės poreikis, masinis tarptautinis turizmas, intensyvūs akademiniai mainai – šie ir kiti faktoriai paskatino atkreipti dėmesį į vadinamąjį kultūrų dialogą, tarpkultūrinę (taip pat *cross-cultural*) komunikaciją, ir sudarė sąlygas išskirti tarpkultūrinę komunikaciją kaip savarankišką bendrųjų humanitarinių tyrinėjimų sritį.

Tarpkultūrinių skirtumų nagrinėjimas įmanomas tik tada, kai gerai susipažįstama su *kiekviena* iš gretinamų kultūrų. Tačiau esama metodologinio paradokso, kuris lydi pavienių komunikacinių kultūrų analizės, net jeigu jose nesiekama gretinti: *bet kurios* kultūros aprašymas *negretinant* išvis neįmanomas. Šis principas tiksliai įvardytas G. Hofstede's kultūrų tyrinėjimo centro formulėje: „Kultūra egzistuoja tik per palyginimą“ (*Culture only exists by comparison*). Todėl fiksuodami galimus tarpkultūrinių susidūrimų sunkumus, ruošdami rekomendacijas, kaip užtikrinti harmoningą komunikaciją tarp skirtingų kultūrų atstovų,

turėtume pradėti nuo esminių *kiekvienos* iš kontaktuojančių kultūrų bruožų objektyvacijos, visų pirma – tų kultūros elementų, kurie svarbūs būtent bendravimui, identifikavimo ir analizės, t. y. nuo *komunikatyviai relevantiškų* savybių išskyrimo konkrečiose nacionalinėse kultūrose. Kitaip tariant, derėtų susikcentruoti į tai, kad dauguma įvairių šalių gyventojų, vis labiau perimdami globaliosios kultūros siūlomą unifikuotą laikyseną šiuolaikinio meno, muzikos, kino, dizaino atžvilgiu, vis dėlto paiso vidinių savosios kultūros bendravimo taisyklių, mat to iš jų reikalauja pats skirtingų *nacionalinių komunikacinių kultūrų* egzistavimas.

Šioje knygoje pateikiamas nacionalinės komunikacinės kultūros analizės modelis remiantis rusų komunikacinės kultūros pavyzdžiu ir rusų kalbine medžiaga, gretinant su kai kuriomis lietuvių komunikacinės kultūros savybėmis, taip pat pasitelkiant duomenis apie kitų tautų komunikacines kultūras. Taigi siūlomas modelis yra konstruojamas derinant aprašomąjį-analitinį ir gretinamąjį komunikacinių kultūrų ir jų verbalinių aspektų pateikimo metodus. Viena vertus, knyga pritaikyta konkrečioms mokomosioms užduotims ir gali būti naudojama kaip įvadas į komunikacinių kultūrų apskritai ir rusų kaip konkrečios komunikacinės kultūros aprašymą; antra vertus, čia pateikiamas autorinis tyrimas, kuriame pirmą kartą sutelkiamas dėmesys į rusų bendravimui labiausiai charakteringas priemones, rusų komunikacinė kultūra sugretinama su lietuvių ir kitomis komunikacinėmis kultūromis, atsižvelgiant į jų kalbinius pavidalus. Tad ši knyga galės tapti ir teoriniu, ir taikomuoju orientyru gretinamajam komunikacinių kultūrų – daugiau ar mažiau artimų arba tolimų, turinčių akivaizdžių arba latentinių skirtumų – aprašymui. Tikimasi, kad lyginamoji medžiaga taip pat turės lingvodidaktinės vertės ir bus naudinga, ruošiant kultūrologus bei vertimo teorijos ir praktikos specialistus.

Daugiausia dėmesio skiriama verbalinėms nacionalinio komunikacinio stiliaus apraiškoms, tad patikslinama ir pati komunikacinio

stiliaus sąvoka – tai konkrečios etnokultūrinės bendruomenės prokseminės nuostatos, realizuojamos bendraujant. Būtent vienai ar kitai nacionalinei kultūrai būdingas bendravimo atstumas, mano manymu, yra raktas į etnokultūrinių komunikacinių ypatumų supratimą.

Yra žinoma, kad ryškūs tautų bendravimo skirtumai gali sulaukti kitos kultūros atstovų priešiško ar netgi sukelti komunikacinį šoką. Sunkiau atpažįstami skirtumai tarp daugeliu atžvilgių pakankamai artimų komunikacinių kultūrų (būtent taip galima apibūdinti rusų ir lietuvių kultūras): jų atstovų bendravime veikia tam tikri latentiniai normatyvai, kurie nepasireiškia kaip giluminiai dviejų kultūrų skirtumai ir todėl dažnai kiekvienos iš jų suvokiami tik kaip nukrypimai nuo savųjų, „taisyklingųjų“ normų. Kita vertus, kaip rodo tyrimai, komunikaciniai ypatumai, aptinkami kitoje etninėje kultūroje ir suvokiami kaip atskiri, pavieniai „nukrypimai“ nuo savų, įprastų normų, yra sisteminio charakterio: jie vienas kitą papildo ir daugiau ar mažiau pastebimai reiškiiasi įvairiausiose bendravimo situacijose. Vienas iš tokių kompleksinių, reikšmingų etnokultūrinių reiškinių, dažnai nuvertinamų aprašant santykinai artimas kultūras, yra optimalus, patogus interakcijos dalyviams bendravimo atstumas, net jeigu jo apraiškų ir laikymosi skirtumų atpažinimas gana sudėtingas. Tokiais atvejais išankstinis nusistatymas dėl komunikacinio tautų artumo gali suveikti taip, kaip giminingų kalbų atžvilgiu suveikia vadinamieji „netikri vertėjo draugai“, ir tuomet į neitin ryškius komunikacinius nesutapimus gali būti neatsižvelgta, taip sumenkinant tarpusavio supratimo ir nekonfliktiškumo bendraujant laipsnį.

Pirmasis knygos skyrius „Nacionalinė komunikacinė kultūra ir nacionalinis komunikacijos stilius: bendroji charakteristika“ yra įvadinis: jame apžvelgiami ir apibendrinami tyrinėjimai, skirti įvairiems etnokultūrinių komunikacijos sąlygotumų analizės aspektams. Čia išdėstomi pagrindiniai nacionalinių komunikacinių kultūrų aprašymo principai,

charakterizuojamas verbalinių ir neverbalinių bendravimo priemonių santykis, pateikiamos kultūrų klasifikacijos, išskiriant tuos parametrus, kurie tiesiogiai pasireiškia komunikacijoje.

Antrajame skyriuje „Rusų komunikacinė kultūra: verbaliniai aspektai“ charakterizuojama rusų komunikacinė kultūra ir rusų komunikacinis stilius, gretinant su kitų kultūrų stiliais. Ypatingas dėmesys skiriamas verbalinėms rusų komunikacinio stiliaus manifestacijoms, tarp jų – kasdieniame rusakalbių bendravime nusistovėjusių intensifikuojamųjų kalbinių priemonių, giminytės kodo elementų bei įvairiausių kalbėjimo įvardijimų vartosenai; be to, svarstoma kalbinio dizaino specifika urbanistinėje rusų komunikacinėje aplinkoje. Šiuo požiūriu knyga skiriasi nuo lingvokultūrologinės pakraipos darbų, kuriuose kalbos ir kultūros santykiai aprašomi neatsižvelgiant į komunikacines implikacijas.

Trečiajame skyriuje „Lietuvių komunikacinės kultūros apybraiža gretinant su rusų komunikacine kultūra“ išskiriami lietuvių komunikacinės kultūros bruožai, pastebimi per gretinimą su rusų, kas atrodo aktualu turint omenyje jų kaimynystę ir sambūvį. Komunikaciniai lietuvių ypatumai aprašomi remiantis atskirais tautinio charakterio bruožais, išskiriamais ir aptarinėjamais ne vien akademinio pobūdžio darbuose, bet pirmiausia – žiniasklaidos publikacijose, interviu, diskusijose ir forumuose, reprezentuojančiuose lietuvių *vox populi*. Stabiliosios verbalinės lietuvių komunikacinio stiliaus apraiškos daugiausia aprašomos remiantis etiketo medžiaga, o siekiant apibūdinti dinamiškesnius reiškinius (ir dar išliekančius, ir jau nykstančius iš komunikacinės praktikos) naudoti viešojoje erdvėje skambančių pasisakymų užrašai, mano surinkti ruošiant straipsnius, susijusius su kultūrine ir kalbine padėtimi Lietuvoje (pradedant 2004 m. ir baigiant šiomis dienomis).

Rusų ir lietuvių komunikacinių kultūrų sugretinimas rodo, kad abi komunikacinės kultūros prieštaringos, o jų atstovų nacionaliniuose charakteriuose persipina paradoksalia savybės. Galima pasakyti ir kitaip:

refleksyviai šių kultūrų atstovus traukia kitoks elgsenos tipas: rusus – komunikacinis Vakarų kultūrų atstovų nuosaikumas bei tolerantiškumas, lietuvius – atvirumas, jų pačių priskiriamas rusams, bei komunikacinis Vakarų pasaulio gyventojų optimizmas. Vis dėlto būties lygmeniu abiejose kultūrose pastebimas minėtų potraukių pažeidimas ir įprastų elgsenos modelių kartojimas.

Ryškus abiejų kultūrų bruožas, jas iš dalies suartinantis – lyginant su Vakarų komunikacinėmis kultūromis, – ir iš dalies atitolinantis, yra kalbinių pastabos, kitų žmonių elgesio koregavimo ir komunikacinio vertinimo aktų buvimas, šių kalbinių veikslių dažnumas bendraujant. Šiuo požiūriu ir lietuvių, ir rusų bendravimas gali būti klasifikuojamas kaip reguliatyvus, kai tuo tarpu daugumoje Vakarų kultūrų kalbinis pastabos aktas beveik neaptinkamas, o patarimo pragmatika skiriasi nuo rusų ir lietuvių. Kita vertus, vertinamieji kalbos aktai bei reguliatyvumas rusų ir lietuvių kultūrose turi skirtingus vektorius. Rusų bendravime kategoriškumas ir imperatyvumas menkai tepriklauso nuo interakcijos dalyvių pažįstamumo laipsnio (tų, kurie atlieka vertinamąjį kalbos aktą, ir tų, kieno elgesys, jų manymu, prašosi koreguojamas). Lietuvių reguliatyvai turi šiek tiek kitokią intenciją ir „tikslinę auditoriją“ negu rusų: lietuviai noriai koreguoja savo artimųjų elgesį, jeigu jis, jų nuomone, netaisyklingas arba „nelietuviškas“, bet yra atsargesni patarinėdami ir išsakydami pastabas nepažįstamiesiems.

Žvelgiant plačiau, ir rusų, ir lietuvių charakteringieji komunikaciniai bruožai gali būti aprašyti kaip prieštaringų savybių kompleksai. Tarkime, tipinės rusų komunikacinės apraiškos – tai, viena vertus, polinkis bendrauti, atvirumas, širdingumas, emocionalumas, kita vertus – grubumas, kategoriškumas, komunikacinis spaudimas, tiesioginis reguliatyvumas. Rusų komunikacinėje kultūroje tradiciniam kolektyvizmui priešingas asmeniškumas kaip didžiausia komunikacinė vertybė, maksimalus kontaktiškumas, pašnekovo įtraukimas į asmeninę kal-

bančiojo erdvę (*suvok gyvenimą taip, kaip aš*). Kartu rusai aiškiai jaučia savo *ryšį, bendrystę*: tam, kad rastųsi patenkinama prokseminė būties organizacija, pakanka savos kultūros (tame tarpe ir buitinės), bendros gyvenamosios ir kalbinės erdvės ženklų.

Tipinės lietuvių komunikacinės apraiškos – santūrumas, nuolankumas, svetingumas, polinkis laikytis etiketo normų vs. komunikacinis nepatiklumas, pavydumas, užsispyrimas, pesimizmas, netiesioginis ir (rečiau) tiesioginis reguliatyvumas, polinkis moralizuoti. Lietuviškąjį individualizmą lydi vidutinis kontaktiškumas ir jis priešinamas dorybiniam kolektyvizmui (*elkis taip, kaip visi*). Sykiu lietuviai nesiekia nei išsiskirti, nei susilieti su kitais, jie aiškiai jaučia savo *individualų atskirtumą* bei *atskirtumą nuo kitų savo pačių sociumo narių*, tik ypatingais atvejais išreikšdami *ryšį* arba *bendrumą* su tąja visuomene.

Tikėtina, kad ir kitose kultūrose aptinkama ne mažiau prieštarų bruožų, tačiau, laikantis mano hipotezės, dirva tokių paradoksalių sankabų formavimuisi tampa ryškūs neatitikimai tarp refleksyviųjų komunikacinių kategorijų (kurios suvokiamos kaip normatyvinės) ir būties kategorijų (kurios atspindi ne tai, kaip turi būti, o tai, kas bendraujant yra iš tiesų). Regis, tai visų pirma įmanoma sociumuose, kurie išgyveno daugkartines sociokultūrinės transformacijas, be kita ko tiesiogiai paveikusias vertybines nuostatas, palaikomas nacionalinių komunikacinių kultūrų.

Darbe išanalizuoti kompleksai kalbinių priemonių, turinčių ypatingą svarbą rusų bendravime. Šiuo požiūriu išskirtos kalbinės priemonės anksčiau nebuvo aprašytos. Čia derėtų prisiminti XXI a. pradžioje rusų mokslininkų išsakytą nuomonę, esą šiai dienai mes dar nesuvokiame vienu ar kitu semantinių komunikacinių rusų kalbos ypatybių reikšmės, o tuo pačiu ir jų vietos kitų kalbų kontekste. Ši mintis išlieka aktuali ir šiandien, juolab kad panašiai vertintina ir semantinių komunikacinių lietuvių kalbos ypatybių aprašymo padėtis.

Etnopsicholingvistai pastebi, kad savosios kultūros „pasisavinimo“ proceso metu jos atstovams priskiriami tam tikri etniniai vaidmenys: „ruso vaidmuo“, „lietuvio vaidmuo“ ir pan. Šių vaidmenų aprašymui, jų specifinių ir nacionalinei komunikacinei kultūrai svarbių bruožų bei kalbinių apraiškų identifikacijai ir skirta ši knyga. Be to, požiūris į rusų komunikacinę kultūrą čia pateikiamas pirmiausia pačios rusų kultūros atstovų akimis. Tas pat principas, kiek tai buvo įmanoma, pritaikytas ir lietuvių komunikacinei kultūrai: analizuojant ją daugiausia remtasi pačių lietuvių savivoka. Renkantis tokią aprašymo strategiją atsižvelgta į etnopsichologų tvirtinimą, esą žvilgsnis į kultūrą iš vidaus yra tikslesnis ir mažiau priklausomas nuo išankstinių nuostatų, nes būtent toks žvilgsnis išvengia nevalingo etnocentristinio iškraipymo, kuris kyla iš kitokio nacionalinio pasaulėvaizdžio.

THE RUSSIAN COMMUNICATIVE CULTURE AND ITS VERBAL MANIFESTATIONS IN COMPARISON WITH LITHUANIAN AND OTHER COMMUNICATIVE CULTURES

SUMMARY

Problems of the description of national and cultural specifics of communication have obtained special importance lately. Global processes of emigration and immigration, the need for efficient partnership between politicians and businessmen of different countries, massive international tourism, intensive academic exchange – these and other factors have drawn attention to the so-called dialogue of cultures, to intercultural (or *cross-cultural*, as it is called in some papers) communication, and conditioned the qualifying of intercultural communication as a separate discipline within the overall field of humanities.

The study of *intercultural* differences is possible only on condition that there is a good understanding of *each* of the cultures being compared. However, the methodological paradox accompanying the analysis of particular communicative cultures, even if contrastive purposes are not being pursued, resides in the fact that the description of *any* culture *without comparison* is impossible at all. This principle is aptly expressed in the slogan of the Hofstede Centre of Culture Research: ‘Cul-

ture only exists by comparison.' Thus, the outlining of potential difficulties in intercultural contacts, as well as recommendations for ensuring harmonious communication between representatives of different cultures must start with the objectification of essential features of *each* of the contacting cultures, first of all – with the identification and analysis of those elements of culture, which are important specifically for communication, that is, with the identification of *communicatively relevant* features of individual national cultures. In other words, attention should be paid to the fact that people in different countries, while embracing more and more the global cultural, unified predilections in the fields of modern art, music, film and design, still tend to follow their own intra-cultural rules of communication because the very existence of different *national communicative cultures* requires so from them.

This book offers a model of analysis of the national communicative culture based on the example of Russian communicative culture and Russian linguistic material, compared with some features of the Lithuanian communicative culture, as well as data about communicative cultures of other nations. Thus, the proposed model combines descriptive analytical and contrastive methods of presenting communicative cultures and their verbal aspects. On the one hand, the book is aimed at certain teaching exercises and may serve as an introduction to the description of communicative cultures in general and to Russian communication culture in particular; on the other hand, the book presents an authorial research, which focuses for the first time on the most exemplary linguistic means of Russian communication and compares Russian communicative culture with Lithuanian and other communicative cultures with regards to their linguistic manifestations. In this way, the book may become a theoretic and applied guide for a contrastive description of communicative cultures, more or less close or distant, hav-

ing obvious or latent differences. It is hoped that the compared material will also have *linguo-didactic* value and will be useful in the process of preparing *culturologists* and specialists in the field of theory and practice of translation.

Attention is primarily paid to verbal manifestations of national communicative style, in connection with which the very notion of communicative style is clarified – as the proxemic attitudes of a specific ethnocultural community, realized in communication. It is exactly the communication distance typical of this or that national culture that, in my opinion, is the key to interpreting ethnocultural communicative peculiarities.

It is known that considerable national differences in communication may be accompanied by a disapproval of these differences by representatives of the other culture, or even a communication shock. Less easily identifiable are differences in communicative cultures, which are on many counts relatively similar (Russian and Lithuanian cultures may be characterized precisely this way): in the communication of their representatives, certain latent standards are present, which do not manifest in the form of sharp, deep differences between the two cultures, and are therefore often perceived from the perspective of each of them only as deviations from their own, ‘correct’ norms. However, studies have shown that communicative peculiarities, found in another ethnic culture and perceived as singular ‘deviations’ from one’s own habitual norms, are of systemic nature: they are complementary and are more or less manifest in a variety of communicative situations. One such complex and significant ethnocultural phenomenon, often underestimated in the description of relatively close cultures, is the optimal and comfortable for the participants of the interaction distance of communication, even if the recognition of differences in its manifestations is hindered. In such cases, the predetermination towards communicative closeness

of nations can act similar to the way 'false friends of a translator' do in regards to related languages, and then less striking communicative discrepancies may remain unaccounted for, thereby diminishing the degree of mutual understanding and conflictlessness in communication.

The book's first chapter 'National Communicative Culture and National Style of Communication: General Characteristics' is introductory: it provides an overview of studies dedicated to various aspects of the analysis of ethnocultural conditionality of communication. Main principles of the description of national communicative cultures are outlined, the relation of verbal and non-verbal means of communication is characterized, and classifications of cultures are given – with an emphasis on those parameters, which manifest directly in communication.

The second chapter 'Russian Communicative Culture: Verbal Aspects' addresses the characteristics of Russian communicative culture and Russian communicative style in comparison with the communicative styles of other cultures. Special attention is paid to verbal manifestations of Russian communicative style, particularly, the stable use in everyday communication of intensificatory linguistic means, elements of the kinship code, and various namings of speech, as well as the specifics of linguistic design of Russian urban communicative space. In this respect, the book differs from works of linguo-cultural orientation, which describe the relationship of language and culture independently of actual communicative implications.

The third chapter 'An Outline of Lithuanian Communicative Culture as Compared to Russian' points out features of Lithuanian communicative culture, observable when contrasted with Russian, which seems relevant given their geographical closeness and co-existence. Communicative peculiarities of the Lithuanians are described, focusing on certain features of the national character as discussed not only in

academic works, but also – and primarily – in mass media publications, interviews, discussions and forums, which represent the live Lithuanian *vox populi*. Stable verbal manifestations of Lithuanian communicative style are described mainly on the basis of etiquette material, whereas for the characterization of more dynamic phenomena (both those that still exist and those that are already disappearing from communicative practice), various public utterances, written down and collected by me while preparing articles related to the cultural and linguistic situation in Lithuania (from 2004 and to this day), were used.

The comparison of Russian and Lithuanian communicative cultures shows that both communication cultures are contradictory and that the national characters of the representatives of these cultures combine paradoxical features. It may also be said this way: reflexively, representatives of these cultures are attracted to a different type of behavior: Russians, to the communicative moderateness and tolerance of representatives of the Western cultures, and Lithuanians, to the openness – which they themselves assign to Russians – and communicative optimism of the Westerners. However, in everyday life these inclinations are breached and habitual behavioral patterns are instead reproduced in both cultures.

A significant peculiarity of both cultures that brings them closer in comparison with Western communicative cultures, while also distancing them from each other, is the presence of verbal acts of remark, call for change and communicative evaluativity, and the frequency of these verbal actions in communicative behavior. In this respect, both Lithuanian and Russian communication can be qualified as regulative, whereas in most Western cultures the verbal act of remark is almost absent, and the pragmatics of advice is different from that of Russian and Lithuanian cultures. However, evaluativity and regulativity also have different vectors in Russian and Lithuanian communication. In Russian

communication, categoricalness and imperativeness hardly depend on the degree of acquaintance between the representatives of Russian communicative culture and the people whose behavior, in their opinion, needs correcting. Lithuanian regulatives have a slightly different intention and 'target group' from the Russian ones: Lithuanians willingly correct improper or 'non-Lithuanian', from their point of view, behavior of their family and friends, but are more cautious about giving advice and making remarks concerning strangers.

From a wider perspective, the characteristic communicative features of both the Russians and the Lithuanians may be described as combinations of contradictory traits. For instance, typical communicative manifestations of the Russians are, on the one hand, sociability, openness, cordiality, emotionality, yet on the other hand – rudeness, categoricalness, communicative pressure, direct regulativity. In Russian communicative culture, traditional collectivism is opposed by personality as the most important communicative value, maximum contactability and pulling of the interlocutor into one's personal space (*perceive life like I do*). At the same time, Russians clearly perceive their *commonality*, their *compatibility*: for an acceptable proxemic organization of existence, signs of their culture (including the everyday one), the shared living space and linguistic space are enough.

Typical communicative manifestations of the Lithuanians are as follows: modesty, compliance, affability, inclination to comply with the norms of etiquette vs. communicative incredulity, reservedness, envy, indirect and (less often) direct regulativity, as well as inclination to moralize. Lithuanian individualism/personalism is accompanied by a medium contactability and is opposed to moral collectivism (*behave like the others*). Lithuanians do not strive to either stand out from or merge with others, they clearly feel their own, *individual specialness, distinctiveness*

from other members of their own society, only showing commonality or compatibility with this society in extraordinary situations.

No less contradictory features are probably found in other cultures, too, but my hypothesis is that such paradoxical combinations may get formed on the basis of significant discrepancies between reflexive communicative categories (which are perceived as normative) and those found in everyday life (which reflect not how things should be, but how they are in real communication). Apparently, this is possible primarily in societies, which have experienced numerous sociocultural transformations that have had a direct impact, among other things, on the values supported by the national communicative cultures.

Entire groups of linguistic means that have a special importance in Russian communication are analyzed in this work. Linguistic means identified from this perspective have not been described previously. Here it seems fitting to recall the opinion expressed in Russian science in the beginning of the 21st century which states that so far we do not fully understand the meaning of many semantic and communicative features of Russian language, also in the context of other languages. This idea remains important today, especially since the situation with the description of semantic and communicative features of Lithuanian language can be evaluated the same way.

According to ethnopsycholinguists, in the process of ‘appropriating’ one’s own culture, an individual acquires a certain ethnic role: ‘the role of the Russian’, ‘the role of the Lithuanian’, etc. Indeed, this book is dedicated to describing such roles and revealing their features that are specific and important to a particular national communicative culture, and their linguistic manifestations. Importantly, Russian communicative culture is presented here primarily through the eyes of the representatives of this culture. The same principle, where possible, was applied to Lithuanian

communicative culture: its analysis has been based mainly on the self-perception of Lithuanians. This strategy of description was chosen having in mind a statement by ethnopsychologists, according to which the view of a given culture appears to be more correct and unprejudiced when it comes from the inside, since such a view eludes the unintentional ethnocentric distortion that is based on a different national worldview.

Алла Лихачева

РУССКАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ
КУЛЬТУРА И ЕЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ
ПРОЯВЛЕНИЯ

В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛИТОВСКОЙ
И ДРУГИМИ КОММУНИКАТИВНЫМИ
КУЛЬТУРАМИ

Viršelio dailininkė *Audronė Uzielaitė*
Maketuotoja *Vida Vaidakavičienė*

50 egz. 11,9 aut. lanko. 18,5 sp. lankų. Išleido Vilniaus universitetas,
Vilniaus universiteto leidykla. Universiteto g. 3, 01513 Vilnius
Spausdino UAB „Baltijos kopija“. Kareivių g. 13B, 09109 Vilnius